

WITCHES WITH THE ENEMY

"Barb Hendee's novels are not to be missed."
— SciFiChick.com

A NOVEL OF THE MIST-TORN WITCHES

BARB HENDEE

NATIONAL BESTSELLING AUTHOR OF WITCHES IN RED

Когда провидицы Селин и Амели Фоу под угрозой смерти бежали из Шетаны, они поклялись никогда не возвращаться. Однако менее чем через год их вызвал на помощь человек, который однажды пытался убить их.

Жестокий княжич Дамек почти одержал успех в сватовстве к молодой дворянке из могущественной семьи, когда сестра его наречённой была убита. Чтобы сохранить помолвку от расторжения, Дамек должен быстро разоблачить убийцу — а для этого ему нужны провидицы. Хоть покровитель сестёр Фоу, князь Антон, и опасается, что, приехав в Шетану, Селин и Амели окажутся в смертельной опасности, он обязан помочь своему брату Дамеку.

Только вот никто из них не оказался готов к опасности, что ждала в замке Кимовескимдас: кто-то из придворных пойдёт на всё, чтобы этот брак не состоялся, независимо от того, сколькими смертями придётся заплатить.

Переводчики: Андрей Рыбаков, Риша Каулитц, Angel

Переведено для группы vk.com/club68806729

Пролог

Замок Кимовеск: Западная Дроевинка

Я был в столовой, когда умерла Карлотта.

Хотя я сделал все возможное, чтобы привести ее к смерти, мой успех все еще удивлял меня. До этого момента я не был полностью уверен, что мои усилия работают.

За длинным массивным дубовым столом сидело семь человек, включая принца Дамека, который сидел во главе с почти цивилизованным выражением на своем обычно диком лице. Трапеза была празднованием его собственной предстоящей свадьбы... в присутствии всей семьи невесты.

Его будущая невеста, милашка Рошель, сидела, опустив глаза, и для всех практических целей выглядела как жертвенный агнец.

Ее мать, леди Хелена, и ее дядя, лорд Хэмиш, сидели по обе стороны от нее, а ее старшая сестра, Карлотта, сидела как можно дальше от Дамека. Это не было неожиданностью, так как Карлотте не хватало ни красоты, ни обаяния. Ее жесткие волосы были собраны в пучок на затылке, а плотно сжатые, сердитые губы всегда казались поджатыми, как будто она существовала в состоянии вечного осуждения всех остальных.

Я не испытывал к ней жалости. Она была главным организатором этой предстоящей свадьбы, и она должна была умереть.

До сих пор никакой еды не подавали, только темно-красное вино.

Словно по сигналу, Карлотта сделала глоток из своего бокала. Я надеялся, что она это сделает. Затем она попыталась сглотнуть.

Мои глаза остановились на ней в каком-то зачарованном состоянии.

«Вино вам по вкусу?» — спросил принц Дамек у Рошель, как будто ему были безразличны ее чувства.

Я не обратил внимания на вежливо пробормотанный ответ Рошель и сосредоточил свое внимание на лице Карлотты... в ожидании.

Она снова попыталась сглотнуть, и ее глаза начали расширяться, когда она попыталась вдохнуть. Триумф захлестнул меня.

«Ты в порядке, моя дорогая?» — спросила леди Хелена, выглядя скорее смущенной, чем

обеспокоенной.

Затем Карлотта покраснела и привстала, одной большой жилистой рукой схватившись за горло, а другой вцепившись в стол. За всю свою жизнь я никогда не испытывал такого удовлетворения, такой силы. Я надеялся, что она не умрет слишком быстро. Я хотел, чтобы она почувствовала страх, почувствовала боль.

Ее глаза выпучились, и лишь тогда несколько человек за столом, наконец, поняли, что она по-настоящему задыхается, и они вскочили на ноги, чтобы помочь ей.

Но это не помогло.

«Она задыхается?» — спросил лорд Хэмиш.

«Нет!» — воскликнула Рошель. «Никто из нас ничего не ел. Она сделала только глоток вина.» Ее рука потянулась к сестре. «Карлотта!»

Карлотта издала отвратительные звуки, ее лицо исказилось, и она упала навзничь. Лорд Хэмиш поймал ее, и леди Хелена ахнула.

Принц Дамек шагнул к ним, и вид его тревоги вызвал во мне волны удовольствия. Ему было плевать на жизнь Карлотты, но, конечно, было бы нехорошо, если бы сестра его будущей невесты умерла за обеденным столом.

Карлотта сделала последнюю попытку вздохнуть, а затем застыла в объятиях дяди — все еще с выпученными глазами.

«Она мертва», — ошеломленно произнес лорд Хэмиш, не веря своим ушам. Он поднял взгляд на Дамека, а затем опустил его на кубок Карлотты с вином.

Я изо всех сил стараясь не улыбнуться.

Глава 1

Деревня, Окружающая Замок Сеоне, Юго-Западная Дроевинка

Три дня спустя

Селин Фэйв почти не могла в это поверить, когда старый мастер Колби, прихрамывая, вошел в парадную дверь ее аптеки «Бетони и Бук»... снова.

Последние три недели он приходил сюда каждый день.

«Мастер Колби», — сказала она, пытаясь скрыть свое легкое раздражение, — «Я думала, что говорила вам дать эликсиру можжевельника больше времени для работы».

Он огляделся и, казалось, был доволен. «Твоей сестры здесь нет?»

Это было очевидно, но мастеру Колби не нравилась младшая сестра Селин, Эмили.

«Нет, она на рынке, покупает хлеб. Она должна была уже вернуться. Чем я могу вам помочь?»

«Боль ужасна», — ответил он, а затем понизил голос. «И она... сдвинулась». Он положил руку на левый бок.

На самом деле он был безобидным стареющим человеком со слишком большими деньгами и без семьи. Он был невысокого роста и шел с ярко выраженной сутулостью, из-за которой казался еще ниже. Его волосы были густыми и седыми, а нос покраснел от чрезмерного употребления крепких спиртных напитков. Больше всего ему было одиноко без компании, кроме своей собственной.

Однако в данный момент Селин стояла за своим рабочим столом и по запястьям была в гусяном жире — работала над мазью от ожогов, приготовленной из фиолетовых цветов опина. Ее большой оранжевый кот Оливер сидел на прилавке, время от времени воруя лапой, полную гусяного жира, когда думал, что она не смотрит.

Селин была занята.

Она хорошо знала, что передняя комната магазина была гостеприимным и веселым местом, и что людям действительно нравилось ее посещать. Там была прочная стойка, занимавшая половину длины комнаты, а вдоль стен тянулись полки с глиняными горшками и кувшинами. Деревянный стол был покрыт разнообразными принадлежностями, такими как пестик и ступка, медные весы, маленькие деревянные чаши и открытая коробка с трупом и кремнем. Большой очаг находился в центре южной стены. Несколько распашных дверей в восточной стене вели в кладовую и спальню.

Мастер Колби посмотрел через переднюю комнату и поверх стойки с какой-то жалкой надеждой.

«Позвольте мне вытереть руки. Я приду и посмотрю» — сказала Селин, взывая к некоторой жалости.

Благодарность отразилась на его лице. Его взгляд остановился на ее волосах, и она подавила вздох. Она знала, что большинство мужчин находили ее хорошенькой, но в дополнение к работе аптекарем она также зарабатывала себе на жизнь как «провидица», и было необходимо выглядеть соответственно.

Она была маленькой и стройной. Большую часть времени она носила красное бархатное платье, которое плотно облегалo ее тело. Ее чрезмерно пышная копна темно-русых волос волнами спускалась до поясницы, и она, и ее сестра Эмили унаследовали лавандовые глаза своей матери.

До прошлой весны Селин и Эмили жили в грязной маленькой деревушке, управляли магазином гораздо меньшего размера, часто брали в качестве оплаты тощих цыплят и репу. Но судьба и внезапная удача привели их в процветающую деревню Сеоне, где они жили в этом прекрасном магазине, под защитой и покровительством принца Антона из дома Пален.

В целом, их жизнь значительно улучшилась.

И все же... Было несколько сюрпризов, таких как покровители, такие как мастер Колби. Селин не могла не выразить соболезнования тем, кто пострадал, и у многих людей в Сеоне были свободные деньги.

К сожалению, у некоторых из них не было абсолютно ничего лучшего, чем навещать ее несколько раз в неделю, чтобы рассказать ей о своих болях, болячках и проблемах с различной пищей и трудностях со сном. Ее всегда можно было найти здесь, и она стала чем-то вроде мишени.

Эти клиенты хорошо платили ей, но в некоторых случаях ей начинало казаться, что ей платят за ее компанию, а не за ее навыки аптекаря, и она не совсем понимала, что с этим делать.

Возможно, ей нужно было быть немного менее отзывчивой и немного более деловой? Перспектива казалась недоброй.

Мастер Колби придвинулся ближе. «И у меня кишечник болит», — прошептал он заговорщицким тоном.

Селин собралась с духом. Так больше продолжаться не могло.

Хотя теперь она была достаточно близко, чтобы коснуться его, она этого не сделала.

«Ты ел сыр и пил спиртное за ужином вчера вечером?» — спросила она.

Он удивленно моргнул. Хотя она советовала ему по разным вопросам не есть и не пить, она никогда раньше не подходила к этой теме так прямолинейно.

«Ну...», — пробормотал он, сбитый с толку отсутствием у нее жалости.

Внутри она чувствовала себя ужасно из-за того, что сделала это, но это было

необходимо, если что-то должно было измениться. Лето закончилось, наступила осень, и Селин придется потратить много времени на сбор трав и лепестков роз, чтобы приготовить медикаменты для деревни на предстоящую зиму. Скоро она будет ухаживать за людьми с кашлем и лихорадкой.

Прежде чем мастер Колби смог продолжить, она сказала: «Ваш кишечник уже не может нормально переваривать сыр, жирное масло и крепкие спиртные напитки. Если вы будете придерживаться овощей, хлеба и запеченного мяса или рыбы, я обещаю, что скоро вы почувствуете себя лучше. Если вам нужно выпить что-то помимо воды или чая, выпейте немного вина во время еды... возможно, всего полбокала. Продолжайте с несколькими ложками можжевелового масла, которое я отправила вам домой, чтобы защитить ваш желудок.»

Он снова моргнул. «Но боль сильная, прямо здесь». Он приподнял левую сторону рубашки.

«Мастер Колби», — сказала она, не глядя на его обнаженный бок. «Я дал вам лучший из возможных советов. Это зависит от вас, чтобы следовать моим советам. Попробуйте мои предложения, по крайней мере, в течение четырех дней, и если вам не станет лучше, приходите ко мне». Она отошла. «А теперь, если вы меня извините, мне действительно нужно закончить приготовление этой мази».

Ее тон был решительным, и теперь он смотрел на нее так, словно она каким-то образом предала его. «Я не плачу за советы о том, что мне следует питаться», — огрызнулся он.

«Конечно, нет. Всего хорошего.» Она подошла к двери и открыла ее.

Рассерженный — и, возможно, обиженный — он повернулся и, шаркая ногами, вышел из магазина.

Селин вздохнула, все еще сожалея о том, что обошлась с ним так холодно, но без колебаний закрыла дверь и вернулась к работе над мазью. Люди, как правило, сжигали себя гораздо чаще зимой, чем летом — из — за того, что разводили больше костров, — и ей нужно было быть готовой.

* *

Эмили Фэйв возвращалась с рынка, неся свежий хлеб и мешок осенних груш. Она почти добралась до своего дома, аптеки «Бетони и Бук», когда увидела, кто входит в парадную дверь — старый мастер Колби, — и замерла.

«Только не снова», — пробормотала она, оглядываясь в поисках места, где можно было бы спрятаться.

Она не войдет туда, пока он не уйдет. Почему Селин мирилась с некоторыми из этих людей, оставалось загадкой. Ну... Некоторые из них хорошо платили, но не то чтобы сестры так сильно нуждались в деньгах.

Вместо того, чтобы прятаться, Эмили решила продолжить путь по улице, прогуливаясь, как будто она никогда не останавливалась. Она немного походила вокруг, а потом возвращалась. По правде говоря, ей нравилось бывать на свежем воздухе на красочных улицах Сеоне.

Но она действительно хотела, чтобы Селин научилась быть немного более жесткой с некоторыми людьми, которые пользовались ее добротой. Казалось, что, несмотря ни на что, Селин всегда могла, по крайней мере, притвориться сочувствующей.

Как она это делает?

Эмили и Селин почти полностью зависели друг от друга с тех пор, как осиротели, когда

Селин было пятнадцать, а Эмили двенадцать. Но они не были похожи ни по темпераменту, ни по внешности.

У них обоих были лавандовые глаза матери, и только.

Недавно отпраздновав свое восемнадцатилетие, Эмили была еще ниже ростом, чем Селин. Но там, где Селин была хрупкой, в телосложении Эмили чувствовался намек на силу и мускулатуру. Она презирала платья и всегда носила бриджи, мужскую рубашку, парусиновую куртку и ботинки. Она унаследовала прямые черные волосы их отца, которые она подстригла в прическу, которая свисала почти до плеч. На левом бедре у нее был кинжал в ножнах, которым она умела пользоваться, и она держала короткий меч в магазине, но обычно она не носила его в деревне, так как в этом не было необходимости.

Большинство людей находили ее немного странной, но ей было все равно.

Прошлой весной она и Селин переехали сюда жить, когда доказали свою полезность принцу Антону, который правил замком Сеоне и шестью окружающими его файфами. Обе сестры обладали уникальным «даром». Селин могла читать будущее человека — просто прикоснувшись к нему — а Эмили могла читать прошлое человека.

Не раз принц Антон полагался на эти способности, чтобы найти убийц или любого, кто мог представлять угрозу для его народа.

Однако... конец лета и начало осени были довольно тихими, предлагая сестрам отсрочку, и после их последнего приключения с принцем Антоном Эмили была рада, что Селин немного успокоилась. Большинство вещей, которые их просили решить, касались крови, смерти и безумия.

Селин часто требовалось время, чтобы прийти в себя после этого.

Размахивая пакетом с грушами, Эмили вернулась за угол и посмотрела вниз по улице в сторону магазина.

К ее облегчению, Селин открыла входную дверь и придержала ее, когда мастер Колби, шаркая, вышел.

Он не выглядел счастливым.

Тем не менее, Эмили подождала, пока он скроется из виду, прежде чем отправиться в магазин и самой пройти через парадную дверь. Внутри Селин снова сидела за своим рабочим столом, ее руки были в гусином жире и фиолетовом опине. Оливер с большим интересом наблюдал за ведром с гусиным жиром. Лучше бы он пошел ловить мышей. Разве это не для этого он здесь?

«Купила немного груш», сказала Эмили, поднимая мешок.

«Ммм?» Селин рассеянно ответила: Она казалась встревоженной.

«Что случилось?»

«Ничего... Я... Мастер Колби только что был здесь снова, и мне пришлось...» Она замолчала и покачала головой. «Ничего».

Эмили слегка нахмурилась, задаваясь вопросом, что произошло. Может быть, Селин все-таки взяла старика в более твердую хватку? Это было бы как раз вовремя.

«Я приготовлю чай. У нас еще есть масло?» — спросила Эмили. «Я забыла проверить перед отъездом».

Она не любила хлеб без масла.

Селин оторвалась от своей работы, но прежде чем она успела ответить, входная дверь распахнулась с такой силой, что ударила о стену.

«А я тебе говорю! " — проревел женский голос. «Я никогда не прикасался к твоему

молотку!»

" Тогда кто это сделал? " — проревел в ответ глубокий голос. «Он не просто ушел сам по себе!»

Эмили развернулась, ее рот приоткрылся при виде Бернарда, массивного кузнеца Сеона, и его миниатюрной жены Эбигейл, которые вошли в магазин. Эмили никогда не видела ни одного из них такими сердитыми, и оба были хорошо известны своим темпераментом.

Что еще хуже, их дочь, Эрин, была хорошей подругой Селин — и даже подарила ей Оливера в качестве подарка, — поэтому Эмили чувствовала, что не может комментировать то, что она считала очень плохими манерами Бернарда и Эбигейл.

Селин, однако, вышла из-за прилавка, вытирая руки о ткань. «Что, черт возьми, не так?» — спросила она. «Эбигейл, если эта дверь повредила стену, ты платишь за ее ремонт».

Эмили была удивлена ее тоном. Селин действительно была сегодня в странном настроении.

«Что?» Эбигейл чуть не накричала на Селин, а потом, казалось, пришла в себя и посмотрела на все еще открытую дверь. " О, прости, моя дорогая», — извинилась она, — «но я в таком состоянии». Она махнула рукой в сторону Бернарда. «Этот... этот безумец обвиняет меня в том, что я взяла его лучший молот и спрятала его! Как будто мне больше нечего делать, кроме как пробраться в его кузницу и прятать его инструменты, просто чтобы досадить ему.»

«Это она сделала это!» Вмешался Бернард. Его длинные темные волосы и борода качнулись, когда он повернулся к Селин. «Вчера вечером я играл в карты и проиграл немного... Совсем немного, заметьте, монет, и она с самого начала не хотела, чтобы я шел. Она спрятала мой лучший молот, чтобы я был вынужден использовать свой старый и тратить вдвое больше времени на ту же самую работу. Она наказывает меня».

Эбигейл вскинула обе руки в воздух. «Только послушайте его! Как будто я была бы такой мелочной.»

На самом деле... из того, что Эмили видела в Эбигейл, казалось более чем возможным, что она могла быть такой мелочной, но Эмили этого не сказала.

Селин подошла ближе. «Почему вы пришли именно к нам?»

«Потому что ты можешь сказать ему, что я его не брала», — сказала Эбигейл, скрестив руки на груди. «Прочтите и скажите ему, где он».

Селин покачала головой. «Эбигейл... мой дар так не работает. Я не могу увидеть молот Бернарда, заглядывая в его будущее и...»

«Нет, не ты,» перебил Бернард. «Эмили. Она может прочитать прошлое этой дьяволицы и сказать мне, где был спрятан мой молот!»

Выражение лица Селин с каждым мгновением становилось все более растерянным — и Эмили, конечно, могла понять почему. Действительно, в магазине никогда не было такой сцены.

«Два серебряных пенни», — сказала Эмили, стоя у очага.

В комнате воцарилась тишина, и все трое других обитателей повернулись, чтобы посмотреть на нее.

«О, Эмили», — сказала Селин в некотором замешательстве. «Я не думаю, что мы должны взимать плату с Эбигейл и Бернарда за наши услуги»,

Это была еще одна слабость Селин: нерешительность при получении денег от тех, кого она считала друзьями. Но Эмили не читала бесплатно — или, по крайней мере, не для кого-

либо, кроме принца Антона, который подарил им этот магазин.

" Конечно мы заплатим», — сказала Эбигейл, залезая в карман своего фартука. «Я бы заплатил вдвое больше, чтобы увидеть, как этот великий болван окажется неправ».

«И я бы заплатил втрое больше, чтобы увидеть, как эта гарпия признает свою вину!» — крикнул Бернад.

«Пожалуйста», — сказала Селин, выражение ее лица сменилось с растерянного на взволнованное. «Понизьте ваши голоса. Люди могут услышать вас на улице».

Эмили не возражала против хорошего спора и была известна тем, что иногда повышала свой голос, поэтому она стояла, вытянув левую руку, когда Эбигейл опустила два серебряных пенни в ее ладонь.

«Кого я должна прочитать?» — спросила Эмили.

— Ее, — мгновенно ответил Бернад, — и скажи мне, где мой молот.

Эбигейл покраснела лицом. «Хорошо».

Эмили потянулась и схватила маленькую, огрубевшую руку Эбигейл и закрыла глаза. Сначала она сосредоточила свои мысли на искре духа Эбигейл, а затем представила молот Бернада — который она не раз видела в кузнице — в своем воображении, твердо удерживая образ. Если бы Эбигейл могла что-то показать ей, Эмили скоро погрузилась бы в туман и увидела бы ясный образ прошлого.

Ничего не произошло.

Через мгновение она сказала: «Бернад, я ничего не вижу».

" Тогда ты недостаточно внимательно смотришь», — ответил кузнец.

«Прочти его», — бросила вызов Эбигейл. «Посмотри, есть ли у него что-нибудь, что он может тебе показать».

Пожав плечами, Эмили подошла к Бернаду и схватила один из его огромных пальцев. Он не возражал, но нахмурился. Эмили закрыла глаза и сосредоточилась на искре его духа, а затем на образе молота.

Первый толчок поразил ее почти мгновенно, и она собралась с духом.

Когда последовал второй толчок, она испытала уже знакомое ощущение, как будто ее тело несло по туннелю тумана. На мгновение она забыла обо всем, кроме как мчаться назад сквозь туман вокруг нее, когда она закружилась в серых и белых тонах.

Туман рассеялся, и перед ней вспыхнуло изображение. Она обнаружила, что стоит внутри маленького домика. Бернад был там вместе с молодым Хью, одним из тэтчеров Сеона. Эмили немного знала его. Внутри воспоминаний они ее не увидят. Она была всего лишь наблюдателем. Ее тело все еще было в магазине.

«О, Бернад, это просто замечательно», — сказал Хью. «Спасибо».

За окном с приближением вечера садилось солнце.

«Позвольте мне просто убедиться, что они нужного размера», — ответил Бернад. Он стоял перед открытым дверным проемом, в котором не было настоящей двери, и держал новую железную скобу на петлях, на которой должна была висеть задняя часть двери. В его левой руке... был его лучший молот. «Да, прекрасно подойдет. Вы хотите, чтобы я прикрепил их для вас?»

«Нет, я могу сделать это сам. Но пойдем выпьем эля за твои хлопоты.»

С довольным видом Бернад прислонил молоток к стене и подошел к столу, чтобы присоединиться к Хью. Мгновение спустя оба мужчины болтали и наслаждались большими чашками эля.

Комната исчезла, и Эмили снова плыла сквозь туман, на этот раз двигаясь вперед.

Открыв глаза, она обнаружила, что снова находится в аптеке и смотрит на Бернарда.

«Эм... Ты вчера навещал Хью Тэтчера, прежде чем пошел играть в карты?»

Бернард несколько мгновений пристально смотрел на нее, а потом побледнел.

«Я думаю, ты обнаружишь, что твой молот все еще у Хью», — закончила Эмили.

«Ха!» — спросила Эбигейл. «Я же тебе говорила, что не брала его. Никогда больше не обвиняй меня в том, что я пробралась в твою кузницу и спрятала твои инструменты.» Ее руки были твердо уперты в бока. «И ты должен передо мной извиниться».

Лицо Бернарда все еще было бледным, но он сумел выпрямиться во весь рост и придать себе некое подобие достоинства. «Ну... На этот раз я ошибся».

«Действительно, ошибся». Эбигейл пронеслась мимо него к входной двери, оглянувшись через плечо на Эмили. «Спасибо, моя дорогая. Деньги потрачены не зря.»

Бернард открыл рот, чтобы что-то сказать, снова закрыл его и последовал за женой на улицу.

Как только сестры остались одни, Селин прислонилась спиной к стойке. «Это было неловко».

«Правда?» Эмили подбросила две монеты в воздух. «Мне это даже понравилось».

* *

Лейтенант Кирелл Яромир сидел за столом в своем личном кабинете в казармах для стражи замка Сеоне. Капрал Лука Павел сидел прямо напротив него, и двое мужчин были заняты обсуждением возможных изменений в смене вахты. Они оба были одеты в шерстяные рубашки, кольчуги и коричневые плащи принца Антона из дома Пален.

«У тебя слишком долго был гвардеец Рюрик на ночном дежурстве,» сказал Павел. «Я бы поменял его на Вултера».

Яромир кивнул, радуясь, что они с Павлом снова достигли стадии легкого товарищества. За лето между ними произошли некоторые... неприятности, но им удалось оставить это в прошлом. В то время как Яромир верил в непоколебимую дисциплину, он не заботился о напряжении на личном уровне и предпочитал то, что он считал «плавным ходом». Это было в его характере.

Большую часть своей жизни что-то в нем успокаивало других людей.

В свои тридцать с небольшим он знал, что не совсем красив, но носил небольшую козлиную бородку вокруг рта и держал свои светло — каштановые волосы завязанными на затылке. От обветренной кожи до шрамов на руках, большинство элементов его внешности выдавали в нем закаленного солдата, но он мог с этим смириться. В конце концов, он был закаленным солдатом. Ему нравилось считать себя жестким, но справедливым, и он чувствовал себя комфортно в собственной шкуре.

Он также обладал почти абсолютной властью над законом в Сеоне, уступая только самому принцу Антону.

«Хорошо», — ответил он Павлу. «Поверни Воултера вместе с Рюриком. И нам, вероятно, следует отозвать сержанта Базина от главных ворот и дать ему другое задание. Он тоже пробыл там слишком долго.»

В правой руке у Павла была длинная палка угля, а на столе перед ним лежал лист бумаги. Он сделал пометку. «Кто-нибудь еще?»

«Нет, я думаю, что это все», — Яромир коротко изучил молодого капрала.

Павел был моложе, с коротко остриженными темными волосами и длинным,

долговязым телосложением. Он был хорош в бою, мог справиться с двумя или тремя мужчинами одновременно, и он был устойчивым и надежным... за одним исключением.

Его поведение по отношению к Селин Фау.

По причинам, которые Яромир до конца не понимал, капрал Павел стал одержим Селин до такой степени, что использовал физическую силу, чтобы не дать ей уйти от него, и однажды он прижал ее к дереву, чтобы попытаться заставить ее заговорить с ним.

Яромир положил этому конец.

Он не только любил Селин как друга; он очень уважал ее способности целительницы и провидицы, и его работа заключалась в том, чтобы защищать ее. Прошлым летом Павел возмущался его вмешательством, но, похоже, смирился с этим и держался подальше от Селин.

Надеюсь, проблема исчезла.

Яромир встал. Его длинный меч в ножнах был прислонен к столу. Он поднял его и пристегнул. Затем он потянулся за набором костылей, также прислоненных к столу, и передал их Павлу.

Это был еще один неудачный случай за лето. Лошадь Павла упала, когда он переходил реку. Когда лошадь вскочила на ноги, нога Павла была в стремях, и его голень сломалась. К счастью, Селин смогла быстро вправить кость и наложить шину на ногу. Теперь она почти зажила. Шины были сняты, но ему все еще нужны были костыли.

Селин заверила Яромира, что примерно через месяц Павел снова будет бегать.

Яромир был благодарен за это, хотя Павел довольно хорошо справлялся со своими обязанностями в замке и деревне на костылях.

— Я пойду в главный зал и посмотрю, накрыт ли уже ужин,» сказал Павел. «Я умираю с голоду».

Яромир спрятал улыбку. «Я пойду с тобой».

Павел всегда был голоден. Куда он положил всю еду, которую съел?

Как раз в тот момент, когда Павел держал под мышками оба костыля, из коридора снаружи донесся звук торопливых шагов, за которым последовал быстрый стук в дверь.

«Сэр?» — позвал кто-то.

" Пойдем», — позвал Яромир в ответ.

Дверь открылась, и гвардеец Риму заглянул внутрь, тяжело дыша и выглядя несколько встревоженным.

«Что случилось?» — спросил Яромир.

После короткого колебания Риму ответил: «Сэр, у внешних ворот есть посыльный».

Озадаченный, возможно, раздраженный, Яромир нахмурился. «Ну что ж,пусти его и приведи наверх».

Риму перенес свой вес между ног. «Я... на нем черная накидка».

Яромир напрягся.

В этой части Дроевинки сплошные черные плащи носили только солдаты, служившие принцу Дамеку, который был старшим братом принца Антона... и его врагом.

* *

Вскоре после наступления сумерек Селин и Эмили обнаружили, что спешат по улицам деревни, направляясь к замку.

Их вызвали — через доставленное сообщение в магазине.

«Антон никогда раньше не вызывал нас так поздно», — сказала Эмили обеспокоенно.

«Может быть, кто-то болен, и ему нужны твои навыки?»

«Тогда почему он не сказал об этом в своем сообщении? Если бы это было так, он бы попросил меня принести мою коробку с лекарствами».

Эмили не ответила ей.

У Селин было плохое предчувствие, что их мирная передышка подошла к концу и что Антон собирается попросить о еще одной... услуге.

Две сестры продвигались вперед и вверх сквозь толпу людей, магазины и жилища деревни, в то время как замок возвышался над ними. Наконец они добрались до короткого моста, ведущего через пропасть к огромному дверному проему в передней части замка. Селин взглянула на систему шкивов на другой стороне, которая позволила бы поднять мост, тем самым отрезав доступ к замку — если это когда-нибудь понадобится.

Они пересекли мост и вошли в большой обнесенный стеной внутренний двор. Внутри показались солдаты и лошади, и несколько мужчин приветственно кивнули сестрам, которых здесь хорошо знали, когда они проходили мимо.

Пройдя через внутренний двор, Селин и Эмили прошли через большой вход в сам замок. Они прошли по каменному коридору и вышли в большой общий зал. Огромный пылающий очаг был встроен в стену прямо напротив арочного входа. Слуги и еще больше солдат в коричневых плащах слонялись вокруг. Зал, казалось, тоже кишел собаками: спаниелями, ищейками и волкодавами.

Селин огляделась в поисках Яромира или принца Антона, но не увидела ни того, ни другого.

Когда она осматривала зал, ее взгляд остановился, и у нее сжался живот, когда она заметила капрала Павла, стоящего возле стола, опираясь на костыли, и смотрящего на нее.

Она тут же отвела взгляд.

«Здесь я в безопасности», — сказала она себе.

Справа от нее была закрытая дверь, которая вела в небольшую боковую комнату. Селин была знакома с интерьером этой комнаты, так как Антон часто использовал ее для частных бесед, поэтому она не удивилась, когда дверь открылась и вышел лейтенант Яромир.

Он остановился как вкопанный при виде Селин и Эмили, а затем махнул рукой. Они подошли к нему.

«Хорошо, что ты здесь», — сказал он, констатируя очевидное. Выражение его лица было напряженным, и тревога Селин начала нарастать.

Поскольку доставленное сообщение звучало срочно, просто говоря: «Приезжайте немедленно», ни одна из сестер не потрудились переодеться или даже проверить свою внешность, прежде чем покинуть магазин и поспешить в замок. Волосы Эмили были растрепаны, ее брюки были в пыли, а лицо было перепачкано гусиным жиром, так как она помогала наполнять маленькие баночки мазью от ожогов. Обычно, появившись она на аудиенции в замке в таком состоянии, Яромир безжалостно дразнил бы ее.

Селин знала, что отношения между Яромиром и Эмили были... сложными, и он частенько компенсировал это шутками за ее счет, пока она не разозлилась и не отпустила реплику. Это, казалось, немного сняло напряжение для них обоих.

Но теперь он даже не заметил пятен гусиного жира.

«Войдите», — сказал он, отступая в комнату. Возможно, он вышел только для того, чтобы посмотреть, прибыли ли они.

И снова Селин не удивилась, увидев принца Антона, ожидающего внутри. Его карие

глаза скользнули по ее лицу, и, как всегда, она почувствовала себя неудобно, но не неловко в его присутствии.

Приближаясь к двадцати пяти годам, Антон был среднего роста и стройного телосложения. Когда она впервые приехала в Сеоне, он был болен, но теперь полностью выздоровел, и его тело наполнилось напряженными мышцами, которые проступали сквозь рукава рубашки. Его лицо было бледным, с узкими, ровными чертами, а прямые каштановые волосы он заправлял за уши.

Сзади Селин услышала, как Яромир закрыл дверь.

Комната была маленькой, с одним столом, двумя стульями и без окон. На столе горело несколько свечей. Никто не сел.

«Что-то случилось?» — спросила она Антона.

Его взгляд переместился с нее на Эмили и снова вернулся к ней, задержавшись на ее красном бархатном платье. Она поняла, что он не видел этого довольно давно, так как она всегда тщательно одевалась, прежде чем подняться в замок, обычно в шелк или крашеную шерсть.

Антон было трудно — почти невозможно — узнать, но всякий раз, когда он смотрел на нее, выражение его лица колебалось между чрезмерно настороженным и одиноким.

«Я отвлек тебя от работы», — сказал он.

Слава богу. Она и Эмили должны выглядеть потрясающе, чтобы Антон сделал такое замечание.

«Да, мы прибыли, как только от Вас пришло сообщение».

«Что случилось?» — спросила его Эмили, в ее голосе звучали беспокойство и нетерпение.

Яромир подошел к Антону, но ни один из мужчин не произнес ни слова, и тревога Селин сменилась тревогой.

— Милорд, — сказала она, глядя на Антона, — пожалуйста, скажите что-нибудь, или я представлю худшее. Неужели ваш отец умер, не назвав наследника? Деревня каким-то образом находится в опасности?»

Ее слова поразили его, и вспышка вины промелькнула на его лице. «Нет... Прости меня. Ничего подобного». На столе лежал лист бумаги, и он взял его. «Я получил письмо... от моего брата».

«Дамек?» — в тревоге спросила Эмили. «С чего бы ему писать тебе?»

Яромир бросил на нее предостерегающий взгляд — он часто чувствовал, что она не проявляет к Антону должного уважения.

Однако Антон, казалось, не заметил отсутствия хороших манер у Эмили, и он подошел ближе, протягивая письмо. «Похоже, наш отец договорился о браке Дамека с молодой дворянкой из рода Квиллетт со стороны ее отца, но чья мать приходится сестрой матери принца Родека».

Селин замерла от этой новости.

У Дроевинки не было наследственного короля. Вместо этого это была земля многих принцев, каждый из которых возглавлял свой собственный благородный дом и контролировал множество вотчин. Но... все они служили одному великому князю, и новый великий князь избирался каждые девять лет собравшимися главами благородных домов. В настоящее время правит принц Родек из дома Этесов.

«Брак для Деймека?» — повторила Селин. «Двоюродному брату принца Родека».

Ее разум лихорадочно обдумывал последствия этого. В течение двух лет будет избран новый великий князь.

Антон и Дамек были сыновьями дома Палена. Их отец, принц Ливен, контролировал большую провинцию в западном регионе. Он дал Дамеку, который был старшим братом, замок и семь больших поместий для надзора. Он подарил Антону замок получше, но шесть поместий поменьше. Эти задания были шансом для каждого молодого человека проявить себя. Но принц Ливен в последние дни быстро старел, и ходили слухи, что он скоро назовет преемника на посту главы дома Пален. Это было его право выбирать между своими сыновьями, и если в течение следующих двух лет будет выбран победитель, то он будет иметь право внести свое имя в список для голосования на должность великого князя.

Оба брата хотели этой чести.

Ужасным результатом было то, что это натравило их друг на друга — и Дамек доказал, что не гнушается покушениями на убийство.

«Что это значит?» Вмешалась Эмили. «Что твой отец предпочитает Дамека тебе?»

«Я не знаю», — ответил Антон. «Я думаю, что более вероятно, что мой отец пытается укрепить средства и связи нашей семьи. Хотя мать принца Родека происходит из знатной семьи, это не королевская семья... но они очень богаты. Благодаря своему браку она уже много лет является частью королевской семьи, и поэтому эта новая невеста, ее племянница, приносит как королевские связи, так и деньги».

«И ты беспокоишься?» — спросила Эмили, теперь менее встревоженная, но явно озадаченная.

«Нет, меня не интересует, на ком женится Деймек». Он протянул письмо. «Но случилось что-то... прискорбное, и Дамек попросил меня о помощи».

«Твоей помощи?» — недоверчиво спросила Эмили.

Действительно, Селин с трудом могла поверить, что сама правильно расслышала, и выражение лица Яромира потемнело, пока ее беспокойство снова не начало расти.

«Да», — продолжил Антон, теперь его глаза были сосредоточены на стене. «Невесту зовут Рошель Квиллетт. Дамек пригласил ее и всю ее семью в замок Кимовеск для продолжительного визита... Я все еще не уверен, почему. Возможно, они просили об этом до того, как одобрили брак. Несколько ночей назад на небольшом банкете в обеденном зале старшая сестра Рошель, Карлотта, сделала плоток вина за столом, а затем умерла, очевидно, убитая чем-то в своем кубке.»

«Убита?» Селин ахнула.

«Конечно, семья Рошель сразу же начала собирать вещи, чтобы уехать», — продолжил он. «Дамек остановил их, пообещав, что он устранит того, кто был ответственен за это, и проследит, чтобы убийца был казнен. На данный момент он убедил их остаться, но помолвка под угрозой.» Антон помолчал. «Дамек кое-что знает о тебе и Эмили, или, по крайней мере, о том, что при моем дворе есть два провидца, которые решали для меня такие вопросы. Он просит вашей помощи».

«Мы... пойдём в замок Кимовеск?» Селин попыталась переварить это. «Милорд, вы не можете иметь это в виду».

Она и Эмили выросли в деревне Шетана под властью Дамека. Они оба знали степень его жестокости.

Взгляд Антона метнулся к ее лицу. «Я бы никогда не попросил тебя отправиться в это место в одиночку. Я сам отвезу тебя».

«Это ловушка», — заявила Эмили. «Он просто пытается выманить тебя отсюда».

— Возможно, — согласился Антон, — но я не могу отказаться.

Придвинувшись еще ближе к Селин, он показал ей письмо и указал на последнюю строчку.

Наш отец очень хочет, чтобы этот брак состоялся.

Селин с трудом сдержалась, чтобы не поморщиться, когда прочла эти слова. И снова желание отца Антона определило бы исход дилеммы. Антон не мог отказаться помочь во всем, о чем просил его отец, даже если это означало отдать себя во власть брата.

Она посмотрела на Эмили. «Мы должны ехать».

Эмили выдохнула через нос и прошла по комнате. " По крайней мере, мы знаем, что это может быть ловушка», — она взглянула на Яромира. «И нет никого лучше в вопросах безопасности, чем ты. Я полагаю, вы уже начали набирать команду из своих людей?»

Открытый комплимент удивил Селин. Эмили могла хорошо думать о Яромире — очень хорошо — но она никогда этого не говорила.

Лейтенант кивнул. «Да, конечно, и я подумал, что мог бы взять... "

«Яромир?» — сказал Антон, качая головой. «Нет, ты не пойдешь с нами. Ты остаешься охранять замок и деревню.»

Повернувшись на одной ноге, Яромир уставился на Антона.

* *

Эмили застыла на лице Яромира, пытаясь понять, что говорит Антон.

«Милорд!» Яромир взорвался. «Ты не можешь войти в замок Кимовеск один!»

Селин опустила взгляд. Яромир никогда открыто не спорил с Антоном. Никогда.

Эмили, однако, не опустила взгляд, а вместо этого наблюдала, как лицо Антона напряглось от гнева. Он был хорошим принцем, справедливым, но он правил здесь и привык, чтобы ему подчинялись.

Яромир вдруг опомнился и в волнении приложил руку ко лбу. «Прости меня», — выдохнул он. «Но ты же знаешь, что я прав. Мое место рядом с тобой».

Лицо Антона смягчилось. «Поскольку мы все согласились, что это может быть ловушкой, расставленной для меня, это так же легко может быть уловкой, чтобы заманить нас обоих подальше от Сеона. Я бы ничего не поставил выше своего брата». Он указал на меч, пристегнутый к боку Яромира. «И ты часто забываешь, что я почти так же искусен в обращении с клинком, как и ты. Я могу защитить Селин и Эмили.»

«И кто защитит тебя?» — спросила Селин. «Если Яромир не поедет, то кто возглавит ваш отряд и будет действовать в качестве телохранителя?»

Все на мгновение замолчали, как будто это был трудный вопрос — что это было. У большинства принцев благородных домов были свободные капитаны и лейтенанты. Из-за странной истории создания нынешних сил замка Сеоне Яромир, будучи лейтенантом, был офицером высшего ранга, и по причинам, которые он не объяснил Эмили, он отказался позволить Антону повысить его до капитана. Это не означало, что его считали слабым. Князя других домов уважали — даже боялись — Яромира, но это делало положение дел необычным.

«Кто твой самый доверенный помощник?» — спросил Антон у Яромира.

«Капрал Павел». Яромир взглянул на Селин, которая замерла, и поспешил добавить: «Но он восстанавливается после перелома ноги и пока не может ездить верхом».

Эмили почувствовала прилив благодарности к Яромиру. Раненая нога или нет, Павла

нельзя было выбрать во главе их отряда.

«А как насчет гвардейца Рюрика?» — предложила Селин. «Я нахожу его самым надежным в нашем последнем путешествии».

«Гвардеец?» — эхом отозвался Яромир. «Гвардеец Рюрик?»

«Вы возражаете против низкого звания этого человека?» — спросил Антон.

«Конечно, я знаю», — пробормотал Яромир.

«Он одновременно уравновешенный и храбрый», — продолжала Селин. «В Рязани, когда мы столкнулись с этими зверями-волками, он бросился на одного из них с одним только копьем и пронзил его».

«Правда?» — сказал Антон, а затем повернулся к Яромиру. «Повысьте его в должности, а затем подберите остальную часть нашего контингента. Это семейный визит, так что я не хочу большой демонстрации силы. Выбери двадцать человек. Он снова повернулся к Селин. «Мы уезжаем завтра. Я хочу, чтобы вы с Эмили сегодня переночевали в комнате здесь, в замке. Нам нужно подготовиться. Если тебе что-нибудь понадобится из дома, дай Яромиру список, и он принесет его».

Он не потрудился обратиться к Эмили, но ей было все равно. Она бросила быстрый взгляд на Яромира, которому, казалось, было почти больно. Он встретился с ней взглядом, и она никогда не видела его таким незащищенным, таким беспомощным. Он ненавидел это.

И все же принц Антон заговорил.

Яромир останется позади, в то время как Селин, Эмили и принц отправятся в Кимовеск... чтобы раскрыть еще одно убийство.

Глава 2

Вскоре после этого Селин и Амели пошли по знакомому маршруту к лестнице северной башни замка. На третьей площадке они сошли и направились по коридору в комнату, которую они всегда делили, когда останавливались здесь — что случалось нечасто.

Открыв дверь, Селин заглянула внутрь и увидела, что комната готова и чиста, как будто их ждали.

Кровать красного дерева с балдахином была застелена и покрыта стеганым одеялом цвета подсолнуха. Внутренние ставни на длинном окне были открыты, пропуская внутрь туманный свет.

В одном углу стояло зеркало в полный рост в оловянной раме, в другом-шкаф красного дерева. Изящные стулья, обтянутые дамасской тканью, стояли перед туалетным столиком, на котором красовался фарфоровый умывальник. Трехъярусная ширма для переодевания обеспечивала уединение. Лучшее всего было то, что в комнате был собственный маленький очаг.

Селин подошла к окну и посмотрела вниз. Они находились на внутренней стороне башни и имели вид на внутренний двор внизу.

Она повернулась, чтобы посмотреть, как Амели вошла и закрыла дверь. Сестры остались одни.

Лицо Амели было таким же напряженным, как и Селин внутри, но Селин понятия не имела, что сказать.

— Я знаю..., - медленно начала Амели. — Я знаю, что мы обязаны Антону жизнью и средствами к существованию. Я знаю, что мы договорились использовать наши способности всякий раз, когда он позвонит нам, но это другое.

Селин не могла спорить.

Прошлой весной Антон спас им жизнь. Проблема заключалась в том, что он спас их от принца Дамека. Сестры никогда не встречались с Дамеком, но он правил деревней Шетана, и однажды они пошли против его воли, и он приказал сжечь их магазин и предать их смерти.

Антон дал им убежище.

— Я не вижу, как мы можем отказаться, — сказала Селин.

— Значит, независимо от того, что он попросит, мы обязаны это сделать? Я благодарна ему за все, что он сделал, но разве не должно быть предела благодарности? Я думаю, что то, что он просит нас войти в замок принца Дамека, пересекает черту. — Амели отвела взгляд. — Цена за безопасность и комфорт здесь, возможно, слишком высока.

Отчасти Селин была согласна, но Антон не виноват в такой ситуации. Кимовеск был последним местом, куда он хотел бы отправиться. И более... Селин нравилась ее жизнь здесь. У нее не было никакого желания жить где-либо еще. Для нее цена за то, чтобы остаться в Сеоне, никогда не будет слишком высокой.

Она не сказала этого вслух.

Вместо этого она села за туалетный столик и открыла ящик, в котором, как она знала, лежали бумага, чернила и перо. Она написала две записки, и как только закончила вторую, дверь спальни распахнулась, и в комнату вошло еще одно знакомое лицо, принадлежавшее старой Хельге. Она несла охапку шерстяных платьев, белых хлопчатобумажных сорочек и прекрасных плащей.

— Боже милостивый, — воскликнула она, перекладывая ношу на руках. — Его величество лейтенант в настроении! Он чуть не отгрыз мне ухо.

Селин встала. — О, мне очень жаль. Я бы предупредила тебя, если бы могла.

— Не могу винить его, не могу, — пробормотала Хельга, как будто Селин ничего не говорила. — Не знаю, что этот глупый принц думает, что он делает, вытаскивая вас, девочек, в одиночку.

Даже Амели, казалось, была шокирована тем, что старая женщина использовала слово «дурак» по отношению к Антону, но Хельга была шокирована... необычно.

Хотя она быстро передвигалась, ей было, по крайней мере, за семьдесят, с густыми седыми волосами, собранными в пучок, который был частично прикрыт оранжевым платком — почти всегда косо. Ее морщинистое лицо приобрело смуглый оттенок, и на ней было выцветшее домотканое платье, которое когда-то, возможно, было фиолетовым.

Хотя официально она была служанкой здесь, в замке, Селин давно подозревала, что она была чем-то большим. Во — первых, все остальные относились к Яромиру с почтением и уважением — иногда даже со страхом, — но Хельга часто саркастически называла его «Его Величество лейтенант» и имела склонность командовать им... и по какой-то причине он позволил ей.

Более того, Хельга была ответственна за то, чтобы помочь Селин и Амели понять, по крайней мере, корни того, кем они были и откуда взялась их мать: Мондиалитко или «маленькие дети мира», странствующие цыгане.

До прибытия в Сеон Селин и Амели мало знали о своем происхождении.

Их отец был деревенским охотником в Шетане, и однажды он отправился на дальнюю охоту, путешествуя в течение нескольких дней. Он вернулся с их матерью и женился на ней. Затем супруги построили аптеку в Шетане и завели небольшую семью. Как только Селин и Амели стали достаточно взрослыми, их мать научила их читать. Она учила Селин травам и способам исцеления, ничего не говоря о своем прошлом.

Ни одна из сестер никогда не слышала термина «Разорванный Туман», пока Хельга не объяснила им, что они не только родились от матери-Мандьялитко, но и принадлежали к особой линии, называемой Разорванный Туман, и каждая из них обладала природной силой. Как сестры, Селин и Амели были двумя сторонами одной медали, одна из которых могла читать будущее, а другая-прошлое.

Полное понимание этого знания изменило их жизнь.

В данный момент, однако, Амели настороженно смотрела на платье в руках Хельги.

— Для чего это? — спросила она.

— Для тебя, девочка, — проворчала Хельга, бросая всю свою охапку на кровать. — Приказ принца... через Его Величество лейтенанта. Если вы собираетесь в замок принца Дамека, чтобы встретиться с какой-нибудь высокомерной знатной семьей, вам придется снова играть в придворных женщин. У меня здесь есть шерстяные платья для путешествия и, по крайней мере, восемь вечерних платьев.

Селин на мгновение закрыла глаза, снова открыла их и постаралась не застонать от того, что должно было произойти. На их последней миссии для Антона, для их собственной безопасности, им пришлось притвориться высокородными дамами... что означало, что Амели должна была отказаться от своих брюк и носить платья все время.

Перед этим она устроила настоящую драку.

— О, это не так! — Амели расправилась с Хельгой. — Только не снова.

Селин прекрасно понимала, что Амели быстро приближается к своей критической точке, сначала ее попросили приблизиться к Дамеку, а теперь ей сказали, что ей снова придется носить юбки.

— Амели, — начала Селин, — как и прежде, я уверена, что Антон делает это только для нашей безопасности. Солдаты Дамека никогда не стали бы оскорблять женщин двора Антона, и... если мы хотим расследовать семью Рошель, нас должны рассматривать как почти равных.

— Мне все равно! — Амели взорвалась. — И я могу защитить нас лучше, как себя. Если бы я была одета как я, я могла бы открыто носить свой меч и кинжал. Разве я не всегда защищала нас в Шетане? — Она сделала паузу и глубоко вздохнула. — Все равно это не сработает. Капитан Коче слишком хорошо нас знает. Он узнает нас с первого взгляда и выдаст.

Эта мысль приходила в голову и Селин, но она не упоминала об этом. Капитан Коче был главным задирой принца Дамека и сборщиком налогов — и именно он сжег их старую лавку. Он знал, что они оба выросли крестьянами, зарабатывающими на жизнь травяными лекарствами Селин и ее уловкой, чтобы играть в «провидицу», прежде чем проявятся ее истинные силы.

— Не важно, — сказала Хельга, поправляя на кровати синее шерстяное платье. — Приказ Антона. Может, он и дурак, что бросил Яромира, но у него всегда есть план или два в заднем кармане. Если он хочет, чтобы вы были одеты как придворные дамы, то именно так вы и поступите. — Она подняла глаза и улыбнулась. — О, и я тоже уйду. Я буду твоей горничной.

Амели замерла. — Что?

— Ага. Нельзя, чтобы две дамы переодевались к обеду за столом Дамека без горничной.

— О, это просто... — Амели провела рукой по лицу. Она посмотрела на дверь. — Селин, мне нужно подышать свежим воздухом.

Не дожидаясь ответа, она вышла, оставив Селин смотреть ей вслед.

Затем Селин сделала несколько шагов, чтобы последовать за ней.

— Оставь ее в покое, — сказала Хельга, и когда Селин обернулась, она увидела искреннюю жалость на лице старухи. — Бедная крошка. Это будет нелегко для любого из вас. Дай ей несколько минут сегодня вечером.

Селин вздохнула. Возможно, так было лучше всего. — Я рада, что ты идешь с нами, — сказала она, и это было правдой.

Хельга кивнула. — Яромир сказал, что тебе могут понадобиться кое-какие вещи из дома?

Селин подошла к туалетному столику, взяла обе записки и протянула одну Хельге, чтобы та прочитала. — Главное-это первый предмет, моя коробка с лекарствами. Убедитесь, что все упаковано. Я также хотела бы, чтобы сегодня вечером принесли мое собственное шерстяное платье лавандового цвета, если это возможно. — Вторая записка была сложена пополам. — Тогда передай это сообщение Эрин, дочери кузнеца. Она всегда достаточно добра, чтобы присматривать за Оливером, когда меня вызывают, и она знает, как заботиться о нем.

По большей части Оливер мог сам о себе позаботиться. Селин всегда оставляла открытым одно окно в задней части магазина, чтобы он мог выходить на охоту, когда ему заблагорассудится. Но для нее было важно, чтобы он знал, что его не бросили, и Эрин была рада ходить в магазин каждый день, чтобы оставлять ему миски с свежей водой и молоком — и гладить его, если он хотел внимания.

— Достаточно просто, — сказала Хельга и посмотрела на дверь. — Ты справляешься с этим намного лучше, чем твоя сестра, перспектива войти на территорию Дамека, я имею в виду.

Справлялась ли она с этим лучше? Возможно, так оно и было, но ей не хотелось признаваться, почему. В глубине души она не могла перестать думать об этом на этот раз... на этот раз Антон отправлял их не для того, чтобы оказать ему услугу.

На этот раз он будет ехать рядом с ними.

* * *

Выйдя из спальни, Амели постояла в коридоре, пытаясь несколько мгновений дышать ровно, задаваясь вопросом, куда ей вообще идти. Ей нужно было побыть одной.

Все остальные, включая Селин, казалось, просто принимали все, что Антон здесь заказывал. Амели чувствовала себя так, как будто ее бросили в реку, и теперь ее несло течением, с которым она не могла бороться.

Конечно, она не могла отказаться от поездки в Кимовеск. Это не помешало бы Селин уйти, и Амели не собиралась отпускать Селин ни с кем, кроме Антона, Рюрика и нескольких охранников для защиты. И все же перспектива отдать себя и сестру в руки Дамека казалась слишком большой.

Слишком.

Она посмотрела вниз по коридору, на лестницу, и подумала, не прогуляться ли ей по двору. Но это означало бы поприветствовать некоторых солдат Сеон и, вероятно, быть приглашенным присоединиться к карточным играм. Сегодня вечером ей не хотелось компании.

Вместо этого она повернулась, прошла в другой конец коридора и оказалась на лестнице, ведущей наверх.

Лестница вилась несколькими кругами, и было темнее, чем она помнила, так как она никогда не поднималась сюда ночью. Но довольно скоро она увидела тусклый свет наверху и вышла в гораздо более широкий коридор, почти зал. Слева от нее были высокие узкие окна — возможно, щели для лучников, — и сквозь них проникал свет от больших жаровен во дворе.

Амели теперь занимала почти забытый портретный зал. Они с Селин узнали о его существовании во время своего первого пребывания в замке.

Стена справа от нее была увешана огромными портретами, некоторые больше ее самой, в витиеватых рамах, шире ее ладони.

Даже в тусклом свете она могла видеть, что пыльная паутина покрывала потолок и некоторые картины. В нескольких углах рам виднелись следы зубов, как будто их грызли крысы.

Никто из слуг никогда не посещал этот зал.

Медленно шагая, она посмотрела на первый портрет. Фон был темным, но на нем был изображен гордый мужчина средних лет с коротко подстриженной серебристой бородой. На бедре у него висел меч, а рядом с ним стояла собака кремового цвета.

Амели не стала продолжать рассматривать картины. Сегодня она была не в настроении. Это место предлагало ей столь необходимое уединение, и это было все. Пройдя немного, она села и прислонилась к стене, подтянув колени к груди.

Завтра ей придется надеть платье, забраться в дамское седло и оставить Сеон на другое опасное для Антона задание.

— Амели, — произнес глубокий голос.

Слегка подпрыгнув, она повернула голову назад к лестнице, чтобы увидеть высокий, знакомый силуэт: Яромир. Он вышел на всеобщее обозрение. Хотя она хотела побыть одна, его компания, вероятно, была единственной, которую она могла вынести прямо сейчас. Он выглядел таким же несчастным, как и она.

— Как вы узнали, что я буду здесь? — спросила она.

Подойдя, он присел на корточки. В руках он держал небольшой сверток. — Селин сказала, что вы вышли подышать свежим воздухом. Сначала я пошел во двор, и это было единственное другое место, которое я мог придумать, чтобы посмотреть. — Он огляделся. — Вы и я... мы оба приходили сюда раньше.

Да, так оно и было.

— Антон ошибается, — прямо сказала она. — Оставляю вас здесь.

— Это его решение.

Больше он на эту тему ничего не сказал.

Амели должна была знать, что это было самое близкое, что он когда-либо критиковал Антона. Яромир был яростно предан своему князю. Он убьет за Антона... убил ради Антона Амели однажды видела тело, лежащее у ее собственных ног.

Эта ситуация, должно быть, была для него пыткой.

Но когда она встретила с ним взглядом, то увидела совсем другой страх. Он смотрел на нее с нескрываемым беспокойством. Он боялся за нее.

Она перестала отрицать связь, огонь между собой и ним, но все, что выходило за рамки их нынешней дружбы, было невозможно. Яромир не позволил бы себе полюбить ни одну женщину. Он был женат на своей работе.

У него также была длинная череда женщин в его прошлом, и он был хорошо известен

тем, что у него был «тип». Этот тип определенно не был Амели.

Его последней любовницей была очаровательная, надменная, богатая молодая женщина по имени Бриджит. Амели узнала от других солдат, что Бриджит никогда не разрешалось посещать апартаменты Яромира, пока за ней не послали — что всегда было договоренностью с любовницами Яромира. Около шести месяцев Бриджит спала в его постели, когда он посылал за ней, а когда она ему надоедала, он отбрасывал ее, как багаж, и ни разу не оглянулся.

Амели не собиралась становиться еще одной из его послушных любовниц, пока она ему не наскучит.

И все же сейчас он казался почти больным от беспокойства.

— Мне невыносима мысль о том, что вы будете в замке Дамека без меня, — сказал он, опуская сверток с тканью на пол и открывая его. — Все, что я могу сделать, это попытаться защитить вас на расстоянии.

Внутри ткани лежали две ножны с торчащими рукоятками. Оба были маленькими, с кожаными галстуками. Одна ножна была немного шире другой.

— Даже в платье я держу свой собственный кинжал в сапоге, — сказала она.

— Я знаю, что это так, но их можно спрятать в рукавах платья и вытащить гораздо быстрее. — Он взял чуть более широкие ножны и вытащил клинок. Серебристый металл поблескивал в свете жаровен, проникающем через окна. — Этот острый, как бритва. Пристегните его к левому запястью, чтобы вы могли потянуть его правой рукой.

Не говоря ни слова, она взяла его у него, и он взял другие ножны, но не вытащил клинок.

— Пристегните это к другому запястью, но не дергайте, если не собираетесь убивать, — сказал он, — и никому не говорите, что оно у вас, даже Селин. Это стилет... и лезвие отравлено, так что, что бы вы ни делали, не царапайтесь. Если вы даже порежете кого-нибудь этим, он будет мертв в считанные минуты.

— Отравлен?

Это было не похоже на Яромира.

Словно прочитав ее мысли, он сказал: — Никто в замке Кимовеск не заботится о чести или о чем-либо, кроме себя. Вы должны думать, как они. Теперь пристегните их и не стесняйтесь использовать ни то, ни другое.

Она подняла глаза на его лицо. В их последнем путешествии она оцетинилась против его высокомерия и склонности отдавать приказы, но сейчас... и ее осенило, что завтра он не поедет с ними.

— О, Яромир, — прошептала она.

Он отвел взгляд. — Я знаю.

* * *

На следующее утро Антон стоял во дворе. Он был одет просто, в темные брюки, шерстяную рубашку и сапоги для верховой езды, но на плечах у него был тяжелый плащ, а на бедре висел меч. Серое небо над ним моросило медленным дождем, как обычно осенью, но он оставил капюшон опущенным и позволил каплям впитаться в волосы.

Вокруг него кипела деятельность.

Двадцать четыре лошади были оседланы, еще две запряжены в повозку с багажом и припасами. Двадцать охранников вместе с недавно получившим повышение капралом Рюриком были почти готовы к отъезду. Яромир ходил вокруг, отдавая приказы и проверяя,

чтобы ложе фургона было должным образом покрыто.

Капрал Рюрик все еще казался несколько ошеломленным тем, что ему дали такое задание, но он был занят проверкой седел и разговором с мужчинами. Антон некоторое время наблюдал за ним. У Рюрика было жилистое телосложение и вьющиеся светло-каштановые волосы, которые он носил до плеч. Он был известен как самый быстрый наездник в Сеоне и до недавнего времени служил посыльным между Антоном и его отцом.

Прошлым летом выяснилось, что он снабжал принца Ливена большей информацией, чем просто депешами, и при обычных обстоятельствах это привело бы к его увольнению из гвардии или еще хуже. Но, очевидно, Рюрик пытался поддержать мнение принца Ливена об Антоне, делаясь новостями о его успехах в качестве лидера, которыми Антон не уполномочил его делиться. Еще... Яромир был убежден в невинности Рюрика ни в чем, кроме чрезмерной преданности. Яромир назначил нового гонца, но Рюрика оставил в страже.

Для Антона этого было достаточно. Яромир был самым подозрительным человеком, которого он знал, и если он доверял Рюрику, то и Антон тоже. Кроме того, Селин предложила Рюрику возглавить охрану в этом путешествии, и Антон привык полагаться на ее суждения, когда дело касалось людей.

Как только фургон был привязан, Яромир шагнул к Антону, но не смотрел ему в глаза.

— Все готово, милорд, — сказал он, его лицо вытянулось. — Селин и Амели должны спуститься прямо сейчас.

— Хорошо, — ответил Антон.

Ему очень хотелось сказать Яромиру, что он тоже ненавидит это соглашение, и что часть его знала, что глупо ехать в Кимовеск без своего лейтенанта. Яромир был гораздо больше, чем телохранитель и предводитель солдат Сеоны. Он был лучшим другом Антона... на самом деле его единственный друг.

Каким бы сообразительным ни был Яромир, он не понимал Дамека. Как он мог? Только тот, кто вырос с Дамеком, мог понять, как работает его извращенный разум. Письмо, которое он отправил, было почти братским, с намеком на теплоту, умоляющим о помощи Антона.

Когда Дамек выказывал намек на теплоту, он был самым опасным.

Одно из самых ярких воспоминаний Антона было связано с опытом детства, когда их отец купил каждому брату прекрасного щенка спаниеля, чтобы они могли обучать собак охотиться на птиц. Будучи одиноким ребенком, Антон очень любил свою собаку и назвал ее Стрела, потому что она бегала так прямо. Он спал со Стрелой и провел много часов, тренируя его. В результате его собака стала гораздо лучшим охотником, чем собака, подаренная Дамеку, и однажды их отец прокомментировал это.

В тот вечер Дамек пришел в комнату Антона, чтобы похвалить Стрелу и угостить собаку сырыми кусками говядины. Редкое проявление братской теплоты Дамека сделало Антона счастливым. Через несколько часов Стрела начал скулить от боли. Он умер до утра, отравленный.

Это был не первый и не последний раз, когда Дамеку удалось оставить Антона раскачиваться в печали, но это было одно из самых болезненных переживаний в памяти Антона.

Яромир должен был остаться здесь, чтобы защитить Сеон.

Прямо сейчас Деймек мог замышлять что угодно. Он мог устроить ловушку для Антона. Он мог попытаться выманить и Антона, и Яромира одновременно. Ему действительно

может понадобится помощь в поимке убийцы. Он мог замышлять что-то совершенно другое. Узнать это было невозможно.

Но отец Антона хотел, чтобы этот предстоящий брак состоялся, и даже Дамек не стал бы лгать об этом — из страха, что такая уловка может вернуться к принцу Ливену. Так что Антон не мог отказаться помочь. Это означало, что он должен был предвидеть как можно больше результатов и планировать соответственно.

Тем не менее, князь Дроевинки не объяснял своих решений даже такому близкому человеку, как Яромир. Ему нужно было постоянно поддерживать абсолютную власть. Отец Антона научил его этому, и в глубине души он знал, что это правильно.

— А вот и сестры с Хельгой, — сказал Яромир, глядя на двери замка.

Антон обернулся. Селин шла к нему через двор. С поднятым капюшоном он не мог видеть ее волос, только красивое лицо. Даже в толстом плаще она казалась ему такой маленькой, такой хрупкой. И все же она была одной из самых храбрых женщин, которых он когда-либо знал. Она казалась ему храброй, потому что всегда сталкивалась с тем, чего боялась. Он восхищался этим.

Он восхищался ею.

Амели и Хельга последовали за ней, обе тоже были закутаны в плащи. Эти двое заставили его чувствовать себя еще более неловко. Амели показалась ему скорее свирепой, чем храброй, и она не понимала, как ее грубое поведение влияет на других людей. В этой поездке за ней нужно будет внимательно следить.

Хельга... ну, Антон понятия не имел, почему Яромир так ценил старуху. Она показалась Антону полубезумной, но Яромир почти настоял, чтобы она сопровождала сестер, и это было, по крайней мере, то, с чем Антон мог согласиться.

Селин подошла к нему и посмотрела на готовую повозку и лошадей. — Мы опоздали, милорд? — Когда она обернулась, ее взгляд скользнул по его мокрым волосам, но она не предложила ему надвинуть капюшон.

— Вовсе нет, — ответил он.

Яромир мгновение изучал Амели, а затем подошел к капралу Рюрику, наклонился и заговорил так тихо, что его не было слышно. Рюрик вздрогнул, и его глаза расширились.

— Бедный Рюрик, — сказала Амели. — Яромир, должно быть, угрожает всем, от обезглавливания до сожжения заживо, если с нами что-нибудь случится.

Вероятно, она была права.

Антон переключил свое внимание на другие вопросы. — Я договорился о тех же лошадях, на которых вы ездили в свое последнее путешествие, — сказал он Селин и Амели. — Надеюсь, они оказались удовлетворительными?

Он уже выбирал обеих лошадей, быстрого черного мерина для Амели и нежную серую кобылу по кличке Соболя для Селин.

— О да, — быстро ответила Селин. — Я полюбила Соболя.

— А на чем я буду ездить, милорд? — спросила Хельга, уперев руки в бока.

— Я подумал, что вы, возможно, предпочтете сесть на скамейку в фургоне вместе с сержантом Базином, — сухо ответил он. Было неловко так разговаривать со стареющим слугой. — Если это приемлемо.

Хельга фыркнула и направилась к фургону. — Конечно, это приемлемо, — бросила она через плечо. — И не смей говорить со мной таким тоном. Я достаточно взрослая, чтобы быть твоей бабушкой.

Наблюдая, как она уходит, Антон задавался вопросом, есть ли еще время изменить свое мнение о ее включении.

Яромир вернулся, ведя за собой маленького черного мерина. — Запрыгивайте, — сказал он Амели. — Я подержу его, — голос его звучал несчастно.

В кои-то веки Амели не стала возражать на приказ, и она забралась в боковое седло. Антон потянулся к Соболю, который стоял рядом, и помог Селин тоже сесть в седло.

Вокруг них люди садились на лошадей, а сержант Базин сидел на скамье повозки с поводьями в руке, рядом с ним была Хельга.

Чувствуя себя еще более неловко, Антон повернулся к Яромиру. — Надеюсь, я не задержусь надолго. Возможно, сестры быстро решат эту проблему. — Он замолчал, не зная, что еще сказать. — Я буду посылать сообщения и держать вас в курсе.

Яромир кивнул, но ничего не сказал.

Не имея больше ничего, что можно было бы сказать или сделать, Антон схватил поводья своего собственного коня — высокого гнедого жеребца по кличке Шепот из-за его низкого, почти неслышного ржания. Антон вскочил. — Веди нас, капрал Рюрик.

Кивнув, молодой капрал направил своего коня к выходу со двора. Весь контингент последовал за ним. Антон ехал прямо за Селин и Амели, и он чувствовал, что Яромир наблюдает за ним.

Но даже так он не оглянулся.

Глава 3

Дроевинка была страной густых, влажных лесов. С деревьев свисал мох, на их стволах росли грибы, и влажный воздух часто был наполнен запахом суглинка. Грунтовые дороги становились грязными, когда шел дождь.

Селин не поднимала головы большую часть утра, когда ехала рядом с Амели, направляясь на север по дороге, едва достаточной для двух лошадей. Фургон с припасами катился впереди них, а Антон ехал прямо позади. Но эта небольшая группа была довольно плотно окружена солдатами, так как Рюрик возглавлял контингент с десятью мужчинами впереди, а остальным десятерым он приказал замыкать тыл.

Дом Палена контролировал значительную часть юго-западных провинций. Камень находился в самом южном секторе их рук. Кимовск находился к северу и немного западнее, почти на границе между Дроевинкой и Беласки.

Утро прошло спокойно, так как никто, казалось, не был склонен много говорить... за возможным исключением Хельги, которая иногда критиковала бедного сержанта Базина за ее мнение о его навыках вождения. Он принял это с крепко сжатыми челюстями и довольно хорошим изяществом.

Ближе к полудню моросящий дождь прекратился, и Селин откинула голову назад, глядя на серое небо над головой. Ей было холодно и сыро, а спина болела от того, что она ехала уже несколько часов подряд, но она знала, что это произойдет, и не жаловалась.

Узкая дорога, по которой они ехали, превратилась в гораздо более широкую, и Рюрик повернул на запад. Казалось, он знал, куда идет, поэтому Селин не задавала никаких вопросов. Хотя она выросла в этой стране, она никогда не путешествовала до прошлой весны и была смущена своим незнанием географии Дроевинкана.

Позади нее послышался слегка ускорившийся стук копыт, и она оглянулась, чтобы увидеть, как Антон ставит свою лошадь между ней и Амели. Селин отодвинулась влево, чтобы освободить для него место, и его конь, Шепот, рысцой проскакал между ними,

прежде чем снова перейти на шаг. По этой более широкой дороге трое всадников могли легко ехать бок о бок. Вода капала с волос Антона, стекая по его плащу. Он, казалось, ничего не заметил.

— Сколько времени до Кимовеска? — спросила Селин.

— Полтора дня, — ответил Антон.

Амели повернулась и посмотрела на него. — Яромир доставил нас из Шетаны в Сеон за одну ночь.

Антон кивнул. — Да, но Шетана ближе... и, насколько я понимаю, Яромир той ночью срезал путь через лес. Мы будем держаться дорог и проведем ночь в городе под названием Рекаузи. Мы должны добраться до Кимовеска завтра к полудню.

Селин не могла не задаться вопросом, что значит «провести сегодняшний вечер в городе». Может быть, кто-нибудь из местных поселит их здесь? В своем последнем путешествии с Яромиром они каждую ночь разбивали лагерь и спали на открытом воздухе среди деревьев.

Однако выражение лица Антона было обеспокоенным, как будто он хотел поговорить о чем-то другом, поэтому она больше не задавала ему вопросов и просто ждала.

— Вы чувствуете себя в состоянии говорить о предстоящей нам задаче? — наконец спросил он.

Это была вежливая формальность, так как ему, вероятно, никогда бы не пришло в голову, что они могут отказаться, но даже усталая и промокшая Селин не хотела отказываться. Ей было интересно, что он собирался сказать.

Он долго молчал.

— На этот раз я не смогу выдать вас за дворян, — наконец начал он. — Леди Хелена, которая является матерью будущей невесты, знает каждую знатную семью в Дроевинке, по крайней мере, по репутации. Итак, я собираюсь сказать, что вы дочери богатого торговца шерстью, мисс Селин и мисс Амели. Хелена будет уважать это. Она вышла замуж за барона, который тоже был торговцем.

Селин сочла титул «Мисс» мудро двусмысленным. Жен богатых торговцев часто называли «Госпожами», а дочерей — «Мисс». Это отличало их от простых крестьян и в то же время от знати.

Амели громко выдохнула через нос. — Я вообще не вижу необходимости в этой уловке. Почему вы не можете просто сказать им, что мы ваши провидцы, мы здесь для того, чтобы выполнить для вас работу, и они должны позволить нам начать их читать?

Он покачал головой, — Это не сработает. Вы не знаете, каково большинство дворян. Им нужно договориться... почти поверить, что ваше прочтение их было их собственной идеей.

— Ну, некоторые из солдат Дамека, те, кто работал в Шетане, выдадут нас с первого взгляда, — настаивала Амели.

— Вы позволите мне разобраться с этим, — ответил он почти пренебрежительно, как будто этот вопрос не стоил обсуждения. — Но вам нужно больше знать о семье, с которой вы будете иметь дело.

Селин повернула голову. — Вы с ними встречались?

— Некоторые из них. — Он снова сделал паузу, как будто раздумывая, с чего начать следующую часть разговора. — Отец принца Родака влюбился в женщину, несколько ниже его по положению, леди Клариссу, и женился на ней. Ее семья была титулованной, но не королевской. Но тогда дом Эн не пользовался такой властью, как сейчас, поэтому брак не

привлек особого внимания, как и рождение Родека. Именно Родек позже усилил влияние Эн, и когда его отец умер, его назначили главой дома, а затем избрали великим князем. Таким образом, статус его матери и, следовательно, семьи его матери существенно возрос. Вы меня понимаете?

Селин моргнула. — Конечно.

— Задолго до того, как Родек был избран великим князем, сестра его матери, леди Хелена, вышла замуж за мелкого барона Алексиса Квиллета, который также был богатым виноторговцем. У них было четверо детей. Первой появилась Шарлотта, затем близнецы Хит и Рошель, а затем младшая дочь Лизбет. Хит-единственный сын. Два года назад барон умер, и Хит унаследовал его титул и взял на себя бизнес, но брат Хелены, лорд Хэмиш, переехал жить к ним, и, насколько я слышал, он взял на себя ответственность за семью. Их состояние только продолжало увеличиваться.

— Откуда вы так много о них знаете?

— Это часть моего долга как принца Палена-знать как можно больше о других домах... особенно тех, кто связан с домом Эн. — Он снова заколебался. — И я познакомился с леди Хеленой и Шарлоттой. Они присутствовали на собрании королевских домов в Кеонске, когда я был юношей и...

— Вы встречались с жертвой убийства? — Вмешалась Амели.

Антон слегка нахмурился, услышав, что его прервали. — Да, но я плохо ее помню. Я говорю вам это, чтобы вы лучше представляли, чего ожидать. Эти люди не были рождены с королевскими связями. Они были возвышены благодаря браку. Это означает, что они будут постоянно защищать свой статус, вплоть до оскорбления. Просто будьте готовы. Кроме того, вы понимаете, почему предстоящий брак Дамека так важен для моего отца?

Селин кивнула. — В дополнение к объединению вашего дома с домом Эн, приданое Рошель должно быть большим.

— Да, должно быть, — в голосе Антона звучала почти горечь.

— Итак..., — сказала Амели. — Мы помогаем поднять как сундук с сокровищами, так и политический статус Дамека?

Селин бросила на нее предупреждающий взгляд. Не было необходимости констатировать очевидное. Антон прекрасно понимал, о чем их просили.

— Есть еще кое-что, — сказал Антон, неловко ерзая в седле. — Пока вы находитесь в Кимовеске, вы должны помнить о своих манерах при дворе Дамека. Вам нужно будет всегда проявлять к нему должное уважение.

Он смотрел вперед, но Селин знала, что эта короткая речь предназначалась для Амели, а не для нее. Лицо Амели потемнело, и она, казалось, была на грани того, чтобы выплюнуть что-то неприятное, когда Антон бросился дальше.

— Я говорю это для вашей безопасности. Дамек не потерпит ничего, кроме почтения, граничащего с подхалимством, со стороны любого, кого он считает ниже себя — а это почти все. Я видел, как он убивал слуг, которых считал наглыми.

Гнев исчез с лица Амели. Селин задумалась, знает ли ее сестра слово «льстивый», но это не имело значения. Смысл слов Антона был ясен.

Все трое замолчали, прислушиваясь к стуку копыт своих лошадей.

Пока Селин обдумывала все, что рассказал им Антон, она надеялась, что Амели примет его слова близко к сердцу.

В полдень они ненадолго остановились, чтобы немного отдохнуть, но к тому времени,

хотя Селин отчаянно хотела слезть с лошади, она чувствовала себя почти слишком больной, чтобы слезть — и она знала, что Амели не намного лучше. Сестры никогда не ездили верхом до приезда в Сеон прошлой весной и с тех пор совершили только одно долгое путешествие... несколько месяцев назад. Их тела не были приучены к многочасовой езде верхом.

Уже на земле, Антон посмотрел на нее снизу вверх. — С вами все в порядке?
— Конечно.

Не спрашивая, он протянул руку и поднял ее. Ее ноги задрожали, когда она коснулась земли, но ей удалось удержаться на ногах. При виде этого Амели удалось слезть со своего черного мерина и прижать обе руки к спине. Все съели по яблоку и печеню и выпили по общей чашке воды.

У Антона была своя чашка.

Неподалеку был ручей, и Рюрик напоил всех лошадей. Затем, несколько неохотно, Селин снова взобралась на Соболя.

К счастью, день пролетел быстро, и, когда солнце опустилось в небо, Рюрик повернулся и крикнул через плечо, — Рекаузи впереди.

— Мы все еще на вашей территории? — спросила Амели у Антона.

— Да, — ответил он, — прямо на краю. Я подумал, что так будет лучше. Утром мы первым делом переправимся на земли Дамека.

Когда показался город, Селин прищурилась, разглядывая то, что казалось морем движения на улицах. — Что это такое?

Почти рассеянно Антон ответил: — Наше приветствие.

Конь Рюрика въехал в город... когда контингент пришел после. Сотни людей выстроились вдоль улиц, некоторые держали в руках цветы поздней осени или ранние ягоды остролиста, и они начали радоваться при виде Антона, который все еще ехал между сестрами.

Он поднял одну руку и помаhal людям, когда они приветствовали его, а некоторые начали бросать цветы и ветви остролиста на его пути.

Селин понятия не имела, что с этим делать. Она повернула голову и посмотрела мимо него на Амели, которая казалась столь же ошеломленной.

— Улыбнитесь и помашите, — тихо сказал Антон. — Люди ожидают этого.

Пытаясь прийти в себя, Селин улыбнулась и приветственно подняла руку.

— Принц Антон! — закричали люди.

Хотя он очень редко покидал Сеон, его любили даже здесь, на краю его земель.

— Как они узнали, что вы придете? — спросила она сквозь тщательно подобранную улыбку.

— Я послал гонца прошлой ночью. Мне нужно было приготовить для нас гостиницу. Должно быть, хозяин гостиницы разнес эту весть.

Селин попыталась собраться с мыслями. Он послал всадника приготовить гостиницу? Антон почти ничего не оставлял на волю случая.

Люди оставались на почтительном расстоянии, пропуская контингент. И снова Рюрик, казалось, точно знал, куда идет, и повел своего коня через город, остановив его перед побеленным трехэтажным зданием с множеством окон.

Некоторые солдаты начали спешиваться, а другие лошади прижались сзади. Соболя немного растерялась, и Селин оказалась отделенной от Амели и Антона.

— Селин, — сказал кто-то.

Посмотрев вниз, она увидела Рюрика, стоящего на земле рядом с ней.

Он вытянул вверх обе руки. — Положи руки мне на плечи.

Безмолвно, измученная, она сделала, как он сказал, и он опустил ее вниз. Когда ее ноги коснулись твердой земли, она ожидала, что он отпустит ее, но он крепко держал ее. Тем не менее, его хватка была легкой, как будто он хотел, чтобы она знала, что может отстраниться, если захочет.

— Я хотел сказать спасибо вам, — прошептал он.

— Спасибо мне?

— Да... не так давно, я думал... я думал, что со мной может быть покончено как с охранником Сеон, но вы компенсируете мне это. А вчера Яромир сказал мне, что вы назначили меня начальником охраны принца в этом путешествии. — Он оглядел цветы и остролист на улице. — Это был лучший день в моей жизни, и я должен поблагодарить вас.

— О, Рюрик, нет. Я только сказала правду о вашем мужестве в Рязани. Вы выиграли это по своей собственной заслуге.

Он покачал головой. — Не совсем. — Его пристальный взгляд был напряженным, но она видела только благодарность и дружбу в его зеленых глазах. — Я бы умер за вас... или Амели. Вы это знаете?

— Капрал? — произнес низкий голос.

Селин повернула голову и увидела, что Антон наблюдает за ними. Выражение его лица было непроницаемым.

Рюрик отступил назад. — Мой принц?

— Пусть кто —нибудь посмотрит лошадей в конюшне, а затем сам поговори с хозяином гостиницы о наших комнатах. Нам нужно будет доставить сегодняшний багаж.

— Да, милорд.

Рюрик рявкнул сержанту Базину несколько приказов насчет лошадей и поспешил внутрь.

Взгляд Антона все еще был прикован к Селин, но он указал на входную дверь. — Так мы пойдем?

* * *

Амели последовала за Селин и Антоном внутрь, чувствуя себя несколько не в своей тарелке. Она никогда бы в этом не призналась, но именно Антон заставил ее почувствовать себя неуютно.

Он всегда так делал.

Он был просто таким... огражденным. Даже прожив под его защитой почти полгода, она ничего о нем не знала и никогда не могла сказать, о чем он думает. И все же она была здесь, доверяя его суждению и свою жизнь, и жизнь Селин. Яромир мог быть властным, но, по крайней мере, она его понимала. Она могла бы поговорить с ним или сыграть с ним в карты — или даже время от времени подраться с ним. Антон был непостижим. Неприкасаемый.

Войдя внутрь, она огляделась.

Общий зал гостиницы был отполирован до блеска, пока каждый стол и стул не засияли. В воздухе витал аромат жареного мяса и свежего хлеба. В очаге горел теплый огонь. Полный мужчина в фартуке шагнул к ним с нетерпеливым выражением лица, но Рюрик перехватил его, прежде чем он приблизился к Антону.

— Мы будем спать здесь? — спросила Селин у Антона.

— Для вас обеих приготовлена комната, — ответил он. — С палитрой на полу для Хельги. Я приношу извинения за стесненные условия, но у нас тоже есть все охранники, которых нужно разместить.

— Нет, это будет прекрасно. Мне нравится идея, что Хельга останется с нами.

Амелия тоже так думала. В количестве была безопасность.

Словно по сигналу в пьесе, Хельга вошла в парадную дверь и понюхала воздух. Несколько прядей седых волос выбились из-под ее скрученного оранжевого шарфа. — Когда мы будем есть? Я умираю с голоду. Тот так называемый обед, который мы съели, не оставил бы в живых и крысу.

У Антона дернулась челюсть. — Ужин будет подан прямо сейчас.

Амели подумала, что, возможно, сначала они устроятся в своих комнатах, но это было не так. Все солдаты в коричневых плащах и кольчугах начали входить в дверь и занимать места за одним из столов. Она не возражала против перспективы поесть прямо сейчас. Она выпила чай на завтрак и только яблоко с печеньем на обед. Ее желудок был близок к урчанию.

Внутри было тепло, и она сняла плащ, обнажив под ним светло-голубое платье. Хотя она ненавидела, когда ее снова заставляли надевать платье, у нее был свой собственный кинжал, спрятанный в ножнах в правом ботинке, и оружие Яромира, пристегнутое к ее запястьям, прикрытое длинными рукавами.

Селин тоже сняла плащ, демонстрируя платье из лавандовой шерсти, которое было на ней. Оно хорошо сидело на ее стройной фигуре и подходило к ее глазам.

Сеонский солдат, которого Амели не узнала, вошел в дверь, неся несколько сумок на плечах, и Хельга шагнула ему навстречу. — Вы знаете, в какой комнате находятся мисс Амели и мисс Селин?

— Да, мэм. Мне только что сообщили.

— Хорошо. Тогда возьми их и смотри, будь осторожен!

— Да, мэм, — добродушно сказал он и направился к лестнице в задней части комнаты.

Амели подняла бровь, глядя на Селин. — Похоже, у нас есть служба носильщиков.

Хельга плюхнулась на скамейку за столом. — Вы, девочки, присаживайтесь.

Зад Амели все еще болел, но она была достаточно голодна, чтобы рискнуть сесть на деревянную скамейку, и она заняла место рядом с Хельгой. Как и Селин.

Однако Антон стоял неловко, все еще сжимая челюсти, глядя на Хельгу сверху вниз, как будто не зная, что делать.

— Здесь, мой господин, — позвал Рюрик.

Молодой капрал, казалось, готовил маленький единственный столик — с одним стулом — у окна. С видимым облегчением Антон сказал, — Пожалуйста, извините меня, — и подошел, чтобы сесть в одиночестве. Как только он сел, Рюрик присоединился к другому столу, за которым сидели несколько его людей.

— Антон слишком хорош, чтобы есть с Хельгой? — Амелия прошептала Селин на ухо.

— Я не думаю, что у него есть выбор. Мы на неопределенном... социальная основа здесь.

И это было еще одной вещью, которая беспокоила Амели. Что бы ни делал Антон, Селин всегда защищала его. Амели сменила тему. Молодые женщины в белых фартуках начали входить в дверь за стойкой бара, неся подносы, полные кружек эля и тарелок с ростбифом.

После этого на некоторое время Амели забыла обо всем, кроме еды.

В дополнение к нежной говядине им подали картофель, теплый хлеб и яблочный компот. Разделавшись один раз, она съела все, что было у нее на тарелке, и огляделась в поисках еще.

Селин улыбнулась. — В конце концов, не так уж плохо путешествовать с принцем? Ты помнишь наши лагерные пайки с Яромиром?

Хотя Селин явно имела в виду это как шутку, это только вызвало у Амели новый приступ беспокойства. Честно говоря, она предпочла бы, чтобы они ели лагерные пайки и пили воду из ведра с Яромиром, чем доверяли свои жизни Антону.

Во время ужина стемнело, и зажгли свечи. Несколько их охранников закурили трубки, и им подали еще эля. Амели взглянула на принца Антона. Как только тарелки с ужином были убраны, он встал и сделал шаг в сторону лестницы.

Как раз в этот момент Рюрик крикнул: — Селин, вы будете развлекать нас, как раньше?

На темной дороге в Рязань Селин значительно подняла настроение ночью у костра. Амели была измотана, и она знала, что Селин, вероятно, была измотана еще больше. Но ее сестра встала.

— Что бы вы предпочли, — спросила она, — гадание? История? Песня?

Четверо мужчин — все они были в предыдущей поездке — дружно воскликнули: — История!

Это не удивило Амели. Мужчины любили истории, а Селин была одарена искусством «рассказывать».

Селин подошла к очагу. — Приключение? Роман? Комедия?

— А как насчет чего-нибудь более темного? — спросил Рюрик, одарив ее улыбкой с другого конца комнаты. — Мы сейчас не в северных лесах. Скажите что-нибудь такое, от чего нас бросит в дрожь.

— История о привидениях? — Селин улыбнулась в ответ, и ее лицо просияло.

Затем Амели заметила, что Антон застыл на месте у своего стола, наблюдая за этим обменом репликами.

Хозяин гостиницы и служанки собрались у бара, выжидающе глядя на Селин. Ее лицо светилось в свете свечей, падавших со стола, и отблески огня отражались от ее светлых волос.

— Мы с моей родной сестрой близки, и мы дорожим друг другом, — начала она, — но не всем сестрам так повезло, а некоторых разделяет ревность. — Она подняла руки по бокам, ладонями вверх. — И между братьями и сестрами ревность-самая опасная эмоция из всех, больше, чем ненависть, больше, чем страх.

С этими словами она на мгновение опустила голову, а когда снова подняла ее, все следы ее прежней улыбки исчезли.

— Много лет назад на севере жил мужчина с двумя дочерьми, обе красивые. У старшей были густые каштановые волосы, а у младшей — волосы цвета медного золота. Но в то время как натура старшей сестры была холодной и сдержанной, младшая была более открытой в своей любви и привязанности, и людей тянуло к ней.

Селин отошла от камина, легко проскользнув между столами и стульями, пока говорила. Все смотрели на нее.

— Неподалеку от них жил красивый и преуспевающий молодой фермер. Они не очень хорошо его знали, но однажды он пришел в гости, и после этого он приходил чаще. В этой

провинции с его стороны считалось бы дурным тоном обращать внимание на младшую сестру, если бы старшая еще не была замужем. Так что молодой человек сделал свое дело, поговорив в основном с отцом и старшей сестрой.

Селин понизила голос.

— Но... при каждом удобном случае его взгляд останавливался на младшей сестре.

Она остановилась в другом конце комнаты и медленно пошла обратно к очагу. — Отец организовал конные прогулки и танцы для развлечения, и вскоре молодого человека можно было увидеть верхом рядом с младшей сестрой и танцующим с ней в деревенском общем зале, смеющимся и наслаждающимся ее обществом. Старшая сестра наблюдала за всем этим, не говоря ни слова, выжидая и выжидая своего часа.

Антон все еще застыл на месте, уставившись на Селин.

— Затем однажды днем сестры пошли гулять по великой реке, которая протекала по земле их отца, и старшая сестра позвала младшую ближе к краю. Когда младшая сестра охотно пришла, возможно, думая увидеть что-то в воде, старшая сестра столкнула ее в глубокую реку. Бедная молодая женщина боролась в холодной воде, крича: «Помогите! Помогите мне, сестра. Хватай меня за руки!» Но старшая сестра отступила назад и наблюдала. Голова младшей сестры погрузилась под воду, вынырнула и снова опустилась, когда вода потекла ей в рот и нос... а потом она больше не появлялась. Течение унесло ее мертвое тело вниз по течению.

Служанка у стойки ахнула.

— Старшая сестра побежала домой, рассказывая историю о том, как младшая упала в реку и ее нельзя было спасти. Их отец и красивый фермер оба плакали. Молодой фермер был опустошен, и каким-то образом старшей сестре удалось преодолеть свою холодную натуру и утешить его. Вскоре эти двое были помолвлены, и он не знал, что скоро женится на убийце.

Она сделала паузу. В общей комнате было тихо, если не считать мягкого потрескивания в камине.

— Тогда...,- снова начала Селин, — группа странствующих менестрелей шла вдоль реки, и один из них увидел что-то на берегу. Они отправились на разведку и обнаружили тело младшей сестры. Даже после смерти ее красота тронула их. Их певица, которая была женщиной, опустилась на колени рядом с младшей сестрой, коснулась ее мертвого лица и сказала: «Я всем сердцем хотела бы рассказать твоим родственникам, что с тобой случилось и где ты была похоронена». Но поскольку они понятия не имели, кем была погибшая девушка или кто могла быть ее семья, лучшее, что они могли сделать, — это похоронить ее.

Амели невольно посмотрела в сторону Антона. Он стоял как вкопанный, не сводя глаз с Селин.

— Несколько ночей спустя отец, молодой фермер и старшая дочь отправились в город в большой общий зал, чтобы послушать игру менестрелей. Развлечения такого рода были редкостью в их части страны, и отец подумал, что, возможно, какая-нибудь прекрасная музыка могла бы облегчить их печаль. Они заняли свое место в небольшой толпе, когда менестрели приготовились. Певица вышла, чтобы начать свою первую песню, и, к всеобщему удивлению, ее лицо начало меняться, становясь круглее и красивее, а волосы стали густыми и медно-золотыми... пока она не приняла облик младшей сестры и не начала петь печальными мелодиями. «Я плачу. Я оплакиваю своего потерянного отца. Я оплакиваю свою потерянную любовь, и я оплакиваю свою сестру, которая столкнула меня в реку и смотрела, как я тону».

Несколько солдат резко втянули воздух.

— Тогда певица выглядела точно так же, как и раньше. Но красивый фермер обернулся и в ужасе посмотрел на старшую сестру, на лице которой было написано чувство вины. — Селин теперь говорила почти шепотом, но ее голос разнесся по комнате. — Она скоро будет наказана за свое преступление из ревности... разоблаченное поющим призраком.

Селин опустила голову. История была закончена.

В зале долгое время царила тишина, а затем раздались аплодисменты, заполнившие все большое пространство.

Амели бросила последний взгляд на переднее окно.

Антон исчез.

* * *

На следующее утро они выехали с опозданием. Несмотря на некоторое разочарование, Антон понял, что этого следовало ожидать. Это был первый раз, когда капралу Рюрику было поручено собрать двадцать пять человек, их лошадей, их фургон, а затем отправить всех обратно в дорогу.

Наконец, однако, большая группа выехала из Рекаузи и пересекла территорию Дамека. Дорога, по которой они ехали, снова была обсажена густыми темными деревьями, а с неба лил мелкий дождь. Антон кодирует за Селин и Амели, стараясь держаться как можно изолированнее.

По большей части его мысли были так заняты, что он едва заметил задержку.

Каждый шаг ближе к Кимовеск наполнял его все большим страхом.

Хуже того, он не мог перестать представлять себе вид Селин прошлой ночью... и звук ее голоса, когда она рассказывала эту историю. Он хотел выбросить этот образ из своих мыслей, но не смог.

За всю свою жизнь он влюбился только в одну женщину. После одиноких, наполненных болью лет его детства и юности, в возрасте восемнадцати лет, он встретил Джослин Шевриер. Она была милой, защищенной и застенчивой, с даром проявлять малую доброту. С ней он впервые не чувствовал себя одиноким.

Хотя она происходила из знатной семьи, она не была королевской и не была богатой. Принц Ливен запретил жениться. Это был единственный раз, когда Антон бросил вызов своему отцу, и его не волновали последствия. Поскольку Антон уже правил Сеон, его отец не мог позволить себе лишиться его наследства. Антон справился с первоначальным гневом, не дрогнув, хотя это беспокоило его больше, чем он хотел признать, поскольку у него не было желания причинять боль отцу. Но почти сразу после свадьбы Джослин забеременела, и тогда все было прощено.

Принц Ливен хотел внука.

Джослин умерла при родах вместе с ребенком, и Антон хотел умереть вместе с ними. Ему потребовалось много времени, чтобы прийти в себя, а он даже ни разу не взглянул на другую женщину... до сих пор.

Во многих отношениях Селин была совсем не похожа на Джослин. Она определенно не была ни защищенной, ни застенчивой. Она перенесла больше, чем ее доля трудностей, и проявляла плохо скрытую осторожность большинства мужчин. Она была непревзойденной лгуньей и не выказывала никаких угрызений совести против использования этого таланта, когда это было необходимо.

Но... она также была теплой, отзывчивой и щедрой на маленькие проявления доброты.

Она была красивой и умной и гордилась тем, что поддерживала себя и Амели своими выдающимися навыками аптекаря.

Он и не думал, что когда-нибудь снова почувствует такое влечение к женщине, и все же он не мог действовать в соответствии со своими чувствами или даже сказать ей об этом.

О браке не могло быть и речи. Все, кто имел значение, считали бы ее цыганской крестьянкой, и, учитывая нынешнюю политическую ситуацию, даже Антон не стал бы так далеко выходить за рамки общественных условностей. Да и Селин не пожелала бы ему этого. Она заботилась о своей стране и хотела, чтобы его назвали великим принцем. Это оставляло ему перспективу сделать ее своей любовницей, а он никогда не допустил бы такого для такой прекрасной женщины, как Селин. Несколько раз он так сильно хотел, чтобы она прикоснулась к нему, что почти забывался, но один или оба они в последний момент отступали.

Благодарно.

Нет, это была его судьба-оставаться в изоляции, и он это понимал. В отличие от Дамека, он не женился бы из-за денег или связей, и любовь была для него редкостью. И все же самосознание было сильной стороной-по крайней мере, так всегда говорил его отец.

Его высокий жеребец легко шел по грязной дороге, и он снова попытался выкинуть из головы образ Селин прошлой ночью, стоящей перед очагом и рассказывающей эту историю.

Он был так сосредоточен на своих мыслях, что его лошадь чуть не столкнулась с ее задом, прежде чем он понял, что весь отряд остановился.

— В чем дело? — он позвонил.

Прежде чем кто-либо ответил, он посмотрел вперед, мимо капрала Рюрика, и увидел большой, но потрепанный фургон, преграждающий дорогу. С задней левой стороны оторвалось колесо, и этот угол провалился в тонкий верхний слой грязи на земле. Перед домом был запряжен полуголодный мул. Возможно, двенадцать крестьян — мужчины, женщины и дети, все худые до костей-собрались вокруг задней части фургона, как будто оценивая ущерб.

Некоторые из них обернулись, чтобы посмотреть на контингент примерно в то же время, когда их увидел Антон, и ужас залил их лица.

— Беги! — крикнул один из них.

Мгновенно небольшая толпа бросилась бежать к деревьям.

К удивлению Антона, Селин направила свою лошадь в обход охранников, стоявших перед ней.

— Пожалуйста, остановись! — крикнула она. — Мы не причиним тебе вреда. Пожалуйста!

Прежде чем он успел пошевелиться, она пустила свою серую кобылу галопом по краю дороги, все еще окликающая крестьян. Некоторые из них начали притормаживать и оглядываться на нее.

Внезапно осознав, что она может быть в опасности, он пнул Шепота в бок, подталкивая его вперед. Он слышал, как Амели идет за ним.

К тому времени, когда он добрался до передней части отряда, лошадь Селин была рядом с лошадью Рюрика, и она, наклонившись с седла, разговаривала с одной из крестьянских женщин.

— Я обещаю, что никто не причинит тебе вреда. Это люди принца Антона, — сказала она.

Женщина была грязной, в изодранной одежде, и ее глаза были испуганными, когда они повернулись к нему. Он понятия не имел, что делать, и действительно был несколько смущен поведением Селин. Он бы просто приказал своим людям объехать разбитую повозку и оставить этих людей, чтобы они вернулись из укрытия, как только все солдаты пройдут мимо.

— Что случилось? — спросила Селин у женщины... а потом она слезла с лошади!

— Селин! — позвал он более резко, чем намеревался.

Она снова посмотрела на него. — Милорд, эти люди нуждаются в нашей помощи. Колесо от их фургона оторвалось.

Прикусив внутреннюю сторону щеки, он спрыгнул вниз и быстро подошел к ней. В некоторой тревоге Рюрик тоже спрыгнул со своего коня. Не раздумывая, Антон схватил Селин за запястье и оттащил на несколько шагов.

Внезапно Амели оказалась на земле рядом с ними, глядя на его руку. Он отпустил ее.

— Это люди Дамека, — спокойно объяснил он, — и мы ничего не можем для них сделать. Самое доброе, что мы можем сделать, — это отправиться в путь.

Глаза Селин затуманились в замешательстве. — Нет, им нужна помощь, и... что вы подразумеваете под 'людьми Дамека'? Если вас изберут великим князем, весь народ будет вашим народом.

Он уставился на нее. Ее капюшон упал, и морозящий дождь потемнел на ее волосах.

— Неужели вы не можете показать им, каким великим принцем вы были бы? — спросила она.

Антон взглянул на упавшее колесо и покосившуюся повозку. Затем он повернулся к сержанту Базину, который все еще сидел на скамейке их собственного фургона. — Это можно починить?

— Да, милорд, с несколькими сильными людьми, чтобы поднять его.

Хотя Антону и не приходило в голову остановиться, чтобы помочь страдающим крестьянам Дамека, перспектива больше не казалась такой странной. — Проследи за этим, — сказал он Рюрику.

Селин повернулась к испуганной женщине. — Соберите своих женщин и детей в задней части нашего фургона. У нас есть лишние яблоки и печенье, и я слышу, как кашляют некоторые дети. У меня есть сироп, который поможет.

И с этими словами Антон стоял под дождем на грязной дороге провинции своего брата и наблюдал за происходящим вокруг. Оборванные крестьяне начали таять с деревьев, возвращаясь, чтобы присоединиться к ним. Рюрик и Базин позвали нескольких своих людей, чтобы помочь с упавшим колесом. Амели и Хельга были в задней части фургона, раздавая оставшиеся припасы, в то время как Селин пыталась что-то раскопать среди багажа. Она посмотрела на него.

— Милорд, мне нужна моя коробка с лекарствами, и я не могу вытащить ее из-под этого багажа. Вы можете помочь?

К его удивлению, он хотел помочь. Он мог бы заказать охрану, но не сделал этого.

Он забрался в заднюю часть фургона, вытащил большую деревянную коробку и передал ее ей. Он наблюдал, как она открыла его и начала давать детям сироп от кашля, отдавая большую бутылку одной из женщин, чтобы та отнесла ее домой.

Когда она прикладывала какое-то вяжущее средство к руке мальчика с гноящимся укусом насекомого, она подняла голову и оглянулась на охранников, ремонтирующих

фургон. — Милорд, вы видите, что старик хромает? Я думаю, что он страдает от боли в коленных суставах. Вы можете привести его сюда? У меня есть мазь.

Это действительно было одно из самых необычных переживаний на памяти Антона, но он подошел и помог старику добраться до Селин. Мгновение спустя она заставила старика подтянуть штанины и начала втирать ему в колени темную мазь.

— Я пошлю тебе кое-что из этого, — сказала она ему, — но ты должен быть осторожен, чтобы смыть каждую каплю с рук после использования. Это очень полезно при болях в суставах, но опасно при проглатывании.

Антон продолжал наблюдать за ее работой.

Вскоре повозку починили, позаботились о больных и раздали еду.

— Дайте им немного зерна для этого мула, — приказал Антон сержанту Базину.

— Сколько, милорд?

— По крайней мере, полмешка. Мы почти в Кимовеске, и мы можем пополнить запасы.

Положив руки на спину, Селин выпрямилась. — Их фургон готов, — спросила она.

— Я так думаю, — ответил Антон, а затем снова растерялся. Он был рад, что они остановились. Он был рад, что они сделали все возможное, чтобы помочь некоторым людям Демека. Но он не мог этого сказать.

Селин улыбнулась ему и подняла капюшон, чтобы прикрыть голову. — Тогда, может быть, мы вернемся в дорогу?

Все это казалось ей таким банальным, как будто их действия здесь были обычным делом. Они не были для него обычным делом.

— Да, — сказал он.

Все сели в седла, и снова Антон занял свое место позади сестер, едущих в одиночку. В его сознании образ Селин, рассказывающей свою историю прошлой ночью, теперь сменился изображением того, как она подгоняет свою лошадь вокруг его солдат, чтобы остановить банду бегущих крестьян.

Прошло несколько часов, а он все еще был погружен в свои мысли, когда Рюрик крикнул: — Впереди деревня Кимовеск.

Им нужно будет проехать через деревню и проехать лигу за ее пределами, прежде чем добраться до замка. Антон проезжал здесь всего несколько раз, но, когда его воспоминания об этом месте внезапно обострились, он подъехал к Селин.

— Приготовьтесь, — сказал он. — Люди здесь могут быть такими... хуже, чем то, что мы видели раньше.

Она повернула к нему голову. — Я точно знаю, что мы найдем. Вы забываете, что я выросла в Шетане.

Да, она выросла в Шетане, и иногда он действительно забывал об этом.

Несмотря на спокойный ответ Селин Антону, когда он снова позволил своей лошади отстать от нее, она боялась перспективы проехать прямо через одну из деревень Демека. Большую часть дневного пути они ехали по дорогам, ведущим в деревни, но им не довелось увидеть многих трагических зрелищ, связанных с перенапряженными и угнетенными людьми, жившими в этой части страны. В отличие от солдат в провинции Антона, которые были наняты и обучены защищать людей, солдаты Демека имели полную свободу действий, чтобы оскорблять почти любого, кого они хотели.

Селин боялась, что ее заставят вспомнить слишком многое из того, что ей удалось успешно задвинуть на задворки сознания. Хотя они с Амели прожили в Сеоне меньше года,

их предыдущая жизнь иногда казалась далекой.

Теперь она была провидицей принца Антона и аптекарем его народа.

Ей нравилась эта новая жизнь, это новое «я», и хотя она не чувствовала стыда за свое прежнее «я», ей также не хотелось, чтобы ей напоминали о тех годах, когда она едва сводила концы с концами, живя в страхе перед солдатами Дамека.

— С тобой все в порядке? — спросила Амели, ехавшая рядом с ней.

Край деревни был всего в нескольких шагах от них.

— Да, я просто... слишком много воспоминаний.

— Я знаю. Я тоже.

Селин хотела протянуть руку и схватить Амели за руку. Она хотела оглянуться на Антона, но не сделала ни того, ни другого. Вместо этого она схватила поводья и последовала за стражниками впереди нее в деревню Кимовеск.

Он был таким же убогим, грязным и унылым, как она и ожидала, и состоял в основном из плетеных и глинобитных хижин с соломенными крышами. Как только Рюрик миновал первое жилище, люди начали убегать из поля зрения. Селин не видела ясно ничьего лица. Она видела только худых деревенских жителей в изодранной одежде, убегающих в дверные проемы.

Контингент ехал дальше, и прохождение оказалось не таким трудным, как она ожидала. Через несколько мгновений главная улица опустела, и она не увидела ничего, кроме ветхих домов и нескольких магазинов — с закрытыми дверями. Не успела она опомниться, как они оказались на другой стороне. Ей хотелось бы почувствовать хоть какое-то облегчение, но их следующей остановкой был замок.

Они продвигались вперед, пока она не поняла, что дорога начала сужаться и подниматься вверх. Вскоре они были вынуждены ехать гуськом, и Селин обнаружила, что следует за Амели.

Дорога продолжала сужаться до тех пор, пока ветви деревьев не оказались достаточно близко, чтобы соприкоснуться, и сержанту Базину стало трудно протолкнуть фургон так, чтобы ни он, ни Хельга не попали под ветку. Хельга была невежлива по этому поводу.

Деревья над головой закрывали почти весь свет с неба, и мир вокруг них потускнел.

— Мы почти у ворот, — сказал Антон сзади. — Вы и Амели держите свои капюшоны хорошо над головами и вокруг ваших лиц. Вас пока нельзя видеть. Вы понимаете?

— Да. — Но она не понимала срочности этого, так как их обоих собирались увидеть достаточно скоро. — Ты слышала его, Амели? — спросила она, наклоняясь вперед.

— Я слышала его.

Селин ожидала, что деревья прорвутся, но этого не произошло. Вместо этого она посмотрела вперед, сквозь ветви, поверх вершины Рюрика и передних стражников, и увидела темную башню, уходящую в небо.

— Стой, — крикнул Антон.

Рюрик остановился.

Антон низко пригнулся, направил свою лошадь в обход Селины и рысью направился к передней части контингента. Даже проходя под низкими ветвями на обочине узкой дороги, ему удалось сделать это изящно, и он взял инициативу на себя, когда они направились дальше.

Почти сразу Селин увидела сторожку и часть высокой каменной стены.

Мгновение спустя они достигли решетки с толстыми перекрещенными прутьями.

Несколько сурового вида мужчин в черных плащах выглянули наружу. Селин посмотрела налево и направо, чтобы увидеть каменную стену, простиравшуюся в обоих направлениях, насколько она могла видеть. Солдаты в черных плащах шли по верху стены. Разрыв между густым лесом и стеной составлял всего около двадцати шагов — достаточно далеко, чтобы стену не мог пробить никто, взобравшийся на дерево, и в то же время достаточно близко, чтобы собрать здесь какие-либо силы было почти невозможно.

Антон поехал прямо к решетке, убедившись, что охранники внутри могут его хорошо видеть.

— Поднимите ворота, — приказал он.

Не споря, один из мужчин за решеткой посмотрел вверх и крикнул: — Поднимите его!

Раздался скрип и скрежет, за которым последовала открывающаяся решетка. Антон шел впереди, и когда Селин прошла через него, она обнаружила, что идет по закрытому туннелю у ворот. В дальнем конце была вторая решетка, но она уже была поднята. Хотя оборона здесь была не такой сложной, как в Сеоне, она, безусловно, была достаточной. Замок будет трудно взломать.

Однако... двойные стены вокруг Сеона защищали всех жителей главной деревни. Здесь Дамек оставил жителей деревни-тезки своего замка на произвол судьбы.

Выехав из туннеля у ворот, отряд въехал во внутренний двор, где его увидели еще десятки мужчин в черных плащах, и Селин впервые полностью осмотрела замок. Он был построен из темного камня и был одновременно старше и меньше, чем дом Антона.

Он также был необычного дизайна. В ист-энде возвышалась единственная высокая башня высотой по меньшей мере в пять этажей. Центральная часть замка представляла собой длинный двухэтажный прямоугольный блок. На западном конце стояла более короткая четырехэтажная башня, соединенная с чем-то вроде башни шириной в половину ширины, которая соединялась с другой четырехэтажной башней. В башне шириной в половину ширины также находились главные двери в замок.

Планировка создавала довольно однобокий эффект. Еще... однобокий или нет, он был отталкивающим — что, вероятно, радовало Дамека.

Антон поехал прямо к главным дверям, и кто-то стоял там, ожидая.

Когда Селин увидела, кто это был, у нее внутри все сжалось: капитан Коче. Он выглядел точно таким, каким она его помнила. Коче был высоким, но с выступающим животом и длинными усами, спускавшимися ниже подбородка.

Антон подъехал прямо к нему и посмотрел вниз. — Пусть кто-нибудь присмотрит за конюшней наших лошадей и приготовит подходящие койки для моих людей. — Его тон был высокомерным, как будто ему было неприятно даже разговаривать с одним из подчиненных Дамека. — Я хочу частной аудиенции с моим братом сейчас.

Коче уставился на него в ответ с нескрываемым презрением.

До сих пор никто даже не взглянул на Селин и Амели в тяжелых плащах, но Селин натянула капюшон ближе к лицу.

Коче пролаял несколько неохотных приказов своим людям, и люди Антона начали спешиваться. Рюрик уже был на земле, и он поспешил, чтобы сначала поднять Селин, а затем Амели. К счастью, Амели не подняла шума, и она позволила ему.

Антон повернулся к ним. — Вы трое, со мной.

Капитан Коче открыл двери, и с этими словами Селин последовала за Антоном, оставив суету во дворе позади. Она надеялась, что за их охраной и лошадьми будут хорошо

присматривать, но это было не в ее власти.

Темп, заданный Коче, был быстрым. Войдя в замок, он повернул направо и направился к лестнице, которая вела вверх через одну из башен вест-энда. Почему Антон настоял на немедленной личной аудиенции с Дамеком? Их маленькая группа была мокрой и забрызганной грязью с дороги. Разве он не предпочел бы встретиться лицом к лицу со своим братом после купания и одевания? Она чувствовала себя так, словно ее затыгивало во что-то, чего она не понимала и не могла остановить.

Будучи так сосредоточена на том, чтобы не отставать, она даже не была уверена, как далеко они продвинулись, когда Коче вышел в коридор, прошла весь путь до конца и постучала в дверь.

— Милорд, ваш брат требует встречи с вами.

Сначала последовала тишина, а затем дверь открылась.

Очень маленький мужчина, ниже Амели, стоял с другой стороны, глядя мимо Коче на Антона. Мужчина был одет в прекрасные черные брюки и стеганую тунику. Красное родимое пятно покрывало почти половину его лица. Он оглянулся на комнату и кивнул.

— Хорошо. Убирайся, — сказал голос изнутри.

Опустив голову, маленький человечек поспешил мимо всех, кто ждал в проходе. Селин подумала, что он, должно быть, один из слуг Дамека. Антону не очень нравилось, когда вокруг него суетились личные слуги, но большинству принцев это нравилось.

Первым вошел Коче, за ним Антон, Селин, Амели, а затем Рюрик.

В комнате, в которую они вошли, было тепло, в очаге горел огонь. Стены были увешаны гобеленами, на которых были изображены цветные узоры, а не картинки или четкие изображения. Мягкие кресла и низкие диваны с бархатной обивкой были тщательно расставлены. Открытая дверь вела в спальню, и в этом дверном проеме стоял мужчина.

Хотя Селин жила под его властью, это был первый раз, когда она увидела его лично. Однако она видела его, когда читала показания людей, связанных с ним, и видела образы их будущего.

На вид ему было под тридцать, с узкими, ровными чертами лица. Его волосы были длинными и темными. Его кожа была бледной, и он был одет в шелковый халат без рукавов, свободно завязанный на талии. Как и у Антона, он был стройного телосложения, с крепкими, четко очерченными мышцами на руках. По большей части он был похож на Антона, за исключением глаз. Глаза Антона были затравленными. У Дамека были жестокими.

— Дорогой брат, — саркастически сказал он. — Ты выглядишь определенно грязным. Ты что, только что слез с лошади?

Он зевнул и потянулся, как ленивый кот, и Селин поняла, что, несмотря на ранний полдень, они его разбудили.

Антон не ответил на вопрос. Он повернулся и кивнул Селин, которая поняла, чего он хочет, и опустила капюшон. Как и Амели.

— Могу я представить своих провидцев? — сказал Антон. — Как и просили. — Он сделал жест рукой. — Это Амели, а это... Селин.

Прежде чем произнести ее имя, он заколебался, и когда он произнес это, его голос слегка изменился. Глаза Дамека загорелись, и он больше не казался сонным или ленивым. Он пристально посмотрел сначала на Антона, затем на Селин, а затем снова на Антона.

И без того бледное лицо Антона побелело.

Селин понятия не имела, о чем идет речь, но у нее не было времени гадать. Ибо в тот же миг капитан Коче громко вздохнул и указал на нее.

— Мой господин! Это тот шарлатан, который разрушил ваши планы насчет помолвки с леди Рианнон.

Селин напряглась. Она и Амели предупредили Антона об этом. Прошлой весной Дамек послал кого-то в Шетану, чтобы заплатить Селин авансом за частное чтение для богатой молодой женщины... при том понимании, что Селин посоветует пугливой будущей невесте выйти замуж за Дамека. Тем не менее, когда Селин закончила чтение, она увидела будущий образ Дамека, ложно обвиняющего свою новую жену в прелюбодеянии и задушившего ее. Он хотел получить ее приданое... но не её. С чистой совестью Селин не смогла выполнить заключенную сделку и попыталась отправить деньги обратно. В результате Дамек приказал сжечь их магазин, а сестер убить. Спасаясь от огня магазина, Селин и Амели столкнулись с неожиданным вмешательством Яромира, который уложил нескольких охранников Дамека, а затем тайно отвел сестер к Антону.

Однако в ответ на вспышку гнева Коче выражение лица принца Дамека стало слегка озадаченным и опасно раздраженным. Селин догадалась, что его охранники обычно не прерывали подобные дискуссии.

Коче, казалось, понял это и помчался дальше. — Разве вы не помните, милорд? Провидец из Шетаны, которому заплатили за то, чтобы он посоветовал леди Рианнон принять ваше предложение? — Он указал на Селин. — Это она! Она одна из ваших собственных крестьян.

На лице Дамека появилось некоторое понимание, но прежде чем он успел заговорить, Антон встал перед Селин, обращаясь непосредственно к своему брату. — Все это не имеет значения. Сейчас она живет в Сеоне и служит мне, а ты попросил меня о помощи.

Сзади Селин услышала, как Рюрик подошел к ней достаточно близко, чтобы она могла протянуть руку назад и дотронуться до него. Может, он и не Яромир, но его присутствие успокаивало.

Мгновение никто не произносил ни слова, и Дамек, казалось, впитывал и обдумывал происходящее. Он прошел дальше в гостиную и встал так, чтобы видеть Селин, стоящую позади Антона.

— Ты тот провидец из Шетаны, который отпугнул Рианнон? — спросил Дамек, но с таким же успехом он мог говорить сам с собой. — Да, я был расстроен из-за этого. Теперь я вспомнил. — Он сделал паузу и посмотрел на Антона. — Как она оказалась с тобой?

— Не имеет значения, — ответил Антон. — Я полагаю, отец рассказал тебе о ней и ее сестре, которые теперь работают на меня? Что бы он ни говорил тебе об их способностях, это правда. Если тебе нужна их помощь, мы останемся. Если ты этого не сделаешь, скажи об этом сейчас, и мы вернемся в путь.

Со вздохом Дамек поднял одну руку в воздух. — Успокойся, младший брат. Я не ссорюсь с вашим провидцем. На самом деле, она могла бы оказать мне услугу, так как теперь у меня на крючке гораздо больший приз.

Тело Антона слегка расслабилось. — Хорошо. Тогда, если сестры собираются искать того, кто убил Шарлотту, им нужно будет пообщаться с семьей твоей невесты. Я собираюсь представить их как мисс Селин и мисс Амели, дочерей богатого торговца шерстью, который часто обедает при дворе Сеона. Леди Хелена должна принять их в обществе, прежде чем что-либо может быть раскрыто. Ты понимаешь?

Внезапно Селин начала понимать причину этой быстрой встречи по их прибытии.

— Да, конечно, я понимаю, — ответил Дамек, снова звуча раздраженно.

— Тогда тебе нужно будет приказать капитану Коче молчать, — продолжил Антон, — а также всем охранникам, которые когда-либо посещали Шетану, чтобы собирать налоги... или развлекаться, охотясь на тамошних людей. Все ваши охранники должны обращаться с мисс Селин и мисс Амели как с почетными гостями.

— Милорд! — Коче начал возражать.

Дамек повернулся к нему, и он замолчал.

— Капитан, — сказал Дамек, — вы сделаете так, как просит мой брат. Будьте откровенны со своими людьми. Любой, кто хотя бы намекнет на личность этих женщин, будет... получит выговор.

Селин могла только догадываться, что это значит.

Лицо Коче потемнело. — Да, милорд.

Итак, Антон эффективно решил проблему капитана Коче — по крайней мере, до определенного момента — и всем охранникам будет приказано проявлять должное уважение к Селин и Амели. Она не могла не быть несколько впечатлена тем, как быстро Антон решил несколько их первоначальных проблем.

Но теперь началось самое трудное.

Дамек изучал ее, взглянул на Амели, а затем снова на нее. — И как вы планировали поймать этого убийцу?

Селин инстинктивно понимала, что показывать ему хоть каплю неуверенности было бы ошибкой.

— У вас все еще есть тело Шарлотты, милорд? — спросила она.

Он улыбнулся. От этого взгляда Селин чувствовала озноб даже в теплой комнате. — Да, — ответил он. — Это в подвалах. Я подумал, что ее семья захочет привезти её домой для похорон.

— Можем мы осмотреть её? — спросила она.

Если он и счел просьбу жуткой, то не показал этого, а вместо этого посмотрел на Антона, который кивнул.

— Конечно, — сказал Дамек. — Позвольте мне одеться.

* * *

В какой — то момент по пути вниз в подвалы — Селин точно не заметила, когда именно, — к ним присоединился маленький человечек с родимым пятном, неся фонарь. Когда все они вышли в темную комнату под главным этажом замка, вечеринка показалась довольно большой, но Селин предположила, что с этим ничего не поделаешь. Она и Амели были необходимы. Оба принца хотели присутствовать при допросе, и у обоих принцев также были свои личные телохранители, поэтому Рюрик и Коче замыкали шествие.

И Селин была благодарна маленькому служителю, несущему фонарь.

Однако все подобные мысли вылетели у нее из головы, когда она увидела тело, разложенное на длинном деревянном столе. Запасы винных бочонков, колес сыра и бочонков с овсом заполняли заднюю половину комнаты. Селин встревожило то, что тело Шарлотты выглядело так, словно его «хранили» здесь вместе с едой.

Амели подошла к столу первой, и Селин подошла, чтобы присоединиться к ней. С момента прибытия Амели не сказала ни слова, но в этом не было ничего необычного. Обычно она позволяла Селин взять на себя инициативу в начале расследования.

— Что именно вы хотите увидеть? — спросил принц Дамек с искренним любопытством в голосе.

— Признаки яда, милорд, — ответила Селин. — Некоторые из них легко получить, а другие сложнее. Если мы узнаем, что было использовано, это может помочь в наших поисках. — Она посмотрела на маленького человечка с фонарем. — Не могли бы вы... не могли бы вы поднести свет поближе?

Мгновенно он оказался рядом с ней, держа фонарь над лицом Шарлотты. — Я Лайонел, — вежливо представился он. Его голос был почти музыкальным, когда он заговорил. — Пожалуйста, сообщите мне обо всем, что вам потребуется.

— Спасибо, — ответила она. — Я мисс Селин. Просто продолжайте пока держать свет там.

Сначала Селин провела визуальное представление. Телу было несколько дней от роду, и оно уже окоченело. Шарлотта при жизни была ширококостной женщиной, и определить ее возраст было трудно. В ее темных жестких волосах виднелись седые пряди, но лицо казалось моложе. Ее рот был опущен, а руки были большими и жилистыми. Ее платье было черным с белой отделкой, и оно закрывало всю ее фигуру с высоким вырезом и длинными рукавами. Даже после смерти что-то в ней создавало у Селин впечатление, что она была несчастной женщиной.

Антон подошел к столу. — Что-нибудь? — тихо спросил он.

Селин обошла его и задрала один из рукавов Шарлотты, изучая ее кожу. Затем она подошла к концу стола и проверила ножки. — Красной сыпи нет, значит, это была не белладонна. — Повернувшись обратно к Антону, она прошептала: — Не могли бы вы попросить своего брата точно описать, когда Шарлотта... когда она умерла?

— Вы можете спросить меня о таких вещах сами, — прервал Дамек. — Я не кусаюсь.

Селин не была уверена, что поверила в это, но посмотрела на него.

Он пожал плечами. — Она отпила из своего кубка, а потом не смогла дышать. Она умерла.

— Она задыхалась? — Спросила Селин, а затем не забыла добавить: — Милорд.

— Никто из нас ничего не ел, так что это должно было быть вино, — ответил Дамек. — Она издавала задыхающиеся звуки, но это было больше похоже на то, что кто-то пытался вдохнуть воздух и потерпел неудачу.

Селин наклонилась над головой Шарлотты.

— А ты что думаешь? — Амели прошептала ей.

— Я не знаю.

Наклонившись, Селин засунула пальцы Шарлотте в рот и раздвинула ее зубы.

— Что вы делаете? — спросил Антон с выражением, похожим на отвращение.

Не отвечая, Селин наклонилась ближе, чтобы осмотреть язык и горло Шарлотты. Она посмотрела на Дамека. — Милорд... ее язык не распух, и горло не покраснело. Ее трахея чиста. Я не... я не уверена, что она была отравлена. Упомянула ли семья о какой-либо истории болезни? Может быть, слабое сердце?

Смесь удовольствия и надежды отразилась на лице Дамека. — Они мне ничего не говорили, но вы хотите сказать, что она могла просто умереть сама по себе? Это была бы приятная новость, если бы она была правдой. Это, безусловно, облегчило бы мою помолвку с Рошель.

Хотя Селин слегка отворачивало его бессердечное отношение к смерти Шарлотты, она

понимала, о чем он говорил.

— Когда у Селин будет возможность поговорить с семьей? — спросил Антон. В его голосе тоже звучала надежда. Если бы это оказалось трагической, но естественной смертью, это позволило бы ему забрать своих людей отсюда и отправиться домой.

— Вы встретитесь с ними сегодня вечером за ужином в большом зале, — ответил Дамек. — Я знаю, что все должны быть в трауре, но мы все должны есть. Он наклонил голову. — Если Селин так уверена, что это не было убийством, есть ли необходимость продолжать?

— Я не уверена, — быстро встала Селин. — Я просто рассказываю вам, что я здесь вижу. Чтобы быть уверенными, мы должны двигаться вперед.

— Я согласен, — неохотно сказал Антон. — Я надеюсь, что ты прав, но мы не можем уйти, пока не будем уверены. Иначе отец не был бы доволен.

Дамек вытянул руки. — Как пожелаете. Увидимся за ужином. — Он снова зевнул. — Лайонел присмотрит за тобой отсюда. — Не говоря больше ни слова, он повернулся и вышел из подвальной комнаты. Капитан Коче последовал за ним.

Антон взглянул на Селин, а затем на Шарлотту. — Вы действительно думаете, что она могла умереть от болезни или слабого сердца?

— Я не знаю, но я не вижу никаких доказательств того, что она была отравлена.

Лайонел склонил голову и спросил: — Могу я проводить вас в ваши комнаты? Я могу распорядиться, чтобы вам принесли горячую воду для умывания и чай.

Внезапно кружка горячего чая показалась мне очень вкусной.

Антон кивнул маленькому мужчине. — Да.

— Я приготовил для всех вас комнаты на втором этаже восточной башни, — продолжил Лайонел. — Горничная мисс Селин и мисс Амели уже начала распаковывать вещи в их комнатах.

— Комнаты? — Вмешался Рюрик. — Вы разместили женщин в отдельных комнатах?

Выражение лица Лайонел стало оскорбленным. — Конечно.

Рюрик покачал головой. — Нет. — Он посмотрел на Антона. — Милорд, Селин и Амели должны оставаться в одной комнате, с Хельгой на палитре на полу. У вас должна быть комната поблизости, где я буду спать на палитре. Я отвечаю за вашу безопасность, и лейтенант Яромир оторвет мне голову, если я соглашусь на меньшее.

Обида на лице Лайонела усилилась — поскольку это было явное оскорбление, — но Селин понимала настойчивость Рюрика. Селин не хотела спать одна в этом замке. И она не хотела, чтобы Амели была одна... или Хельга. Более того, она испытала облегчение от мысли, что Антон и Рюрик спят в соседней комнате.

Антон, должно быть, тоже понял, потому что повернулся к Лайонел. — Проследи за этим.

Губы Лайонела сжались. — Да, мой господин.

* * *

Вскоре после этого Антон наконец оказался в отведенной ему комнате, где можно было немного уединиться. Он послал капрала Рюрика проверить их людей и лошадей.

Антон прислонился к стене, чувствуя тошноту.

Слуга принес горячую воду в кувшине и чашку дымящегося чая. Он проигнорировал и то, и другое.

Он едва обратил внимание на скудную обстановку комнаты: кровать, шкаф, маленький

столлик с тазом и кувшином. Ему было все равно. Он бы отдал почти все, чтобы вернуться во времени в тот момент, когда он представил Амели и Селин Дамеку.

Закрыв глаза, он снова мысленно пережил тот ужасный момент, проклиная себя.

Он выдал себя, выдал свои чувства к Селин.

Дамек знал. Он услышал легкое изменение в голосе Антона. И Дамек теперь сосредоточится на ней как на мишени. С детства Дамеку всегда удавалось узнать, что любил Антон, о чем он заботился... для того, чтобы его можно было заставить страдать.

Дамек не мог любить ничего и никого, поэтому ему нужно было мучить то, что любил Антон.

Прежде чем прийти сюда, Антон пообещал себе, что ничего не выдаст, что Дамек ничего не прочтет на его лице и ничего не услышит в его голосе. Каким бы дураком он ни был, Антон верил, что сможет продолжать в том же духе в течение всего визита.

Он не продержался и первого часа.

Он понял, что слишком долго провел вдали от своей семьи. Почти шесть лет он был принцем замка Сеон и начал воспринимать мир как нормальное место, населенное нормальными людьми. Он даже начал уважать себя, больше не будучи напуганной любимой жертвой сумасшедшего старшего брата.

Он представлял себя прибывшим в Кимовеск тем человеком, которым стал: авторитетной фигурой, гордящейся своей провинцией и собственным правлением. Сейчас... он колебался. Он возвращался в то, чем его когда-то сделал Дамек.

Прикусив внутреннюю часть рта, он мысленно представил Селин. Она видела его таким, каким он всегда хотел, чтобы его видели. Он должен был держаться за это. Он не мог вернуться.

Подойдя к кровати, он опустился на нее. У него еще было время до того, как ему придется одеваться к обеду, и он планировал провести каждую минуту внутри себя, укрепляя себя, готовясь к тому, что должно было произойти. До конца этого визита он не выдаст ни единой эмоции, которую Дамек мог бы использовать против него.

Ни одного.

* * *

— Вы снимаете это забрызганное грязью платье, подходите к гардеробу и выбираете платье для этого вечера, — сказала Хельга с оттенком угрозы в голосе. — Или я выберу сама для вас.

Амели стояла возле кровати, опустив руки по бокам, пристально глядя на Хельгу. Выбрав эту комнату из трех, которые были приготовлены для них, у всех трех женщин было время выпить чаю и отдохнуть ближе к вечеру. Хотя Селин сняла дорожное платье и дремала в белой сорочке, Амели настояла на том, чтобы оставаться полностью одетой.

К ее предплечьям были прикреплены два клинка в ножнах, и она пообещала Яромиру, что сохранит их в секрете. Обычно у нее никогда не было секретов от Селин, но... Селин была из тех, кто больше всего беспокоился о сохранении уловки, и она могла попытаться уговорить Амели оставить клинки за ужином, на случай, если кто-то увидит их у нее в рукавах и начнет задаваться вопросом, почему богатая дочь торговца шерстью решила носить оружие за обеденным столом.

— Хельга права, — сказала Селин. — Ты должна выбрать платье. Я предлагаю этот темно-бордовый шелк. Это будет дополнять твои темные волосы.

— Мне было все равно, что дополняет мои волосы, — парировала Амели.

Дверцы шкафа были открыты, обнажая смехотворное количество бархатных, шелковых и атласных платьев. Как Хельге удалось собрать так много вещей? И почему?

Селин подошла и достала шелковое бордовое платье с пышной юбкой. — Пожалуйста, надень это?

По крайней мере, оно было с длинными рукавами.

Хельга подошла, взяла платье у Селин и повернулась, махнув рукой Амели. — Вы слышали ее! А теперь снимите эту грязную штуку.

К счастью, Селин снова обратила свое внимание на гардероб, вероятно, выбирая платье для себя, и Амели воспользовалась моментом, чтобы расшнуровать перед своего небесно — голубого дорожного платья — которое действительно было забрызгано грязью — и быстро сняла его.

Она держала его на предплечьях и сказала: — Хельга, просто положи платье на кровать. Я надену его сама.

Хельга застала ее врасплох, схватив дорожное платье, сдернула его и уронила. — Не начинайте это. Мне нужно будет подержать это платье, пока вы войдете, иначе оно помнется, и тогда мне нужно будет... — Она замолчала, увидев вложенные в ножны клинки.

Селин все еще стояла к ним спиной, и Амели только один раз покачала головой, глядя на Хельгу.

В глазах Хельги промелькнуло что-то нечитаемое, а затем она мгновенно продолжила, как ни в чем не бывало. Подняв шелковое платье, она опустила его почти до пола. — Теперь вы наденете это и поднимите руки, чтобы я могла поднять его.

Двигаясь так быстро, как только могла, Амели почти запрыгнула в платье и засунула руки в длинные рукава. Одним быстрым движением Хельга подняла одежду и накинула ее на плечи Амели, все еще выкрикивая приказы.

— А теперь повернитесь, и я вас зашнурую.

Идея надеть что-нибудь, что требовало бы, чтобы второй человек «зашнуровал ее», показалась Амели совершенно абсурдной. Ей не нравилось шерстяное дорожное платье, но, по крайней мере, оно было зашнуровано спереди. В конце концов, однако, ее заботило только то, что ее оружие теперь было прикрыто и что Хельга не выдала ее.

Пока капризная пожилая женщина тянула и теребила заднюю часть платья, Амели огляделась вокруг. Их комната здесь была не такой милой, как в замке Сеон. Обстановка была подходящей: большая кровать с несколькими одеялами, шкаф и туалетный столик со стулом и зеркалом. Но там не было ни камина, ни окна.

К счастью, было не холодно. Возможно, тепло от нижних очагов поднималось вверх, и отсутствие окна помогало удерживать его внутри.

Хельга протянула Амели пару шелковых туфель на плоской подошве. Обычно мысль о том, чтобы оставить свои ботинки здесь, привела бы ее в панику, поскольку это означало оставить свой кинжал. Но сегодня вечером она была хорошо вооружена, поэтому надела туфли без комментариев.

— Хельга, какое платье ты бы выбрала для меня? — спросила Селин. — Я хочу, чтобы леди Хелена считала нас весьма привилегированными.

Ее комментарий вызвал у Амели укол вины. Селин тоже не нравилось играть в «одевалки». Для нее эти платья были костюмами, необходимыми для исполнения роли. Амели поняла, что ей самой не мешало бы помнить об этом.

— Янтарный бархат, — ответила Хельга. — Это должно поднять чей-нибудь нос в

воздух.

— Хорошо. — Селин достала прекрасное платье с V-образным вырезом и, повернувшись к зеркалу, прижала его к себе. — Мои волосы вверх или вниз?

— Зависит от того, что тебе нужно. Ты выглядишь более привлекательно, когда они опущено, но с ним ты выглядишь более подходящей молодой леди. — Тогда вверх, — сказала Селин.

Она сама влезла в платье. Может быть, бархат не морщился? Хельга подошла, чтобы зашнуровать ее. Амели должна была признать, что Селин выглядела вполне преуспевающей. Бархат насыщенного янтарного цвета, казалось, почти волшебным образом притягивал взгляд Амели.

Сидя за туалетным столиком, Селин не двигалась, пока Хельга скручивала большую часть её волос, укладывала их на макушке и заколола. Несколько прядей были оставлены, чтобы виться вниз по ее скулам.

— Идеально, — сказала Селин, как будто оценивая правильно испеченный пирог. — И нам тоже придется уложить Амели. Теперь он достаточно длинный, чтобы его можно было приколоть.

— О, ради Бога! — воскликнула Амели, забыв о своем решении минуту назад. — Никто не заколет мои волосы.

— Да, это так, дорогая, — сладко ответила Селин.

Амелия глубоко вздохнула и собиралась протестовать с большей яростью, когда раздался почти неслышный стук в дверь.

Все три женщины замерли, и мягкий женский голос позвал: — Могу я войти? Я одна.

Приподняв одну бровь, Селин ответила: — Входи.

Дверь нерешительно открылась, и внутрь заглянуло чье-то лицо. Амели была поражена, когда увидела это лицо.

Красивая молодая женщина вошла в комнату, сложив руки вместе. Ее волосы были черными и прямыми, как шелк. Верхняя часть её была удержана тонкой серебряной лентой. Ее платье было простого покроя, но хорошего качества, из матовой шерсти светло-персикового оттенка. Ее темные глаза были раскосыми, что придавало ей намек на экзотику. У нее был маленький носик, а рот в форме сердечка.

— Простите меня, — сказала она, глядя в пол. — Я не хотела прерывать. Мастер Лайонел послал меня посмотреть, не понадобится ли вам что-нибудь, чтобы помочь вам подготовиться к ужину.

— Мастер Лайонел? — спросила Амели. Она предположила, что этот странный маленький человечек был личным слугой Дамека.

— Да, миледи. Он управляет домашним хозяйством и хочет убедиться, что у вас есть все, что вам нужно. Он послал меня.

Молодая женщина говорила тихо, испуганным, почти побежденным тоном.

Селин подошла к ней. — Пожалуйста, заверьте его, что у нас есть все необходимое. И я благодарю вас...?

— Джоанна, миледи.

— Вам не нужно так нас называть, — сказала Селин. — Я мисс Селин, а это мисс Амели, а это наша верная горничная Хельга. — Последнюю часть она произнесла с юмором в голосе, и Хельга хмыкнула.

— Очень хорошо, мисс, — прошептала Джоанна. — Когда прозвучит гонг, вы должны

спуститься к обеду. Мастер Лайонел очень разборчив в гонге. Убедитесь, что вы спускаетесь прямо сейчас.

С этими словами молодая женщина выбежала из комнаты, закрыв за собой дверь.

Селин обернулась с озадаченным выражением лица. — О чем вы думаете... была ли она служанкой? И что вы думаете обо всем этом почтении к «мастеру Лайонелу»? Возможно, он занимает более высокое положение, чем мы думали.

Хельга снова хмыкнула. — Я бы пока не стала пытаться что-то осмыслить.

Амели пожала плечами Селин. Хельга, вероятно, была права, и у них будет лучшее представление об иерархии здесь после сегодняшнего ужина.

— Хорошо, тогда, — сказала Хельга, подталкивая Амели вперед. — Вы садитесь за тот стол и позвольте мне заколоть ваши волосы.

Селин бросила на Амели строгий предупреждающий взгляд, и с громким выдохом Амели сдалась. Она плюхнулась за туалетный столик и сидела там, кипя от злости, пока Хельга расчесывала ее волосы до плеч, а затем снова ловко заколола их, оставив несколько выбившихся прядей на висках. Когда все это было сделано, Амели удивленно посмотрела в зеркало, едва узнавая себя. Бордовое платье действительно шло к ее бледной коже... и Хельга уложила её волосы так эффектно, что никто даже не смог бы сказать, что они доходили ей только до плеч.

— Прелестно, — одобрительно сказала Селин. — Мы должны уметь хорошо играть свои роли.

Откуда-то снизу прозвучал гонг.

Прежде чем отправиться в свою комнату, Антон объяснил, что, поскольку охранникам Кимовеска теперь будет приказано обращаться с Амели и Селин как с почетными гостями, они могут безопасно ходить по общим зонам замка самостоятельно — например, между их комнатой и большим залом. Он подчеркнул, что предпочитает, чтобы они гуляли вместе.

Кроме того, он сказал им, что большинство охранников Сеона в их отряде были назначены для охраны вдоль дорог, но для любого приезжего гостя, даже принца, считалось дурным тоном иметь слишком много охранников внутри замка. Так что, по-видимому, в зале будет всего несколько человек, а остальные останутся в казармах. Антон, конечно, был волен поступать так, как ему заблагорассудится, но большую часть времени здесь Рюрик будет с ним в роли телохранителя, как и ожидали все остальные.

Прежде чем прийти сюда, Антон пообещал, что защитит сестер, и Амели не могла не отметить, что, хотя идея Яромира о защите заключалась в постоянной бдительности и мече, идея Антона состояла в том, чтобы предвидеть любую возможную угрозу и пресечь ее до того, как это произойдет.

Итак... теперь пришло время спуститься на ужин.

Амели могла видеть Селин в зеркале, и Селин встретила с ней взглядом.

— Ты готова к этому? — спросила Амели.

Сделав несколько вдохов, Селин кивнула.

Глава 5

Поиск большого зала не потребовал особых усилий. У подножия лестницы восточной башни сестры вошли в проход, который проходил по задней стороне средней части замка и выходил прямо в сам зал.

Тем не менее, когда Селин вошла в зал через арку, она испугалась, что они с Амелией могут опоздать, и была удивлена, увидев в зале только Антона, Дамека, нескольких слуг и

пятнадцать охранников. Количество охранников ее не удивило, но один цвет в сочетании плащей удивил. В дополнение к пяти черным плащам кимовеских мужчин и пяти коричневым плащам сеонских мужчин, было пять охранников, одетых в ярко-красные плащи дома Вяраньи... и Вяраньи всегда назначались для защиты того, у кого из домов был лидер, служивший великим князем в то время. Должно быть, они здесь временно служат семье Квиллетт, и само их присутствие красноречиво говорило о важности будущей невесты Дамека.

Капрал Рюрик и капитан Коче стояли на почтительном, но близком расстоянии от своих господ. Среди присутствовавших охранников Сеона Селин узнала гвардейца Вултера, гвардейца Риму и сержанта Базена, которые все стояли по стойке смирно в разных местах зала.

Однако никто из других приглашенных на ужин еще не прибыл.

Селин огляделась по сторонам.

Обширное помещение было прямоугольным, с длинным столом и стульями с высокими спинками, расположенными в дальнем конце. В очаге пылал огонь.

Собак не было.

Прямо напротив зала была еще одна арка, на западной стороне, которая вела к первой из двойных башен на этом конце замка.

И Антон, и Дамек повернулись, когда сестры вошли, и, поскольку они стояли бок о бок, Селин не могла не отметить, насколько они похожи внешне, даже в выборе одежды сегодня вечером. В то время как Антон был одет в темно-синюю тунику без рукавов поверх белой рубашки, Дамек был одет в красную тунику без рукавов поверх белой рубашки. Оба мужчины были одеты в черные брюки и ботинки. Антон носил свой длинный меч, в то время как Дамек носил кинжал в ножнах на левом бедре. Волосы Дамека были длиннее и немного темнее, но их лица были почти идентичны. Эффект был несколько жутким, учитывая, насколько они отличались по темпераменту.

Когда сестры приблизились, Дамек взглянул на Эмили, которая была прекрасна сегодня вечером, а затем улыбнулся Селин.

— А, мисс Селин, — сказал он. — что за прекрасное видение.

Его внимание нервировало ее. Почему он сосредоточился на ней? Акцент, который он сделал на слове «мисс», сочился сарказмом, словно напоминая ей, что он точно знал, кто она такая: крестьянка в одной из его собственных деревень.

Она бросила быстрый взгляд на Антона, опасаясь, что он может обидеться. Но выражение его лица не изменилось, как будто он не слышал этого пренебрежения.

— Мы не рано? — спросила его Селин. — Я думала, мы слышали гонг.

— Нет, вы пришли точно вовремя, — ответил Дамек. — вся семья Рошель с удовольствием войдет..., и кто я такой, чтобы возражать?

Пристальный взгляд Антона скользнул по ее платью и волосам, а затем он заметил преобразование Амели.

— Вы обе прекрасно выглядите. — вежливо сказал он, но в его голосе не было никаких эмоций.

Селин не знала, что ответить.

Несколько больших бочонков с вином были сложены у стены напротив очага, и эффектная черноволосая женщина, Джоанна, доставала кувшин.

— Мера предосторожности. — объяснил Дамек. — После смерти Карлотты я приказал

принести сюда и охранять несколько бочонков, которые были заперты в глубоких подвалах. Никому, кроме Джоанны, не разрешалось прикасаться к ним.

— Вы доверяете Джоанне больше, чем кому-либо другому, милорд? — Спросила Эмили, впервые обращаясь непосредственно к Дамеку.

Он рассеянно взглянул на нее. — Джоанне можно доверять.

Пока Селин обдумывала это, движение в арке привлекло ее внимание. В зал вошли двое хорошо одетых людей средних лет: мужчина и женщина.

Дамек отвесил им обоим поклон, а затем сказал с некоторой церемонией:

— Леди Хелена и лорд Хэмиш.

Селин запомнила как можно больше деталей на следующем вдохе. Волосы леди Хелены, должно быть, когда-то были рыжевато-светлыми, но теперь выцвели, оставив лишь намеки на свой былой цвет. Они были искусно уложены у нее на макушке таким образом, что служанке, чтобы их уложить, должно было потребоваться не меньше часа. Она была статной, ее талия только начинала утолщаться, а пышная грудь начинала обвисать — даже несмотря на то, что она была туго зашнурована в атласное платье сапфирово-синего цвета. Выражение ее лица привлекло внимание Селин больше всего: надменность, смешанная с оттенком отчаяния.

Лорд Хэмиш был значительно выше шести футов ростом и широк в плечах. Его волосы поредели, и от этого его чересчур широкие черты лица казались еще шире. У него был такой вид, словно когда-то он был вполне подтянут, но теперь начинал толстеть. Единственное, что Селин могла прочесть в выражении его лица, было привилегированное высокомерие.

Однако в тот момент, когда он заметил Селин и Эмили, его глаза скользнули по ним обоим с блеском похотливого интереса, и Селин изо всех сил старалась не содрогнуться.

Эта ночь обещала быть долгой.

Леди Хелена остановилась при виде Антона.

— Моя госпожа, — продолжил Дамек. — Могу я представить моего брата, принца Антона, мисс Селин и мисс Эмили из замка Сеон?

Хелена проигнорировала сестер, ее глаза остановились на Антоне. Селин понятия не имела, чем это закончится, так как, по всем расчетам, леди Хелена должна была находиться в состоянии траура.

— Милорд, — сказала Хелена, делая реверанс Антону. — Это большая честь для меня. Я помню, как однажды встретила Вас, когда Вы был совсем юны.

Антон шагнул вперед, взял ее за руку и поцеловал тыльную сторону.

— Простите мое вторжение в такое время, и я приношу свои соболезнования, — сказал он. — Мой отец послал меня помочь вам. — Он указал на Селин и Эмили рукой. — И он попросил меня привести двух моих провидцев.

Лорд Хэмиш нахмурился. — Провидцы?

— Да, они оказались бесценными для моей семьи. — ответил Антон. — Мой отец сам недавно обратился к ним за помощью, чтобы решить трудный вопрос.

— Действительно, — вставил Дамек с некоторой бравадой. — И наш отец сделал бы все, чтобы предложить вам все ресурсы дома Пален.

Когда лорд Хэмиш собирался заговорить снова, из арки донеслись голоса, и Селин посмотрела на трех гораздо более молодых людей, которые бок о бок вошли в зал. Судя по более ранним описаниям семьи Антоном, Селин было нетрудно понять, кто есть кто.

Рошель была слева. Первое слово, пришедшее на ум, было «изысканный». На вид ей

было около восемнадцати лет. Она была высокой для женщины, вероятно, доставала Дамеку до носа, с изящной, гибкой фигурой. Ее волосы были красно-золотистыми и ниспадали до поясицы. Ее глаза были такими светло-кариими, что, казалось, светились. Цвет ее лица был кремовым и безупречным, и на ней было светло-зеленое платье из мятого бархата, похожее по покрою на платье Селин, с V-образным вырезом, открывавшим ее тонкую шею и ключицы. Ее походка была такой грациозной, словно она скользила по льду.

Справа от троицы стояла девушка гораздо ниже ростом, лет пятнадцати. Это, должно быть, Лизбет. Хотя у нее был такой же цвет кожи, как у ее старшей сестры, на этом сходство заканчивалось. На ее щеках было несколько пятен, которыми обычно страдают люди ее возраста. Она была здорового, слегка коренастого телосложения. Ее волосы были небрежно заплетены в свободную косу, и она шла, раскачивая обеими руками по бокам. Юбка ее атласного платья уже помялась. Она излучала юношескую энергию и поразила Селин как одного из тех людей, которые выражали все эмоции на своем лице.

Наконец, в центре был молодой человек... брат-близнец Рошель, Хит, уже барон, одетый в кремовую тунику без рукавов поверх черной шерстяной рубашки. Он был всего на дюйм или два выше Рошель, с ее таким же гибким телосложением, цветом кожи и тонкими чертами лица.

На нее это произвело неземное впечатление. На нем... Это было что-то другое. Это придавало ему ауру, граничащую с женственностью. В то время как Антон и Дамек оба были стройного телосложения, кости их запястий, рук и плеч выглядели крепкими, как будто ни один из них не прилагал особых усилий, чтобы размахивать мечом, метать копьё или управлять непослушным боевым конем.

Молодого барона можно было бы назвать хрупким и почти симпатичным.

Прямо за этими тремя молодыми людьми шел высокий вооруженный мужчина, скорее всего, их телохранитель. Однако на нем был бледно-желтый плащ дома Антов.

Все они остановились всего в нескольких шагах от входа в зал.

— Кто они такие? — Прямо спросила Лизбет, глядя на Антона, Селин и Эмили.

— Моя дорогая, — сказала леди Хелена, повысив голос с упреком. — пожалуйста, держи себя в руках. — Она несколько царственно указала на Антона. — Это брат принца Дамека.

Дамек подошел к Рошель и взял ее за руку. — Антон, я представляю свою будущую невесту, Рошель Квиллетт.

Рошель опустила голову и мило покраснела, но гордость в голосе Дамека была явной. Возможно, он действительно ценил ее?

Или... он просто швырнул свою удачу Антону в лицо?

Были сделаны дальнейшие представления, а также информация, которую Антон собрал для сестер — как для дочерей богатого торговца шерстью, — и Селин оказалась втянутой в поток вежливых кивков и ответов.

Молодой барон едва мог смотреть в глаза вновь прибывшим, и в результате Селин почувствовала нежеланный прилив жалости. Он казался еще более застенчивым, чем его сестра-близнец.

Лизбет, однако, не испытывала никакой застенчивости, и, пока Селин продолжала оценивать Рошель, она услышала, как Антон снова употребил слово «провидцы».

— Провидцы? — спросила Лизбет. — Почему твой отец хотел, чтобы ты привел их?

Выражение лица Антона дрогнуло, как будто он не был уверен, как затронуть эту тему с

пятнадцатилетней девочкой, и поэтому вмешалась Селин.

— Поскольку были опасения, что ваша сестра могла быть отравлена, отец принцев надеялся, что мы с моей сестрой сможем раскрыть, кто был виновен.

— Она была отравлена, — ответила Лизбет. — Это не вызывает сомнений.

Селин обнаружила, что эта прямолинейная девушка несколько сбила ее с толку.

Прежде чем она смогла ответить, вмешалась Эмили. — Зачем кому-то понадобилось отравлять Карлотту?

— Ну, чтобы положить конец этому браку, конечно, — насмешливо ответила Лизбет, как будто вопрос был глупым. — она вела переговоры о браке в течение нескольких недель.

Лицо леди Хелены напряглось от нескрываемого гнева. — Это не имеет никакого отношения к тому, почему какой-то сумасшедший отравил ее вино, и вы будете держать свои невежественные предположения при себе. — Она снова повернулась к Селин.

— Простите мою младшую дочь. Боюсь, у нее нет ни подходящего возраста, ни здравого смысла, чтобы появляться в приличном обществе. Тот, кто совершил этот ужасный поступок, скорее всего, затаил злобу на тех, кто лучше его или ее, и хотел причинить вред моей семье.

Лицо Лизбет покраснело, но она промолчала, и мысли Селин понеслись вскачь. Карлотта была той, кто вел переговоры о помолвке? Это была важная новость.

Последовал неловкий момент, пока Дамек не сказал: — Мисс Селин сегодня предоставила мне еще одну возможность.

Глаза Селин метнулись к нему, и он бросил на нее жесткий, почти угрожающий взгляд. Он хотел, чтобы она повторила то, что сказала ему в подвале.

Не имея особого выбора, она повернулась к Хелене. — Миледи, я не уверена, что ваша старшая дочь была убита намеренно. В дополнение к тому, что я служу провидцем принца Антона, я также являюсь его придворным целителем и аптекарем. — Она заколебалась на следующей части, гадая, как это будет воспринято. — Принц Дамек позволил мне осмотреть тело Карлотты... и хотя это было трудной задачей для меня, я не увидела признаков смерти от яда. Почти каждая форма оставляет какой-то характерный след, а у вашей дочери его не было. Возможно, она умерла от естественной причины... Возможно, от слабого сердца.

Оба, леди Хелена, и лорд Хэмиш внезапно уставились на Селин, как будто она была их спасительницей. Хелена даже схватила ее за руку. — О, моя дорогая, неужели это правда? Если это так, то вы являетесь носителем хороших новостей. — Затем, возможно, вспомнив, как это могло прозвучать, она быстро добавила: — Конечно, мы испытываем боль из-за потери Карлотты, но мысль о том, что ее убили, была слишком ужасна, чтобы вынести ее. Если бы ее печальная смерть действительно была естественной и неизбежной, это дало бы меня немного успокоило.

Хелена взглянула на Дамека с блеском в глазах, и Хэмиш выглядел так, как будто ему только что оказали великую милость.

С содроганием Селин поняла, что они хотели, чтобы брак состоялся так же сильно, как Дамек и принц Ливен. Безобразное убийство за обеденным столом вряд ли способствовало переговорам, но если бы Карлотта просто умерла... все могло бы продвигаться с гораздо большей легкостью.

— Возможно, мы с вами могли бы поговорить позже наедине? — Селин спросила Хелену. — Мне было бы полезно узнать историю здоровья Карлотты. Возможно, я смогу пролить больше света на эту историю.

— Конечно, моя дорогая, — с готовностью ответила Хелена, — как только ты захочешь.

Джоанна бесшумно приблизилась, неся поднос, уставленный кубками и большим кувшином.

Люди начали брать кубки с подноса, а Джоанна двигалась между ними, наливая темно-красное вино. Все разговоры о смерти Карлотты прекратились, так как ее матери было бы неприлично обсуждать историю ее здоровья в такой обстановке.

— Давайте выпьем вина и побеседуем, прежде чем подадут ужин, — сказал Дамек, разыгрывая любезного хозяина. — Нам все еще не хватает леди Саорис. Я пытался поговорить с ней о том, чтобы послушать гонг, но боюсь, что это проигранная битва.

При упоминании этого имени глаза Эмили расширились, и она застыла на месте. К счастью, никто, кроме Селин, этого не заметил.

Что было не так?

Дальнейшее движение в арке заставило Селин полуобернуться, и, как будто ее окликнул комментарий Дамека, в зал вошла женщина. Она была средних лет, хрупкого телосложения, с длинными серебристо-светлыми волосами. На ее лице были признаки увядающей красоты. На всех пальцах у нее были кольца, а вместо платья на ней была длинная мантия из пурпурного шелка, как у ученой или жрицы.

— А, вот и Вы, " сказал Дамек. Он повернулся к Антону: — Я не верю, что вы встречались с моим советником, леди Саорис.

Эмили быстро дышала, и Селин придвинулась к ней. — Что бы ни было не так, не показывай этого сейчас, — прошептала она. — Расскажешь мне позже.

Когда Эмили восстановила самообладание, леди Саорис вошла в группу. Селин улыбнулась и снова кивнула, но ее ошеломило то, что ей приходилось оценивать так много людей одновременно.

Несколько гостей сделали глоток вина, и Рошель нарушила свое застенчивое молчание, спросив Антона: — Ваше путешествие было приятным, милорд? Надеюсь, дождя не было.

— Боюсь, что так оно и было, — ответил он, — но расстояние не слишком велико, и мы провели удобную ночь в Рекаузи.

Селин снова вежливо кивнула в знак согласия, молча пытаясь разобраться во всех. Хотя она еще не видела никаких доказательств того, что Карлотта была убита, что-то в абсолютной уверенности Лизбет настораживало.

Леди Хелена и лорд Хэмиш, оба, казалось, очень хотели, чтобы было доказано, что это была естественная смерть. Но как это можно было доказать? И если бы здесь был убийца, и Антон забрал своих людей и ушел, а потом убийца нанес еще один удар, Антон выглядел бы небрежным по отношению к принцу Ливену. Нет, они не могли покинуть замок Кимовеск... И все же, поскольку Дамек заставил ее поделиться своими первоначальными мыслями по этому поводу, теперь она не знала, как продолжить расследование убийства.

Ее разум перебирал другие возможности.

Что, если Карлотту все-таки убили? Селин попыталась вспомнить какой-нибудь яд, о котором она когда-либо слышала, который мог бы не оставлять следов. До нее доходили слухи о нескольких из дальних стран, но как их можно было получить и кем?

Ее взгляд переместился на высокого телохранителя, который вошел с тремя братьями и сестрами. Он был по-своему красив, с обветренным цветом лица. У него был твердый подбородок и орлиный нос. Его темные волосы вились на затылке, а телосложение говорило о большой силе. На нем была кольчуга поверх шерстяной рубашки, прикрытой бледно-желтым плащом. Селин не могла не заметить, как его глаза постоянно следили за Рошель,

когда бы она ни двигалась, с намеком на голод.

Продолжая оценивать, она остановилась на капитане Коче. Он тоже уставился на Рошель, но с совершенно другим выражением лица. Его глаза были прищурены... как будто он ненавидел ее.

Какая у него могла быть причина? Брак принца Дамека никак на него не повлияет.

— Что именно имеет в виду принц Антон, когда говорит, что ты провидица? — внезапно спросила Лизбет Селин.

Селин повернулась к девушке. — Прошу прощения?

— Что делает провидец?

Леди Хелена поджала губы, как будто снова была недовольна манерами своей младшей дочери.

Но Селин увидела возможную возможность. — Я могу читать будущее человека, а моя сестра, мисс Эмили, может читать прошлое.

Лизбет приподняла бровь. — Докажи это!

— О, Лизбет, — тихо сказал Хит. — Ты не можешь просто остановиться на этот раз? — Его тон не был резким или упрекающим. В его голосе звучало больше смущения, чем чего-либо еще.

— Почему? — Лизбет бросила ему вызов. — Я хочу это увидеть. Она говорит, что Карлотту, возможно, не убивали, и нашей матери не терпится ей поверить. Позволь ей доказать, кто она такая.

Хотя у девушки была склонность создавать проблемы, в ней было что-то освежающее... что-то, что напомнило Селин об Эмили.

— Мне почитать тебе? — Селин ответила девушке. — Рассказать тебе о твоём будущем?

Взгляд Лизбет стал острым. У нее были такие же светло-карие глаза, как у ее братьев и сестер. — Нет..., — медленно ответила она, — не меня. — Оглядевшись, она указала на Джоанну. — Она. И попроси свою сестру прочитать ее прошлое. Таким образом, Джоанна сможет проверить, верны ли показания.

Действительно, склонность к тому, чтобы создавать проблемы.

* * *

Пораженная такой быстрой сменой событий, Эмили взглянула на Антона. Что ей делать? К его чести, Антон небрежно повернулся к Дамеку и спросил: — Что ты скажешь? Это могло бы обеспечить некоторое развлечение перед ужином.

Эмили хорошо знала, что Антон не был заинтересован в предоставлении развлечений, но успешное шоу здесь могло бы быть полезным, если бы ему пришлось позже надавить на семью — и попытаться убедить их, что их охранники, их слуги или они сами должны согласиться на чтение. Или, если бы кто-то категорически отказался, увидев, на что способна Эмили... что ж, это могло бы быть столь же красноречиво.

Принц Дамек, однако, казался неуверенным и улыбнулся Лизбет. — Должно быть, это Джоанна? Она так не любит внимания. Не могли бы вы выбрать кого-нибудь другого?

— Нет, — твердо ответила Лизбет. — Она.

Глаза Дамека предупреждающе сверкнули на Лизбет, но девушка не испугалась. Эмили начала подозревать, что за выбором Лизбет что-то стояло.

Когда Дамек больше не стал спорить, его молчание, казалось, означало согласие.

— Тогда хорошо, — сказала Лизбет, поворачиваясь к Эмили. — С чего начнешь?

Это поставило Эмили перед следующей дилеммой, поскольку Селин всегда брала на

себя инициативу в подобных ситуациях. Селин знала, как играть в игру, как устроить шоу... как улыбаться и успокаивать людей.

К счастью, Селин была хорошо осведомлена о недостатках Эмили в этом отношении.

— Сюда, — сказала Селин, указывая на стол. — Им обоим нужно будет сесть. — Она ободряюще улыбнулась Джоанне, у которой, как у служанки Дамека, не было выбора в этом. — Амелии нужно только коснуться твоей руки.

Прежде чем она поняла, что происходит, Эмили обнаружила, что сидит в кресле с высокой спинкой лицом к Джоанне, которая сидела так близко, что их колени почти соприкасались. Надеясь, что ее слова прозвучали обнадеживающе, Эмили сказала:

— Просто дай мне свою руку.

Нерешительно Джоанна протянула руку, и Эмили схватила ее за пальцы.

Поскольку у Эмили не было заданного вопроса, на который нужно было ответить, она закрыла глаза и сосредоточилась на искре духа Джоанны, а затем на прошлом Джоанны. Дар Эмили как одной из Разорванных Туманом часто показывал ей сцены, которые были важны по той или иной причине.

Она более пристально сосредоточилась на искре духа Джоанны.

Когда произошел первый толчок, Эмили приготовилась к следующему. Последовал второй толчок, и она обнаружила, что несетя сквозь серо-белый туман, двигаясь назад во времени.

Ее способности немного отличались от способностей Селин в нескольких отношениях. В то время как Селин могла видеть чужое будущее только как наблюдатель, если бы Эмили пожелала, она могла бы соединиться со своей целью и увидеть прошлое его или ее глазами. В этих случаях люди, которых читала Эмили, могли так же, как и она, осознавать воспроизводимые сцены, а потом они точно знали, что она видела. Люди, которых читала Селин, никогда не имели ни малейшего представления о том, что она видит. Две сестры обсудили эти различия, и Селин предположила, что они могут быть связаны с тем фактом, что прошлое было высечено на камне, а будущее все еще можно изменить — что она просто видит одну возможную линию, если что-то не будет сделано, чтобы изменить ее.

На этот раз Эмили не сблизилась с Джоанной. Она хотела быть только наблюдателем. Когда чтение закончится, Джоанна понятия не будет иметь, какие образы из прошлого могла видеть Эмили.

Туман окутал ее, и когда он рассеялся, Эмили оказалась в знакомой комнате с низкими, обтянутыми бархатом диванами... личные покои Дамека.

Посмотрев в сторону очага, она увидела Дамека, держащего Джоанну в объятиях. Это не выглядело принужденным, так как Джоанна не сопротивлялась, но ее лицо было отвернуто от него.

— Ничего не изменилось, — прошептал он ей на ухо.

— Все изменилось. Ты должна выйти замуж. Она и ее семья приедут завтра. Что бы ты хотел, чтобы я сделала? Я клянусь, что уйду и не вернусь.

Выражение его лица сменилось гневом, и он оттолкнул ее. — Тебе некуда идти, и мы оба это знаем. Но я не потерплю, чтобы рядом со мной были надутые женщины, и ты тоже это знаешь. — Его тон был жестоким, когда он спросил. — Ты любишь меня?

Слезы текли по ее лицу. — Я люблю тебя.

Он протянул руку, медленно стягивая верх ее платья с края плеча. — Покажи мне.

Изображение исчезло, и Эмили снова оказалась в тумане, на этот раз мчась вперед.

Затем она вернулась в большой зал, пытаясь контролировать выражение своего лица — желая, чтобы она была такой же искусной в этом, как Селин. Джоанна раньше не беспокоилась, но теперь она выглядела встревоженной, когда заметила выражение лица Эмили. Возможно, она не верила, что Эмили что-нибудь увидит.

Все вокруг них выжидающе ждали.

Дамек стоял рядом, напряженный и настороженный.

Джоанна, конечно, не могла быть разоблачена как любовница Дамека перед Рошель и всей ее семьей. Это только поставило бы в неловкое положение и еще больше помешало бы переговорам о браке. Паника затопила Эмили. Что она могла сказать? Селин могла бы сказать здесь идеальную ложь, но Эмили никогда не была искусна в искусстве лжи.

— Что ты видела? — спросила Лизбет.

Каким-то образом Эмили удалось подражать своей сестре, и она улыбнулась, сказав первое, что пришло ей в голову. — Туман вернул меня в юность Джоанны. Ее брат поспорил с ней на месяц, что она не сможет ездить верхом на новой лошади, купленной их отцом. Она согласилась... и была немедленно брошена в грязь... и выполняла работу по дому своего брата целый месяц.

Облегчение промелькнуло на лице Джоанны, и Дамек расслабился.

Только Лизбет нахмурилась, изучая Джоанну. — Это правда?

Джоанна кивнула. Должно быть, она более сообразительна, чем кажется, потому что солгала. — Да, это правда. Я никогда не забуду тот день.

Лорд Хэмиш шагнул вперед и протянул руку Эмили. Ее не волновал заинтересованный блеск в его глазах. — Как очаровательно, — сказал он. — Ты должна почитать мне после обеда.

Эмили прикусила внутреннюю сторону щеки и позволила ему помочь ей подняться со стула. — конечно.

* *

Антон знал Эмили достаточно хорошо, чтобы понять, что она солгала, но он также знал, что у нее должна быть веская причина, поэтому он молчал и стоял рядом на случай, если ей понадобится помощь, чтобы вырваться из хватки лорда Хэмиша.

Она этого не сделала и ловко отодвинулась от лорда Хэмиша, чтобы встать рядом с Селин.

Весь вечер до сих пор был пыткой, и он страстно желал оказаться подальше от этого места. Он не знал, как долго сможет сохранять эту вежливую маску на лице. Это могло бы помочь, если бы он мог немного постоять с Селин. Ее близкое присутствие иногда помогало ему собраться с мыслями. Но он не посмел. Если бы он вообще показал ей какое-либо уведомление, Дамек бы это увидел.

Звук легких щелкающих каблучков эхом разнесся по залу, когда миниатюрная фигурка Лайонела вошла в арку и направилась прямо к Дамеку.

Дамек наклонился, когда Лайонел заговорил ему на ухо, а затем Дамек кивнул и обратился к своим гостям. «Мне сообщили, что ужин будет подан. Не могли бы мы занять свои места за столом?»

— У вас есть предпочтительное расположение сидений, милорд? — тихо спросила Рошель.

— Сегодня вечером? — Сказал Дамек, как будто обдумывая это. — Я думаю, что нет.

К удивлению Антона, Эмили подошла к Хиту. — Не могли бы вы присесть со мной,

барон? Ты можешь рассказать мне о винном бизнесе.

Молодой человек уставился на нее. — О, мой дядя — тот, кто управляет... Мне не позволено... — Он замолчал, а затем собрался с духом, выглядя довольным ее приглашением. — Это было бы для меня честью. И, пожалуйста, зовите меня Хит. Никто здесь этого не заметит.

Антон испытал мгновение облегчения, за которым последовало чувство вины, что ему не придется разговаривать с молодым бароном за ужином. Хит казался таким застенчивым, что разговор был бы трудным и требовал усилий, и Антон предпочел бы сосредоточить свое внимание на всем, что происходило вокруг него.

Лорд Хэмиш поспешил к Селин и протянул ей руку, чтобы она могла взять ее.

— Должны ли мы?

Без колебаний Селин взяла его за руку. Антон стиснул зубы, но не двинулся с места. Рошель взяла Дамека за руку. Вспомнив о своих манерах, Антон повернулся, чтобы оглядеться в поисках леди Хелены, но она уже направлялась к столу с леди Саорис, и Антон оказался лицом к лицу с Лизбет.

Хотя она показалась ему несколько резкой, он вежливо протянул руку. Сделать меньше было бы невыносимо.

Она моргнула и покраснела, и на короткое мгновение растеряла всю свою браваду и прямо у него на глазах превратилась в неуверенную девочку-подростка. Жалость нахлынула на него.

— Пожалуйста, присоединяйтесь ко мне за ужином, — сказал он.

Она быстро взяла его за руку, и он решил, что не будет так сильно возражать против ее общества. Она, безусловно, была предпочтительнее, чем пытаться вести светскую беседу с Дамеком... И Селин могла справиться с лордом Хэмишем, так что ему не нужно было слишком беспокоиться.

Главное было просто пережить вечер, а затем посмотреть, что Селин хотела делать дальше в связи с этим «расследованием». Он горячо надеялся, что она сможет доказать, что Карлотта умерла естественной смертью.

Тогда они могли бы отправиться домой.

Когда люди заняли свои места, Селин отхлебнула из своего кубка. — Это хорошее вино, по крайней мере, для моей палитры. — Она повернулась к Хиту, который сидел напротив нее с Эмили. — Барон, что вы думаете? Это хороший винтаж?

Лорд Хэмиш фыркнул с отвращением. — Молодой дурак не отличит белый виноград от красного. Он ничего не смыслит в вине.

Хит не отрывал глаз от своей тарелки, но Лизбет впиалась взглядом в своего дядю.

— По крайней мере, он не пропивает половину наших запасов.

Леди Хелена напряглась, и последовало еще одно неловкое молчание, но оценка Лизбет Антоном росла. Бесцеремонно или нет, но она вступилась за своего брата.

Лорд Хэмиш проигнорировал это замечание и повернулся к Селин. — Прочитаешь мое будущее позже?

— С превеликим удовольствием — спокойно ответила она.

Он улыбнулся и сделал большой глоток вина. Он наклонился ближе к Селин, как будто собирался сказать что-то еще.

Не было произнесено ни слова.

Он попытался прочистить горло и сделать вдох. Тревога отразилась на его лице.

— Милорд? — спросила Селин.

Паника наполнила глаза Хэмиша, когда он встал и отодвинул стул, схватившись за горло и пытаясь дышать.

В это мгновение все сразу заговорили или закричали.

— Брат! — крикнула леди Хелена, бросаясь к нему.

Рошель вскочила на ноги, но дико посмотрела на высокого телохранителя, стоявшего неподалеку. — Мэддокс! — воскликнула она. — Это происходит снова. Пожалуйста, останови это!

Охранник из Эн-теса бросился к Хэмишу, поймав его, когда он падал назад.

Селин была прямо там, дергая лорда Хэмиша за воротник, чтобы ослабить его. — Не сопротивляйся этому! — сказала она ему. — Постарайся расслабиться. Просто позволь себе дышать.

Глаза Хэмиша выпучились от ужаса и муки. Его лицо сначала покраснело, а затем посинело, когда он попытался вздохнуть и потерпел неудачу. Все, что Антон мог делать, это беспомощно стоять там. Тело Хэмиша начало биться в конвульсиях.

Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы умереть, но, наконец, он затих... с открытыми глазами.

Высокий охранник по имени Мэддокс опустил свое тело на пол. Он посмотрел на Рошель так, как будто только что подвел ее.

Она уставилась на него в ответ.

Дамек наблюдал за этим обменом репликами с напряженным выражением лица.

Селин опустилась на колени на пол рядом с Хэмишем, и Антон не смог сдержать приступа отвращения, когда она засунула руки в рот мертвеца и открыла его, ощупывая его язык и заглядывая в горло.

— Она сделала это! — крикнула леди Хелена.

В замешательстве Антон поднял глаза и увидел, что она указывает на Джоанну.

Джоанна в страхе отступила назад.

— Ты сам нам сказал, — истерично продолжала Хелена, на этот раз обращаясь к Дамеку. — Больше никто не притрагивался к вину. Это должна была быть она!

Дамек не сдвинулся с места во главе стола. — Уверю вас, это была не Джоанна.

Бедная Лизбет лишилась дара речи, как и Хит, когда они оба посмотрели через стол на своего мертвого дядю.

— Возможно, дело было даже не в вине, — вставила Селин, и все взгляды обратились к ней.

— Что вы имеете в виду? — спросил Антон.

Селин не ответила. Она встала. Недопитый кубок Хэмиша все еще стоял на столе. Подняв его, она понюхала содержимое.

— Я не вижу никаких признаков того, что он был отравлен, — сказала она. — Его язык не распух, дыхательное горло открыто, а горло выглядит нормальным. Я не знаю, почему он перестал дышать. — Она сделала паузу. — Но единственный способ, который я могу придумать, чтобы проверить жидкость в этом кубке на что-либо, кроме вина, — это попробовать ее самому, всего лишь каплю или две на моем языке. Возможно, я смогу распробовать иностранный ингредиент.

— Нет! — приказал Антон.

— Я не знаю как еще это проверить.

До сих пор Эмили не произносила ни слова с тех пор, как пал лорд Хэмиш. Теперь она посмотрела на леди Саорис и сказала: — Она могла бы.

На лице Дамека отразилось удивление от замечания Эмили, но затем он тоже посмотрел на Саорис. Она подняла одну серебристо-белокурую бровь, и через мгновение он кивнул.

С неторопливой грацией Саорис подошла и потянулась за кубком. — Можно мне?

Селин молча протянула ей его.

Саорис держала кубок обеими руками и закрыла глаза. Когда она снова открыла их, в большом зале царила тишина. Прежде чем кто-либо успел пошевелиться, она окунула палец в жидкость, а затем положила его в рот.

— Миледи! — воскликнула Селин.

— В этом кубке нет ничего, кроме вина, — объявила Саорис. Пока все смотрели на нее, она сделала большой глоток, словно желая проявить себя. — Это всего лишь вино.

Лизбет обрела дар речи. — Тогда что... что убило дядю Хэмиша и Карлотту? — Сделав шаг назад, она покачала головой. — Это безумие! Мы должны разорвать эту помолвку и отправиться домой.

— Она права, — тихо сказал Хит. — мы должны были уйти раньше.

Леди Хелена выпрямилась. — Нет. Твой дядя не хотел бы этого. — она посмотрела на Дамека. — Мы должны перенести дату свадьбы поближе, как только это можно будет устроить.

Глава 6

Очень скоро Селин оказалась в покоях Дамека, где были только сам Дамек, Амели и Антон. Даже Коче и Рюрику было приказано ждать снаружи в коридоре. Тело лорда Хэмиша унесли в подвал, остальные члены его семьи разошлись по своим комнатам. Дамек метался из угла в угол, как обезумевший кот, все следы радушного хозяина исчезли, словно он был актером, играющим определенную, нежелательную роль.

Селин изо всех сил пыталась разобраться в цепи событий, свидетелем которых она стала. За исключением тайны смерти лорда Хэмиша, ее больше всего смутила реакция леди Хелены... желание как можно скорее перенести дату свадьбы. Разве она и ее семья не угрожали покинуть Кимовеск после смерти Карлотты? Именно об этом сообщал Дамек в своем письме Антону. Солгал ли Дамек, или что-то изменилось?

Дамек внезапно перестал расхаживать и повернулся к Антону:

— Твои провидицы бесполезны! Сначала они говорят мне, что никакого убийства вообще не было, а потом им не удается предотвратить следующее!

Антон напрягся:

— Моей задачей, когда я приехал сюда, было расчистить путь для твоей свадьбы с Рошель, но, похоже, и две смерти в ее семье не помеха. Я не вижу никаких причин, почему бы мне не забрать своих людей и не уехать утром. Вы поженитесь в течение месяца.

— На этот раз ты прав, — прошипел Дамек. — Мне не нужна твоя помощь. Я могу завершить этот брак самостоятельно, а потом благодаря моей связи с домом Энтес я поднимусь намного выше того, на что ты когда-либо мог надеяться.

— Мы не можем уехать, — тихо сказала Селин. — Два человека, умершие от нехватки воздуха... без видимых причин за обеденным столом... это не может быть совпадением. Я не знаю, как совершаются эти убийства, но в замке есть убийца, и мне кажется, что юная Лизбет права, кто-то пытается помешать этому браку. — Она посмотрела на Дамека: — После

смерти Карлотты кто взял на себя переговоры о приданом Рошель?

Прежде чем ответить, Дамек сделал паузу, немного успокаиваясь:

— Лорд Хэмиш. На самом деле с ним было легче иметь дело, чем с Карлоттой, и мы почти пришли к соглашению.

— А потом лорд Хэмиш умер, — закончила Селин.

Она взглянула на Амели. Зная свою сестру достаточно хорошо, Селин видела, что та чуть ли не разрывалась от желания поговорить с ней наедине, и надеялась, что ни Антон ни Дамек не обратят большого внимания на еле завуалированное выражение отчаяния на лице Амели. В конце концов, они только что стали свидетелями смерти. Любой человек может проявить некоторое беспокойство.

Антон провел руками по волосам, и Селин увидела, что, несмотря на то, что она сказала, он все еще подумывает о том, чтобы собрать вещи.

— Если цель действительно состоит в том, чтобы помешать браку состояться, — продолжила она, — то сегодняшнее заявление леди Хелены только подтолкнет убийцу к дальнейшим действиям. Антон, что, если он... или она решит убить следующей Рошель? Или Дамека? Как это будет выглядеть в глазах твоего отца, если ты покинешь место преступления?

Дамек и Антон напряглись от ее слов, и Дамек переспросил:

— Убить меня?

Разве это не приходило ему в голову? Селин не ответила, давая обоим пару минут осмыслить ее слова.

Наконец, Дамек уставился на нее так, как будто во всем была виновата именно она:

— И что, по-твоему, ты можешь сделать?

— Нам с Амели нужно составить список людей с возможными мотивами, а затем вы должны обязательно поддержать нас, если мы попросим прочитать кого-нибудь.

— У меня нет власти над семьей Рошель или их охраной, — ответил Дамек.

— Я знаю, — кивнула Селин. — Позвольте нам побеспокоиться о них, но если я попрошу, вы отдадите приказ относительно кого-либо еще?

В глазах Дамека светилось безумие:

— Думаешь, ты сможешь вычислить убийцу?

Селин пожала плечами, и казалось, что все ожидания по поводу всяческих поклонов, выказывания почтения и обращения к Дамеку «мой господин» улетучились:

— Мы уже делали это раньше. Спросите своего отца.

— Прекрасно, — отрезал он. — Составь свой список, и я дам тебе полную свободу действий, но я хочу, чтобы это закончилось быстро, понимаешь?

— Тебе придется продолжать вести переговоры о браке, — вставил Антон. — Как сказала Селин, если поспешишь, то ты или Рошель можете стать мишенью. Может, нам следует объявить, что свадьба откладывается?

— Нет! — Дамек закрыл глаза и понизил голос: — Возможно. Мне нужно подумать.

— Сестрам понадобится некоторое время, чтобы составить список, — сказал Антон, направляясь к двери и жестом приглашая Амели и Селин следовать за ним. — Я предлагаю обсудить дальнейшие планы отталкиваясь от списка.

Все еще не открывая глаз, Дамек кивнул:

— Да, а теперь убирайтесь.

***

Наконец-то Амели оказалась у двери их собственной комнаты, находившейся на другой стороне замка.

Из покоев Дамека Антон и Рюрик вышли вместе с ними.

— Мы в соседней комнате, если вам что-нибудь понадобится, — сказал Антон.

— Хорошо, спасибо, — ответила Селин. — Постарайтесь немного отдохнуть.

Даже не пожелав мужчинам спокойной ночи, Амели толкнула дверь их собственной комнаты и вошла внутрь. Хельга была там, в окружении нескольких горящих фонарей со свечами внутри. Она стояла у туалетного столика, раскладывая еду на подносе: хлеб, ветчину и сыр, расставляла дымящиеся кружки.

Амели была очень рада ее видеть. По какой-то причине Хельга заставляла самые странные ситуации казаться нормальными.

— Вот и ты, — повернулась Хельга. — Я уже начала беспокоиться после того, как услышал, что еще один сноб рухнул замертво за столом. А еще я подумала, что ужин могут отменить.

— О, Хельга, — улыбнулась Амели. — Ты не сможешь мне снять это нелепое платье? Я едва могу дышать, — она повернулась спиной к Хельге.

Дверь открылась и в комнату вошла Селин:

— Амели, думаю, тебе есть что нам рассказать.

— Да, я даже и не знаю, с чего начать. Просто позволь мне снять это платье.

Пока Хельга ловко расшнуровывала бордовый шелк, Амели с наслаждением полной грудью вдохнула воздух. Потом она вспомнила об оружии, пристегнутом к запястьям, и приняла решение.

— Селин... — начала она, сбрасывая платье с плеч и позволяя ему упасть на пол. Она протянула к сестре руки. — Яромир дал мне это перед тем, как мы покинули Сеон. Он сказал держать их в секрете, но я устала прятать их каждый раз, когда переодеваюсь. Не проси меня снять их, потому что я этого не сделаю.

— С чего ты взяла, что я попрошу тебя снять их?

— Не знаю... из-за нашей легенды, я полагаю. Предполагается, что мы происходим из семьи богатых торговцев.

Слегка оскорбленная, Селин ответила:

— Что ж, тебе не о чем беспокоиться. Я не буду просить тебя снять их. Во всяком случае, не после сегодняшнего вечера. Теперь расскажи мне, что ты знаешь о леди Саорис... и откуда ты это знаешь.

— Девочки, идите сначала что-нибудь поешьте, — позвала Хельга, бросая платье Амели на кровать. — Я знаю, что вы еще не ужинали.

— Через минуту, — ответила Амели, думая, с чего ей лучше начать. — Селин... во-первых, ты должна знать, что Джоанна-любовница Дамека, и я имею в виду не какую-то служанку, которую он время от времени затаскивает в свою постель. Когда я читала ее, то видела сцену ночи перед приездом Рошель. Джоанна грозила уйти от него. Дамек говорил ей, что его брак ничего не изменит между ними, она ответила, что любит его.

— О... боже, — Селин села на кровать. — Ты уверена? Ты никак не могла неправильно истолковать то, что видела?

— Все было понятно. Но я не могла разоблачить ее. Можешь только представить, чтобы произошло.

— Нет, конечно, ты была совершенно права, — Селин нахмурилась. — Но это ставит

имя Джоанны на первое место в списке. У нее есть мотив.

Амели кивнула. Наступила самая трудная часть:

— И леди Саорис... приготовься... — она запнулась, подыскивая нужные слова, а потом решила просто все выложить напрямую: — Она создала эликсир, который превратил всех солдат в Рязани в хищных волков. Она своего рода ведьма.

— Что? — ахнула Селин, вставая.

Хельга перестала нарезать сыр и повернулась в их сторону:

— Чайная ведьма? Здесь?

Так Хельга называла любого, кто практиковал магию, но не был рожден с особым даром одного из клана Разрываемого Тумана. Но сейчас это вряд ли помогло бы.

В последнем путешествии сестер, на серебряные рудники в Рязани, их наняли выяснить, почему тамошние солдаты превращались в огромных бешеных волков. В конце концов, Амели прочитала человека, ответственного за это, и когда она заглянула в его прошлое, увидела его вместе с леди Саорис и Дамеком. Саорис использовала кровь мертвого оборотня Мондьялитко, убитого именно для этой цели, и несколько частей тела мертвого волка, чтобы приготовить эликсир. Все это было частью эксперимента, который хотел провести Дамек, но Саорис охотно помогала ему, не проявляя ни малейшего беспокойства по поводу причинения страданий и смерти. Прошлым летом Амели рассказала Селин кое-что из этого, но она никогда не описывала леди Саорис и не упоминала это имя. Казалось, в этом не было необходимости.

Селин посмотрела на Хельгу:

— Я мало что знаю о... Саорис должна быть достаточно искусной, чтобы приготовить такой мощный эликсир?

Хельга кивнула:

— Можно и так сказать. Переместите ее в начало вашего списка.

— Но какой у нее мог быть мотив? — спросила Селин. — Она занимает здесь высокое положение, но ее сила зависит от силы Дамека. Она заинтересована, чтобы он женился на королевских связях.

Это было правдой.

— Она действительно была уверена, что вино не отравлено, и без колебаний выпила его, — добавила Амели. — Если она использовала какое-то... заклинание, чтобы убить Хэмиша, то заранее знала, что вино не отравлено.

— Да, но сначала она попробовала каплю пальцем. Возможно, она разбирается в травах. Если бы Антон позволил мне это сделать, я могла бы сказать вам, было в вине что-то еще или нет.

Все три женщины на мгновение замолчали.

— Мотив или нет, — сказала Хельга, — я бы включила ее в ваш список.

— Да, — кивнула Селин, возвращаясь к делу. — Конечно же, — протянув руку, она коснулась руки Амели, — ты хорошо поработала.

Амели смутило то, как сильно ей нравилось слышать похвалу сестры. Большую часть своей жизни Амели мечтала быть полезной в чем-то, кроме умения драться на ножах, и теперь, наконец-то, ей это удалось.

— Два других человека, за которыми стоит понаблюдать, — это капитан Мэддокс и капитан Коче, — продолжила Селин. — Мэддокс не сводит глаз с Рошель, и мне кажется, что он влюблен в нее. И капитан Коче бросает на нее пристальные взгляды.

— Правда? — удивилась Амели. — Я этого не заметила. Ну, хорошо. Посмотрим, что мы сможем выяснить, — она немного помолчала. — Хельга, как ты думаешь, ты могла бы что —нибудь узнать у других слуг? Они могут сплетничать?

— Может быть, — хмыкнула Хельга. — Я могу попробовать.

— Мы также не можем сбрасывать со счетов семью невесты, — сказала Селин. — Одна вещь, которая действительно озадачивает меня, это почему убийца не нацелился на Рошель или Дамека. Если бы кто-то захотел остановить свадьбу, разве он не убил бы жениха или невесту?

— Да, — согласилась Амели, — я тоже задавалась этим вопросом.

— Лизбет-самая откровенная из них, — сказала Селин, — а еще сегодня вечером она была первой, кто начал настаивать на том, чтобы семья уехала. Хит поддержал ее, но она заговорила об этом первой. Кажется, она любит своих брата и сестру, а Рошель слишком мягкосердечна, чтобы спорить со своей матерью или дядей. Если бы кто-то попытался заставить тебя выйти замуж за Дамека... боюсь, что я, возможно, была бы готова убить, чтобы остановить это.

Амели отвела взгляд. Она, конечно, тоже убила бы, чтобы защитить Селин от такой участи, но не стала бы делать это с помощью яда или магических средств.

— А что насчет невесты... этой Рошель? — спросила Хельга. — Она действительно такая кроткая? Может, это притворство? Что, если она пытается спасти себя?

Амели вздохнула. Возможно, они пытались добиться слишком большого прогресса за одну ночь?

Словно прочитав выражение ее лица, Селин подвела Амели к туалетному столику:

— На сегодня достаточно предположений. Давайте немного поедим и немного поспим. Утром мы начнем все сначала.

— Что насчет ужина для Антона и Рюрика? — спросила Амели. — Кто-нибудь собирается их кормить?

— Не волнуйся, — ответила Хельга. — Рюрик знает, что делать. Он проследит, чтобы принц поел.

С некоторым облегчением Амели потянулась за чашкой чая. Наверное, он уже остыл, но ей было все равно.

***

Была уже поздняя ночь, а Селин все лежала без сна в постели. Рядом крепко спала Амели, на подстилке на полу громко храпела Хельга. Хотя Селин очень хотелось спать, она все никак не могла перестать пытаться понять, как была организована смерть Карлотты и Хэмиша. Новости Амели о леди Саорис тревожили Селин. Могли жертв убить с помощью какого-то заклинания? Даже если так, не было никакой гарантии, что это была Саорис. Селин ничего не знала ни о Рошель, ни о ее семье, ни об их охране. Любой из них мог обладать знаниями в области тайных искусств.

Если бы заклинание было произнесено, сколько времени ему потребовалось бы, чтобы вступить в силу? Карлотта и Хэмиш оба умерли через несколько мгновений после того, как сели за стол, еще до того, как подали еду. Где все это время стояли все, как раз перед тем, как было объявлено об ужине?

Закрыв глаза, Селин попыталась воссоздать в уме сцену... расставить всех по местам, попытаться вспомнить, кто был вовлечен в разговор, а кто нет. Чтение Амели Джоанны привело к тому, что большинство присутствующих оказались возле стола. Сама Селин

находилась рядом с Лизбет, но она не наблюдала за девушкой. Дамек был рядом с Рошель. Помимо этого... лежа в постели, Селин не могла вспомнить расположение всех. Наверное, ей нужно было бы стоять в большом зале, чтобы память точно воссоздала ту сцену.

Когда эта мысль промелькнула у нее в голове, Селин открыла глаза. *Нет... не в этот час*, сказала она себе. Но опять же, какое время может быть лучше? Все будут спать, за исключением, возможно, нескольких стражников Кимовеска, дежуривших ночью. Они не представляли для нее опасности. Дамек позаботился об этом. У нее будет достаточно времени, чтобы постоять в одиночестве в большом зале, используя его в качестве иллюстрации для воссоздания событий вечера до того, как все расселись за столом.

Чем больше Селин думала об этом, тем больше это казалось ей лучшим вариантом действий.

Было странно думать, что она будет в безопасности, разгуливая ночью по дому врага Антона... но так и будет. Здесь не было никого, кто желал бы ей зла. Конечно, где-то в замке был убийца, но пока Селин не представляла для него или нее никакой угрозы, и к тому же, она не принимала участия в брачных переговорах. Она ничем не рискует, если спустится вниз и попытается прояснить некоторые вещи в своей памяти. Антон отчаянно хотел решить эту проблему как можно быстрее, и Селин была готова попробовать почти все, чтобы это произошло.

Девушка тихо вылезла из кровати и на цыпочках подошла к закрытому, разохшемуся, шкафу. К счастью, петли были смазаны, и, открыв одну дверцу, она достала шерстяное платье, со шнуровкой спереди. Пара мгновений, и оно уже было на ней. Затем Селин натянула шелковые туфли, которые были на ней вечером. Амели даже не пошевелилась, а Хельга так и не прекратила храпеть.

Селин выскользнула из комнаты в коридор. Закрыв за собой дверь, она с облегчением вздохнула. Коридор был пуст, и она поспешила к лестнице. Добравшись до главного этажа замка, Селин выглянула с лестничного пролета в длинный коридор, ведущий в большой зал. Коридор был пуст. Если бы Селин встретила кого-нибудь из стражников Кимовеска, она бы просто сказала им, что не может заснуть и решила прогуляться. Страже было приказано обращаться с ней как с гостьей, а Дамека они боялись гораздо больше, чем хотели помешать ей.

Хотя коридор вдоль задней части замка оказался длиннее, чем казался вечером, Селин быстро прошла его и вошла в большой зал. Огонь в очаге погас, и зал теперь освещал только тусклый свет нескольких светильников на стенах. Как она и ожидала, зал был пуст.

Селин медленно пошла вперед, пока не встала на то же место, на котором стояла всего за несколько минут до того, как мастер Лионель пришел сообщить Дамеку, что ужин скоро будет подан. Оглядевшись вокруг, она попыталась мысленно представить себе обстановку того вечера. Закрыв глаза, Селин попыталась услышать голоса тех, кто говорил, и тех, кто молчал. Если бы кто-то отошел от собравшихся, чтобы сделать... *нечто*, что привело бы к смерти Хэмиша, кто бы мог быть этим человеком?

Джоанна отходила от Амели. Рошель стояла рядом с Дамеком. Капитан Мэддокс находился возле стены, и рядом с ним никого не было. Где стояла леди Саорис? Разговаривала ли она с кем-нибудь?

— Селин?

Девушка открыла глаза. Принц Дамек и два стражника в черных табардах стояли сразу у западного входа. Дамек все еще был полностью одет в ту же самую одежду, что и во время

ужина, на бедре у него висел кинжал в ножнах.

— Что ты здесь делаешь? — он подошел ближе.

Неожиданно Селин смутилась. Она думала, что он давно уже спит. Должно быть, она выглядит довольно глупо, стоя в одиночестве в большом зале в такой час.

— Простите меня, милорд. Я не могла уснуть и подумала попытаться воссоздать картину, как все стояли незадолго до... до того, как... — Селин замолчала.

Казалось, Дамек даже не слышал ее слов. А потом он оказался прямо перед ней.

— Ты одна? — спросил он с выражением, больше похожим на недоверие. Его глаза сверкнули.

Поведение Дамека вызывало тревогу, но Селин не испугалась. В настоящее время ему нужны ее навыки и умения, и он не сделает ничего, что поставит под угрозу его предстоящий брак.

Оглянувшись через плечо, Дамек приказал стражникам:

— Убирайтесь.

Оба мужчины развернулись на каблуках и вышли из зала тем же путем, каким пришли.

Хотя Селин все еще не была напугана, что-то в этом настолько встревожило ее, что она сделала несколько шагов назад:

— Я всего лишь стремилась прояснить в своей памяти несколько вещей. Еще раз приношу свои извинения. Я должна вернуться в свою комнату.

В мгновение ока Дамек перекрыл ей выход, не касаясь ее, но и не позволяя пройти мимо него.

— Ты любимица моего брата, не так ли? — прошептал он. — Я вижу это, когда он смотрит на тебя... когда он говорит о тебе.

Блеск в глазах принца стал ярче, и Селин попыталась обойти его:

— Милорд, если вам будет угодно...

Дамек снова прервал ее, и впервые в душе девушки начал зарождаться страх. Принц уставился на нее так, словно каким-то образом наткнулся на неожиданное сокровище.

— Его любимица, не так ли? — в зале было холодно, но несколько капель пота скатились по его виску. — Ты приносишь ему утешение по ночам? Он делится с тобой своими секретами?

Теперь она могла видеть за блеском безумие, бившееся в его глазах. Селин рванулась прочь. Обогнув Дамека, девушка побежала к восточной арке. Но не успела она сделать и трех шагов, как что-то дернуло ее за волосы, стремительно потянув к стене. Следующее, что она помнила, это как Дамек прижал ее спиной к стене, удерживая.

Стараясь успокоиться, Селин лихорадочно искала, что сказать, чтобы заставить его остановиться.

— Меня привезли сюда, чтобы обеспечить ваш брак с членом королевской семьи. Вы что, забыли об этом?

Тело Дамека несколько раз содрогнулось, и когда его глаза впились в нее, Селин смогла увидеть то, что выглядело как надвигающееся столкновение. Часть его слышала ее, но другая часть не могла остановиться.

— Такая красивая, — прошептал Дамек, касаясь лица девушки. — Заботился бы он о тебе по-прежнему, если бы ты не была такой красивой?

Он царапнул ее по щеке ногтем, и Селин не смогла удержаться от крика, пытаясь оттолкнуть его. Дамек задыхался от удовольствия, наблюдая за ее сопротивлением, а когда

Селин снова взглянула ему в лицо, там не было и подобия разума. Казалось, Дамек не видел ее. По его искаженным словам она поняла, что он видел только то, что было дорого Антону.

Это и была болезнь Дамека? Потребность причинять боль или уничтожать все, что было дорого Антону? Ему нужно было утолить этот голод настолько, чтобы погубить себя? Селин с ужасом поняла, что в этот момент она была для него никем. Ничем. Он только хотел причинить боль Антону.

Наклонившись, Дамек потерял своей щекой о ее щеку.

— Толкни меня еще раз, — прошептал он. — Или кричи, — одной рукой принц скользнул вверх, схватив за грудь, надавив большим пальцем. — У нас впереди вся ночь.

Селин пронзил дикий страх. Ему было наплевать на чужую жизнь, ему нравилось причинять страх, он, казалось, настолько потерял себя, что уже ни на что не обращал внимания. Когда Селин не оттолкнула его и не закричала, он сильнее прижался к ее щеке, покусывая зубами мочку ее уха. Селин начала толкаться и сопротивляться, понимая, что делает именно то, чего хочет Дамек, но не могла остановиться.

— Милорд, пожалуйста!

А потом... его оторвали от нее.

Споткнувшись, Селин шагнула вперед, в пустое пространство перед собой. Каким-то чудом удержавшись от падения, она подняла голову и увидела Антона, стоявшего в нескольких шагах от Дамека. Дамек выглядел ошеломленным, словно пытался понять, что только что произошло. Антон был полуодет. На нем были лишь свободная рубашка и брюки, он стоял босой, но в правой руке сжимал кинжал. Это смутило Селин. Антон никогда не носил с собой кинжал.

Глаза Дамека слегка прояснились, и его правая рука метнулась к ножнам на бедре. Ножны оказались пустыми. Стиснув зубы, Антон бросился вперед и прижал Дамека к стене. Лицо Антона превратилось в маску ярости. Левой рукой он придавил горло Дамека, буквально впечатывая брата в стену.

С не меньшей яростью Дамек попытался оттолкнуть его... безрезультатно. Удерживая брата на месте, Антон прижал острие кинжала к его животу. Селин замерла, наблюдая за происходящим. Она не узнавала Антона. Принц, которого она знала, исчез, на его месте стоял незнакомец.

Антон заговорил прямо в ухо Дамеку:

— Если ты еще хоть раз прикоснешься к ней... я не имею в виду, если ты причинишь ей боль. Я имею в виду, если ты прикоснешься к ней. Я вспорю тебя от паха до грудной клетки, а потом оттащу в ту маленькую комнату, которую мы оба знаем, и запиру тебя внутри. Если кто-нибудь спросит меня, где ты, я скажу им, что не знаю, и оставлю тебя там в темноте умирать в течение следующих двух дней.

Ужас промелькнул в глазах Дамека, и он изо всех сил пытался дышать, когда Антон вжимал его за горло в стену.

— Ты мне веришь? — спросил Антон.

Ответа не последовало, возможно, Дамек просто не мог говорить.

— Кивни, если ты мне веришь, — сказал Антон.

Дамек попытался кивнуть.

Прижав брата чуть сильнее в последний раз, Антон отступил назад, все еще держа в руке кинжал.

— Селин, иди в коридор, — приказал он.

Она побежала к восточной арке. Оказавшись в коридоре, Селин еще несколько мгновений продолжала бежать, а затем остановилась и обернулась. Антон с кинжалом в руке шагал за ней. Она ждала.

Принц остановился примерно в десяти шагах от нее. Его лицо было таким напряженным, а взгляд таким жестким, что она все еще с трудом узнавала его.

— Что ты здесь делала? — потребовал он ответа.

Селин сотрясала дрожь, и она не могла остановиться, а он был не в том состоянии, чтобы слушать рациональные объяснения, поэтому она просто стояла и молчала.

— Я говорил тебе не ходить одной, — сказал Антон срывающимся голосом. — В Дамеке что-то сломалось, и он не может остановиться, как только... Ты понимаешь, что произошло бы, если бы я не... если бы я не?.. — он поднял кинжал и посмотрел на него, потом швырнул через проход.

Когда Антон снова повернулся к ней, гнев с его лица исчез, сменившись болью. Он протянул ей одну руку, и Селин тут же подбежала к нему. Принц обхватил ее обеими руками, крепко прижимая к своей груди, ощущая, как она дрожит всем телом.

— Ничего подобного больше никогда не повторится. Я клянусь. Я позабочусь, чтобы этого не случилось, — прошептал он, крепче прижимая ее к себе. — Ты мне веришь?

Уткнувшись лицом в его плечо, Селин молча кивнула. В тот момент она действительно верила ему.

— Как ты нашел меня? — прошептала она. — Как ты узнал, что нужно искать меня? Я думала, ты спишь.

— Я спал. Рошель постучала в мою дверь, прося разрешения обратиться к тебе за помощью. Похоже, бесстрашие леди Хелены перед свалившимся на нее несчастьем оказало ей медвежью услугу ночью, когда до нее наконец дошло, что ее брат мертв. Она переутомилась, и Рошель надеялась, что ты сможешь помочь. Я пошел за тобой... и обнаружил, что тебя нет. Я приказал Рюрику и Амели проверить, не отправилась ли ты на кухню, а сам пришел сюда.

— О, — с чувством вины за то, что люди искали ее, Селин отстранилась от Антона. Он позволил ей отойти. — Мне очень жаль.

Антон не ответил.

— Леди Хелене все еще нужна помощь? — поинтересовалась Селин.

— Думаю, да.

Больше им нечего было сказать, и они направились обратно к восточной башне. Антон оставил кинжал там, где тот лежал. Селин предположила, что Дамек вышел через западную арку зала и вернулся в свои комнаты, но ей совсем не хотелось думать о нем.

***

Добравшись до своей комнаты, Селин сумела избежать немедленного выговора от Хельги. Ни Рюрика, ни Амели в комнате еще не было-они все еще искали ее.

— Пожалуйста, сделай все возможное, чтобы сообщить им, что она нашла, — вмешался Антон, заставив этим самым Хельгу брызгать слюной.

Селин быстро нашла коробку с лекарственными принадлежностями, и Антон повел ее обратно к лестнице.

— У семьи Квиллетт комнаты тоже в этой башне, — пояснил он, — этажом выше.

Они спешно поднялись по лестнице и Селин увидела за открытой дверью капитана Мэддокса и Хита, расхаживающих по коридору. Она направилась прямо к ним, Антон шел за

ней по пятам.

— Как поживает леди Хелена? — обратилась она к мужчинам.

Мэддокс ничего не сказал, только мрачно взглянул на нее. Возможно, он ожидал, что ответит Хит.

Хит покачал головой:

— Я не знаю, что делать. С ней Рошель и Лизбет.

Это был не совсем ответ, и Селин прошла мимо него в комнату для гостей. Лизбет стояла прямо у дверей в синем плаще, наброшенном поверх сорочки, и вид у нее был потерянным и беспомощным. Рошель стояла на коленях прямо на полу в другом конце комнаты, одетая только в белую сорочку и накинутую поверх нее шаль.

— Пожалуйста, мама, вернись в кровать.

Леди Хелена сидела на полу прислонившись спиной к стене, подтянув колени к груди, закрыв лицо руками, и шептала невнятные слова. На ней тоже не было ничего, кроме сорочки.

Рошель, услышав появление Селин, оглянулась через плечо, и выражение ее лица сменилось облегчением.

— Мисс Селин, вы можете что-нибудь для нее сделать? Она обезумела.

Селин подошла и опустившись на колени рядом с Хелен, открыла коробку:

— Когда это началось?

— Я не... я точно не знаю. Мы с Лизбет живем в одной комнате через коридор. Мама казалась в порядке, когда мы ложились спать. Конечно, она была встревожена, но держала себя в руках. Я проснулась от звука громкого плача, вошла сюда и нашла ее... такой, она не двигалась. Я подумала о том, чтобы попросить капитана Мэддокса отнести ее обратно в кровать, но не знала, правильно ли это будет.

— Вы поступили мудро, — заверила ее Селин, вытаскивая из коробки флакон, наполненный молочно-белой жидкостью.

— Что это? — поинтересовалась Лизбет, так и продолжая стоять у двери.

— Это маковый сироп, — ответила Селин. — Ваша мать в шоке, ей нужно расслабиться и поспать. Когда она проснется, она должна снова стать самой собой. — Селин открыла флакон и налила сироп в деревянную ложку. — Миледи, — мягко обратилась она к Хелене, — вы можете выпить это для меня?

Хелена отняла руки от лица и посмотрела на Селин, не узнавая ее. С распущенными волосами стареющая аристократка почему-то казалась моложе.

— Он был всем, что у меня осталось, — прошептала Хелена. — Я знаю, что он слишком много пил и развлекался со слишком молодыми для него женщинами, но он был всем, что у меня было.

— Нет, мама, — отозвалась Рошель с обидой в голосе. — У тебя есть мы. У тебя есть твои дети.

— Все, что у меня было, — снова прошептала Хелена.

— Миледи, пожалуйста, выпейте это, — попросила Селин, и, к ее счастью, Хелена проглотила все, что было в ложке.

Она еще продолжала бормотать полные скорби слова о потере своего брата, но вскоре жидкость с добавлением опиума подействовала, и ее потянуло в сон.

Наконец Селин и Рошель помогли ей вернуться в постель, где она и закрыла глаза.

— О, спасибо, — поблагодарила Рошель Селин. — Я не знала, что делать... О, вы

ранены. У вас лицо в крови.

Щеку Селин жгло в том месте, где Дамек провел ногтем, но она была слишком занята, чтобы обращать на это внимание. Девушка прикоснулась к щеке, на пальце осталась кровь.

— Ничего страшного. Я была неосторожна и поцарапалась.

Рошель оглянулась на спящую мать:

— Я побуду с ней. Лизбет, тебе лучше вернуться в постель.

Селин повернулась в сторону Лизбет:

— Как думаете, вы сможете уснуть?

Девушка молча кивнула, но казалась такой потерянной и расстроенной, совсем не похожей на то дерзкое создание, которым была этим вечером.

Селин встала и подошла к ней:

— Пойдемте со мной.

Лизбет позволила Селин вывести ее наружу, в коридор, где ждали Антон, Хит и Мэддокс.

— Леди Хелена сейчас спит, — объявила Селин мужчинам.

Хит на мгновение закрыл глаза:

— Спасибо.

— Я провожу Лизбет обратно в постель, — закончила Селин, направляясь через коридор вместе с молчавшей девушкой.

Открыв дверь, они вошли внутрь и Селин подвела Лизбет прямо к кровати. Откинула покрывало:

— Вам следует снять плащ и забраться под одеяло.

Словно ребенок, девушка повиновалась и даже позволила Селин укутать ее.

— Я не стремилась быть правой, — мрачно сказала Лизбет.

— В чем?

— В том, что Карлотта была убита. Я знаю, что говорила это тебе, но я не стремилась оказаться правой.

Селин присела на край кровати:

— Не стремилась. Вы были храброй девушкой, раз открыто высказались. Не бойтесь говорить то, что вы думаете, когда на карту поставлены жизни.

На лицо Лизбет вернулся румянец, и она откинулась на подушку.

— Ты останешься здесь, пока я не засну? — спросила она.

— Да, — повинувшись внезапному порыву, Селин наклонилась и поцеловала ее в лоб. Бедная девочка, казалось, нуждалась в материнской заботе. — Закрывайте глаза.

Несколько мгновений спустя Лизбет уже спала, а Селин встала и тихо выскользнула за дверь. Антон ждал в коридоре, чтобы проводить ее обратно в ее собственную комнату.

***

Близился рассвет. Антон лежал в своей постели, все еще не в силах заснуть. На полу, рядом с его кроватью, на тьюфяке спокойно спал Рюрик.

Вернув Селин в ее собственную комнату, Антон столкнулся с неожиданным препятствием в лице Рюрика и Амели: они оба потребовали, чтобы Селин объяснилась. Антон, теряя самообладание, пресек их вопросы и приказал всем идти спать практически оставив Селин разбираться с Амели в одиночку. А сам вместе с Рюриком отправился в свою комнату и в изнеможении рухнул на кровать. И с тех пор так и лежал без сна.

Я напал на своего брата. Мысль продолжала прокручиваться в его голове снова и снова,

и он не мог справиться с эмоциями, сопровождающими эту неизбежную реальность: триумф, чувство свободы, вина, предательство, облегчение... а затем снова чувство вины. Его история и связь с Дамеком были слишком долгими и сложными, чтобы кто-то другой мог их понять. Возможно, так всегда бывает с братьями и сестрами?

Когда они были маленькими мальчиками, их отец казался им богом. Как военачальник из древнего рода военачальников, принц Ливен был хорошим отцом в том смысле, что он заботился об образовании своих сыновей. Для обучения отпрысков письму и математике были привлечены лучшие гувернеры. Принц Ливен позаботился о том, чтобы его мальчики свободно говорили на стравинском и белашкийском языках, чтобы им никогда не приходилось зависеть от переводчика в дискуссиях с соседними народами. Оба мальчика научились ездить верхом почти так же быстро, как и ходить. У них был мастер меча, а сам Ливен обучал их военной истории. Возможно, отец и был деспотом, но он хотел, чтобы его сыновья были подготовлены к своему месту в мире.

Его мать, леди Бетани, из дома Егора... она подарила свою любовь обоим мальчикам. Мать Антона вышла замуж за их отца, когда ей было всего шестнадцать. Ливен был уже не молод, когда, наконец-то решился на поиски невесты. Леди Бетани была невысокого роста с мягким характером, с круглым личиком и копной каштановых волос. Казалось, время над ней не властно, и она не стареет. Когда Антон был совсем маленьким, он никогда до конца не понимал, что она была стеной между ним и всем остальным миром.

К тому времени, когда Антону исполнилось пять, Дамек уже начал проявлять по отношению к нему признаки жестокости. Однажды отец привез каждому из сыновей по тунике из Энемуска, и Антон надулся от гордости. Туника помогла ему почувствовать себя мужественным, и он был очень рад получить ее. Но прежде чем у него появилась возможность надеть ее хотя бы раз, он нашел ее разорванной на куски на своей кровати. Месяц спустя один из преподавателей похвалил почерк Антона, и мальчик просиял. Похвала была редкостью в их мире. В тот же день, зайдя в свою комнату, Антон обнаружил, что все его перья валялись, разломанные на куски, а весь запас чернил кто-то разлил по всему полу. Антон знал, кто это сделал. Но после каждого такого случая к нему приходила мать и наводила порядок. Она утешала его и обещала новую тунику или новые перья. Что-то в ее надежной доброте заставляло жестокие выходки Дамека казаться меньше.

Прошло три года, и когда Антону исполнилось восемь лет, отец объявил, что берет леди Бетани и мальчиков в путешествие. Антон был так рад этой новости, что едва сдерживал себя.

Домом семьи был замок Пален, и мальчики почти никогда не выезжали за пределы двора, за исключением тренировок по верховой езде. Принцу Ливену принадлежали и другие владения, и он решил совершить поездку, чтобы оценить нового вассала, которого он назначил в замок Кимовеск.

Дамек заметив волнение Антона, нахмурился.

Хотя путешествие заняло меньше суток, для Антона оно стало утомительным, но он ни разу не пожаловался. Он гордо ехал на пони рядом с лошастью своей матери и по-прежнему был полон решимости впитывать каждый новый образ, каждый новый звук.

По прибытии на место сам замок разочаровал Антона, в нем не было ничего величественного, как в их доме, но они с Дамеком поужинали в большом зале вместе со взрослыми, и это заставило Антона почувствовать и себя совсем взрослым.

На следующий день после обеда к нему пришел Дамек и спросил, не хочет ли он пойти

на разведку. Поскольку Дамек никогда не приглашал Антона ни во что поиграть, Антон ухватился за приглашение. Он хотел понравиться своему брату. Он хотел, чтобы они стали друзьями.

В течение следующего часа Дамек вел себя как брат, и двое мальчишек посетили нескольких стражников, и им даже разрешили прогуляться по крепостной стене замка. Потом Дамек взял фонарь и предложил спуститься вниз и осмотреть старую тюрьму, расположенную под главным залом. Антону все это так нравилось, что он ходил за братом, как щенок.

Дамек провел его через весь замок к лестнице, ведущей вниз. В большинстве деревень были свои тюрьмы, а поскольку дом Пален уже давно жил в мире с другими домами, старая тюрьма в Кимовеске больше не использовалась.

Когда братья вошли в то, что когда-то было караульным помещением, Антон уже начал сожалеть о своем согласии спуститься сюда. Здесь пахло сыростью, и он чувствовал себя... тоскливо. Он прошел через караульное помещение и посмотрел в конец коридора на двери камер, думая о прошедших временах и людях, которые здесь когда-то были заперты.

— Давай вернемся наверх, — предложил он Дамеку.

— Через минуту. Когда я раньше спускался сюда один я кое-что нашел. И хочу, чтобы ты это увидел.

Дамек спускался сюда раньше? Антон отправился за братом по коридору между камерами, в конце которого была небольшая дверь. Дамек открыл ее.

— Иди сюда. Смотри.

Антону стало интересно, что там можно увидеть, послушавшись брата, он подошел и заглянул внутрь. Но не увидел ничего, кроме темноты. Потом он почувствовал, как его толкнули сзади, и услышал громкий щелчок. После этого наступила тишина, Антон не слышал ни единого звука и ничего не видел. Вокруг стояла крошечная тьма, а дверь оказалась заперта.

— Дамек? — позвал он в замешательстве.

Ему никто не ответил.

В панике Антон побежал туда, где, по его предположению, должна была находиться дверь, и нашел ее, но она была заперта снаружи. Он колотил руками в дверь и кричал, все еще думая, что это какая-то ошибка. И снова никто не ответил, и не открыл дверь. Антон никогда в жизни так не боялся. Он понятия не имел, насколько большой или маленькой может быть комната... или что может находиться здесь вместе с ним.

— Дамек!

Антон провел в темной комнате остаток дня и всю ночь, потеряв ощущение течения времени и не переставая звать на помощь. Он помнил, как ему захотелось пить, а потом жажда превратилась в такую пытку, что он больше не мог звать на помощь. Через какое-то время разум начал играть с ним злые шутки. Антон представил, как из темноты на него надвигаются невидимые существа. В какой-то момент он поверил, что умрет здесь... от жажды.

Антон не знал, сколько прошло времени, когда послышался щелчок и дверь открылась. По другую сторону стоял Дамек с фонарем в руках.

— Можешь выходить, — сказал Дамек.

С горлом, пересошим так, что он не мог ни говорить, ни плакать от облегчения, Антон, спотыкаясь, вышел за дверь.

— Отец считает, что ты пропал, — объявил Дамек. — Он уже начал поиски. Я сказал ему, что в последний раз тебя видели идущим по крепостной стене, когда мы там играли, и что я побежал за яблоками, а потом, когда вернулся, то не смог найти тебя. Поэтому никому не пришло в голову заглянуть сюда. Когда мы с тобой поднимемся наверх, я скажу, что ты был дураком, спустился сюда и умудрился запереться. Я скажу, что спас тебя, — Дамек наклонился ближе, — если ты скажешь что-нибудь еще, я назову тебя лжецом, и отец поверит мне.

Трагедия заключалась в том, что Дамек был прав, и их отец не смог бы принять правду о том, что на самом деле произошло здесь, внизу. Такое было даже невозможно представить.

Позже Антон узнал, что Дамек оставил его в той комнате на два дня. Но в тот день его уложили в постель, напоили водой и накормили бульоном, чтобы он выздоровел.

К нему пришла мама и Антон увидел, что в ее глазах затаилась печаль. Отослав всех слуг, она села к нему на кровать:

— Это Дамек так поступил с тобой?

Антон заплакал. По крайней мере, его мать знала правду.

— Почему? — всхлипнул он. — Зачем он это сделал?

Мать сжала его руку:

— Слушай меня внимательно. Твой брат ревнует, потому что ты можешь чувствовать то, чего не может он. Он не может получать радость от новой туники или от похвалы наставника. Он не может... любить так, как любишь ты, и за это стремится причинить тебе боль. Внутри него что-то сломано, и я боюсь, что он не сможет удержаться от попыток наказывать тебя. Я никогда не думала, что он пойдет так далеко.

— Могу я рассказать отцу?

— Нет, это единственное, чего ты никогда не сможешь сделать. Твой отец уважает только силу, и он расценил бы твои жалобы как слабость. Я хотела бы видеть тебя достойным всякого восхищения, мой Антон, и для этого ты должен пользоваться уважением своего отца. — Леди Бетани наклонилась и прижала влажную тряпку ко лбу сына: — Но я присмотрю за твоим братом. Он знает, что я его сильно люблю, и я с ним очень осторожно поговорю на эту тему. Обещаю положить конец этим жестокостям.

С облегчением Антон закрыл глаза, наконец-то успокоившись, зная, что мать защитит его.

И она сделала это. Семья отправилась домой в замок Пален, и в течение следующих трех месяцев Антон не пострадал ни от одного инцидента, спровоцированного его братом. Леди Бетани часто гладила Дамека по спине или обнимала, называя своим «милым мальчиком», и Антону казалось, что Дамек стремился быть тем человеком, которого она видела в нем.

Но однажды за ужином леди Бетани выглядела странно и не могла ничего есть.

— Простите меня, милорд, — сказала она принцу Ливену. — Мне нездоровится. Могу я удалиться в свои комнаты?

Отец встал, поскольку такая просьба была необычной для их матери.

— Разумеется. Вам нужен врач?

— Нет. Думаю, мне нужно просто немного отдохнуть, — ответила леди Бетани, схватившись за правый бок.

До середины ночи она билась в агонии, а к утру умерла. Одна из служанок объяснила Антону и Дамеку, что их мать умерла от того, что называется разрывом, когда лопнул орган

в правом боку, и никто не мог ничего сделать, чтобы спасти ее.

Антон онемел от шока, но это оказалось и к лучшему, так как их отец ясно дал понять, что не потерпит слез от двух принцев Палена.

Мальчикам разрешили увидеть тело их матери, уложенное перед погребением. Дамек стоял с каменным лицом, глядя на нее сверху вниз. Даже тогда Антон, который так сильно зависел от своей матери, понимал всю глубину потери Дамека.

Дамек протянул руку и коснулся ее лица:

— Теперь она никогда не полюбит меня так, как должна была бы.

Ошеломленный, Антон выпалил:

— Она действительно любила тебя!

Глаза Дамека сузились, когда он поднял взгляд на брата:

— Тебя она любила больше. Все любят тебя больше.

Внутри Антона поселился холод.

В следующем месяце наступил день, когда принц Ливен купил мальчикам их первых щенков... и Антон очень полюбил свою собаку Стрелу. В ту же ночь, когда Дамек пришел в комнату Антона, демонстрируя братскую привязанность, Антону так хотелось в это верить.

Но после этого Антон больше никогда не позволял себе даже надеяться на нее, и в последующие годы Дамек, казалось, получал единственное настоящее удовольствие от того, что уничтожал или отсылал прочь все или всех, кто был дорог Антону. Иногда Антон задумывался, что было бы, если бы их мать осталась жива. Смогла бы она спасти Дамека? Он никогда не забывал ее слов о том, что внутри Дамека что-то сломалось и что он ничего не мог с собой поделать.

Антон никогда не рассказывал принцу Ливену ни об одном жестоком поступке Дамека. Он никогда этого не делает.

И все же сегодня... в эту ночь в замке Кимовеск он впечатал брата головой в стену и угрожал ему кинжалом. Впервые Антон не смог сдержать себя. Когда он увидел, как Дамек схватил Селин и укусил ее за ухо, что-то внутри него оборвалось. Часть его сожалела о потере контроля, но в то же время Антон без сомнения знал, что способен выполнить угрозу, данную брату... и никогда не оглядываться назад.

Глава 7

Была уже середина утра, а Селин и Амели все еще находились в своей комнате. Они составили план действий и решили, что первое, что им нужно сделать, это узнать больше о семье Рошель. После недолгого обсуждения сестры пришли к выводу, что просто спуститься вниз и попросить разрешения читать таких людей, как капитан Мэддокс или Джоанна было бы неразумно. Действуя таким образом, они могли непреднамеренно переложить на них вину. Как только удастся узнать немного больше об этой семье, они смогут лучше понять, у кого на самом деле могли быть причины пойти на такие крайние меры, чтобы помешать предстоящей свадьбе.

— Я думаю, что мы должны разделять и властвовать, — сказала Селин. — Я начну с Лизбет. Она может быть со мной откровенной. Ты попытай счастья с Хитом. Он, кажется, был увлечен тобой прошлой ночью перед... ну, перед смертью своего дяди.

Амели скорчила гримасу:

— Он не увлекался мной. Я просто была одной из немногих людей в зале, которые разговаривали с ним.

Да, бедняга Хит. Он оказался неспособен заявить о себе. Дядя относился к нему

снисходительно, а мать по большей части просто его игнорировала. И только сестры, казалось, были рады его обществу.

Хельга достала из шкафа два шерстяных платья, одно коричневое, другое темно-фиолетовое:

— Вам двоим сегодня следует надеть наряды более мрачных цветов.

Селин согласилась и взяла коричневое платье. В отличие от вчерашнего вечера, когда женщины Квиллетт были облачены в яркие цвета, сегодня семья будет в двойном трауре. А для этого лучше всего подойдут мрачные цвета.

— И никаких прогулок в одиночку сегодня! — приказала Хельга. — Никогда не думала, что ты такая глупая.

— Не начинай, — предупредила Селин.

Амели оглянулась, но сдержалась. Вчера вечером, когда они вернулись в комнату, произошла настоящая сцена: Амели требовала ответов, а Хельга подняла шум. Селин решила рассказать им правду о том, что произошло... решив, что обеих следует предупредить о Дамеке. Но она преуменьшила опасность, грозившую ей и быстроту появления Антона, и попросила Амели и Хельгу больше не поднимать эту тему.

Селин зашнуровала свое платье спереди и расчесала волосы. Царапина на щеке все еще была красной, но кровь уже перестала идти.

Амели надела темно-фиолетовое платье. Зашнуровав его, она опустил рукава поверх оружия в ножнах, закрепленного на предплечьях.

— Я умираю с голоду, — объявила Амели.

Селин тоже была голодна:

— Наверняка в большом зале подадут что-нибудь на завтрак. Можем спуститься и посмотреть, кто еще придет. Хельга, не хочешь пойти с нами? Если завтрак здесь хоть в чем-то похож на завтрак в Сеоне, то это будет непринужденная обстановка, где люди сами берут себе еду.

— Нет, — ответила Хельга. — Я думаю попытаться счастья на кухне и посмотрю, какие сплетни смогу подслушать.

— О... — кивнула Селин. — Хорошая идея. Мы должны сообщить принцу Антону и Рюрику, что собираемся спуститься?

И без того морщинистое лицо Хельги в задумчивости сморщилось еще больше:

— Нет, если они спят, пусть спят. Если не спят, то, скорее всего, уже внизу.

Яромир был прав, отправив с ними Хельгу. Она могла быть чересчур резкой, но в тоже время была разумной и полна решимости помочь.

Приняв такое решение все три женщины спустились вниз. Хельга повернула в коридор восточной башни, который тянулся вдоль более короткой стороны центральной части замка и вел на кухню. Селин и Амели прошли дальше по длинному коридору, идущему вдоль задней стены, ведущему в большой зал.

Пройдя под аркой, Селин оглядела всех присутствующих в зале. По большей части все выглядело как обычный завтрак в зале замка Сеон. Несколько стражников из Вьяранжа, Сеона и Кимовеска, толпились вокруг стола, угощаясь разложенной на нем едой. Слуги были заняты проверкой горшков и мисок.

Селин продолжала высматривать, кто присутствует из дворян. К ее облегчению, принца Дамека здесь не было, но она и не ожидала его увидеть. Он вообще редко выходил из своих покоев днем. Не было в зале и леди Хелены. Антон и Рюрик тоже еще не пришли. Однако

Рошель и леди Саорис вместе сидели в конце стола. Саорис потягивала из кружки чай. Рошель работала над вышивкой. Сегодня на ней было муслиновое платье серо-голубого цвета, выгодно оттенявшее ее рыжевато-золотистые волосы. Неподалеку сидели, рассеяно ковыряясь в тарелках, Лизбет и Хит. Оба выглядели немного растерянными. Капитан Мэддокс вытянулся по стойке смирно у задней стены, неотрывно наблюдая за Рошель.

Как раз в этот момент через западную арку вошел капитан Коче. Он оглядел зал, и медленно двинулся вперед, даже и не думая останавливаться у стола, чтобы поесть. Когда он проходил мимо Рошель, она напряглась, дернулась в кресле, как будто желая отодвинуться от воина как можно дальше. Капитан бросил на нее косой, полный ненависти взгляд, и Селин сделала мысленную пометку попытаться как можно быстрее выяснить, что произошло между этими двумя, если, конечно, между ними вообще что-то произошло.

— Начнем, — шепнула Амели.

Первым делом сестры вежливо поздоровались с Рошель и Саорис.

— Как дела у вашей матери? — спросила Селин.

На миг Рошель опустила глаза на вышивку и снова подняла их на сестер с выражением вины, как будто ее в чем-то уличили:

— Она еще спит, и с ней сидит ее горничная. Я... мне пришлось выйти на несколько минут.

— Вы правильно сделали, что дали ей поспать, — ответила Селин, — и вы самолично не можете сидеть с ней весь день.

Рошель улыбнулась. Леди Саорис слушала разговор между девушками с некоторым интересом, но так ничего и не сказала.

Завтрак состоял из овсянки, вареных яиц и грушевого компота. Разложив еду по тарелкам, сестры сели за стол рядом с Лизбет и Хитом. Селин показалось, что Лизбет была рада ее видеть.

— Овсянка остыла, — заметила Лизбет.

— Мне все равно.

Потом Лизбет с интересом посмотрела на Амели. Этим утром та не уложила волосы, и они свободно ниспадали до плеч.

— Твои волосы.

— О да... мне нравится носить их вот так, — улыбнулась Амели.

— Интересно, позволит ли мне мама так делать? Было бы намного легче расчесываться.

— Не думаю, — отозвался Хит.

Амели взглянула на молодого барона и поинтересовалась, удалось ли ему поспать. Селин так и не услышала ответа. Быстро поев, она осмотрелась в поисках хотя бы одного из стражников Сеона. Сержант Базин стоял всего в нескольких шагах от нее.

— Сержант, — начала она, — вы пришли из казармы этим утром? Как там погода?

— Неплохо, мисс. Небо серое, но дождя пока нет.

Селин повернулась к Лизбет:

— Мне так хочется подышать свежим воздухом. Не прогуляться ли нам по внутреннему двору? Может быть, посмотрим лошадей?

Глаза Лизбет загорелись, как Селин и ожидала. Это девочка лазила бы по деревьям, если бы ей разрешила мать. Она ухватится за любую возможность выбраться из этого зала и заняться чем-нибудь... да чем угодно.

Лизбет уже была на ногах:

— Рошель, можно мне пойти погулять во внутренний двор с Селин?

Селин немного удивило, что Лизбет очень вежливо попросила разрешения, для этого она казалась довольно упрямой, и еще больше удивило, что она спросила об этом Рошель, а не Хита.

Рошель заколебалась и посмотрела на Мэддокса. Селин не знала, почему, пока сержант Базин не вышел вперед и не обратился к Рошель.

— Я пойду с ними, миледи. Убедиться, что они в безопасности.

Тогда Селин поняла, что Рошель обдумывала, оставить Мэддокса здесь или отправить его с Лизбет.

Селин бросила на Базина благодарный взгляд и вместе с Лизбет вышла из зала через западный вход. Девушки прошли через нижний коридор одной башни, вошли в странную полубашню и вышли через парадные двери. Базин шел за ними на почтительном расстоянии. Когда они вышли на легкий утренний воздух Лизбет чуть ли не вприпрыжку побежала рядом с Селин.

— О, спасибо, — сказала она. — Давай погуляем как можно дольше.

Двор был большим, но народа там было не много. Селин направилась к конюшням, Лизбет шагала рядом. Базин держался на расстоянии, наблюдая, но оставаясь вне пределов слышимости. Селин пару минут размышляла, как лучше начать поиски ответов на свои вопросы. Во-первых, никого нельзя было сбрасывать со счетов как убийцу, даже юную Лизбет. Она казалась неуклюжей девочкой-подростком, и Селин верила, что она невинна, но даже за короткое время служения провидицей у Антона, она встречалась с несколькими очень хорошими актерами. В конце концов, Селин решила откровенно поговорить с Лизбет.

— Лизбет, — начала она, — я надеюсь, ты не будешь возражать, но отчасти причина, по которой я предложила прогулку, заключалась в том, чтобы мы с тобой могли поговорить наедине.

Девушку такое признание не испугало:

— В самом деле? Почему?

— Потому что нас с сестрой наняли, чтобы мы выяснили, кто убил Карлотту и твоего дядю, и некоторые моменты в этом деле для меня все еще туманны. Я надеялась, что ты сможешь помочь.

Лизбет на мгновение замешкалась:

— В чем?

— Например, после смерти Карлотты кто из членов твоей семьи грозил собрать вещи и уехать?

— О, это был Хит, — Лизбет снова расслабилась. — И я. Я думаю, Хит даже обвинил Дамека в том, что это именно он отравил Карлотту.

— Но твои мать и дядя никогда не грозили уехать?

Лизбет фыркнула:

— Конечно, нет.

— А, когда вы с Хитом предложили уехать, они как-то протестовали или отчитывали тебя или Хита?

— Неужели они... нет, они не протестовали. Может быть, как только мы предложили уехать, они испугались, что будут выглядеть так, будто им все равно, что Карлотта мертва. А почему ты спрашиваешь?

— Мы приехали, потому что принц Дамек считал, что ваша семья была на грани

отъезда.

— О, этого никогда бы не случилось, — Лизбет покачала головой. — Мама и дядя Хэмиш были настроены на то, чтобы Рошель вышла замуж за Дамека. Мама все еще так считает, поверь мне. Дамек будет следующим великим принцем, и мама настроена на то, чтобы Рошель стала великой принцессой.

Селин остановилась:

— Это всего лишь предположение. Невозможно точно сказать, кто будет следующим великим принцем.

Лизбет тоже остановилась, слегка склонив голову:

— За последние несколько лет открылись лучшие торговые пути с Белашкией, и дом Пален контролирует западную провинцию Древинки. Белашкия — богатая страна, и все принцы хотят иметь великого принца, который сможет продвинуть торговлю еще дальше. Принц Ливен назовет Дамека наследником, а остальные принцы изберут его, когда придет время. Мама никогда не ошибается в таких вещах.

В первые минуты Селин была настолько ошеломлена тем, как девушка разбирается в политике, что не знала, что ответить. Но потом все же сказала:

— Мне кажется, ты забыла принца Антона.

— Нет. Все знают, что принц Ливен предпочитает Антона, да и кто бы не предпочитал? Но принцы не выберут Антона. Они считают, что он слаб. Ливен может предпочесть Антона, но не настолько, чтобы потерять возможность видеть свою семью у власти. Он назовет Дамека.

— Антон — лучший лидер, чем Дамек.

— Конечно, это так, — вздохнула Лизбет, как будто Селин была бестолковой дурочкой. — Ты знаешь это. Я знаю это. Большинство людей знают это. Но никто из нас не имеет права голоса в этом вопросе, а принцы не выберут Антона. Ливен знает это. Он назовет Дамека своим наследником.

У Селин голова шла кругом:

— Значит... твоя мать и дядя считают, что благодаря этому браку Рошель действительно станет женой великого принца? А что Рошель думает обо всем этом?

Лизбет пожала плечами:

— Кто знает? Рошель не смогла бы сказать «бу» гусю, настолько она застенчива и не уверена в себе. Она сделает все, что ей скажут. Хит такой же. — Она немного помолчала и продолжила: — Я люблю своих брата и сестру. Они добры ко мне, но... ни у кого из них нет ни капли мужества.

— Ты любила Карлотту? — резко спросила Селин, останавливаясь.

— Нет, — с легкостью ответила Лизбет. — Никто ее не любил. Карлотта не была милой. Вот почему она так ревновала к Рошель.

Селин медленно пошла дальше:

— Она ревновала?

— На это было ужасно смотреть. В течение многих лет мужчины связывались с отцом, делая предложения руки Карлотте, но потом встречались с ней лично. И даже самые отчаявшиеся из них решали, что связывать свою жизнь с ее жизнью не стоит денег моего отца. Карлотта была озлобленной, грубой и властной. Она никому не нравилась. Но каждый мужчина, который переступал порог нашего поместья, безумно влюблялся в Рошель. Она из тех, кого они все хотят... красивая, тихая, и делает то, что ей говорят.

Хотя Селин последняя фраза показалась довольно несправедливой оценкой мужчин, она не отступала:

— Но Карлотта вела переговоры о браке Рошель с Дамеком. Если она была такой ревнивой, зачем так старалась сделать свою сестру великой принцессой?

На этот раз остановилась Лизбет. Девушка посмотрела на Селин, приподняв одну бровь.

— Ты знакома с Дамеком? — с иронией спросила она. — Он из тех, кто, вероятно, держит пару кандалов и хлыст для верховой езды под своей кроватью.

— Лизбет!

— Ну, он такой. Я думаю, Карлотта хотела, чтобы Рошель страдала до конца своих дней.

Они снова не торопясь пошли вперед. Перед ними возвышалась конюшня. Селин все еще пыталась осознать все, что только что услышала.

— Селин... — медленно начала Лизбет, сменив тон. Сейчас она снова стала похожа на неуверенную девочку-подростка. — Ты действительно можешь читать будущее?

— Могу.

— А ты могла бы... могла бы прочитать мое? Учитывая все, что здесь происходит, я хочу знать... Я хочу знать, что у меня вообще есть будущее.

— О, моя дорогая, — искренне выдохнула Селин. Несмотря на собственную предосторожность, она не могла сдержать растущей привязанности к Лизбет.

— Ты прочтешь меня? — снова спросила девушка.

Селин огляделась в поисках более уединенного места и заметила нишу у основания восточной башни:

— Вон там.

***

Поев Амели вытащила из кармана своего платья колоду карт, которую положила туда перед тем, как вышла из комнаты.

— Хочешь сыграть? — спросила она у Хита.

Удивленный ее предложением, парень с минуту смотрел на колоду, а затем махнул служанке, чтобы та убрала их тарелки. Амели было трудно понять его. Он был застенчив и не уверен в себе, но точно привык к тому, что ему подчиняются.

Сидя очень близко к парню, Амели заметила, что на нем была та же черная шерстяная рубашка с длинными рукавами, которая была на нем вчера вечером под туникой. Она рассмотрела каждую черточку его лица и шелковистые рыжевато-светлые волосы. Черты лица у парня от носа до подбородка, были такими же изящными, как и у Рошель. Амели невольно почувствовала свое с ним сходство. Ей самой не хватало тех женских качеств, которые большинство мужчин считали привлекательными. Хотя ее это не волновало, Амели знала, каково это — чувствовать себя обособленной.

Несмотря на это, она не могла не думать, как парень отнесся к смерти дяди. Амели сомневалась, что он был в трауре..., и кто мог его винить в этом? Хэмиш только и делал, что унижал Хита прошлым вечером.

Снова взглянув на колоду карт, Хит сказал:

— Я немного позавидовал, когда твоя сестра попросила Лизбет пойти прогуляться. Может быть, мы с тобой могли бы сделать то же самое? Я был бы рад выбраться из этого зала.

Амели колебалась. Если они выйдут во двор, Лизбет и Селин могут присоединиться к ним, а Амели хотела поговорить с Хитом наедине, в надежде, что он будет более

откровенным. В то же время она не хотела отказываться от его приглашения.

— Куда мы пойдём? — спросила Амели.

— В минуты отчаянной скуки я исследовал нижние уровни. Там есть кое-что интересное.

Амели сильно сомневалась в этом, но так, по крайней мере, она могла бы отвлечь его от одиночества.

— Веди, — сказала она, стараясь казаться беззаботной.

Хит встал, взял с края стола маленький фонарь и подошел к Рошель:

— Я собираюсь размять ноги с мисс Амели. С тобой здесь все будет в порядке? Останешься с леди Саорис или, может быть, хочешь пойти с нами?

Рошель улыбнулась Хиту, а потом подарила улыбку Амели. Она была ослепительна.

— Вы двое идите. Я должна остаться здесь на случай, если мама проснется. Я сказала одной из горничных, чтобы она сразу же пришла за мной. — Рошель указала на розовую розу на своей вышивке. — А леди Саорис показала мне новый способ завершить вышивку кромки.

Недолго думая, Амели посмотрела на Саорис и поинтересовалась:

— Ты разбираешься в вышивке? — и тут же поняла, как оскорбительно это могло прозвучать.

Саорис просто приложила палец к губам:

— Никому не говори. Это секрет.

Амели изо всех сил старалась не выдать дрожь. От этой женщины у нее мурашки бежали по коже.

— Тогда без нас тебе будет лучше, — констатировал Хит, жестом отодвигая Амели от стола, и с притворной галантностью обращаясь к своей сестре: — Обещаю защищать ее ценой собственной жизни.

— Я знаю, что ты так сделаешь, — ответила Рошель.

Амели поймала себя на мысли, что если они и столкнутся с трудностями, что маловероятно, именно она будет той, кто защитит его. И в то же время девушка чувствовала открытую привязанность между Хитом и Рошель. Понаблюдав за отношениями Дамека и Антона, Амели испытала какое-то счастье, познакомившись с братом и двумя сестрами, которые действительно любили друг друга. Сама Амели любила Селин больше всех на свете и не могла представить мир без нее. Казалось, Хит и Рошель полностью совпадали друг с другом, были равными.

— Куда? — спросила Амелия.

— Следуй за мной.

Хит повел ее по коридору в конце которого находилась боковая комната с открытым арочным проемом вместо двери. В конце комнаты, в самом темном ее углу оказался еще один арочный проем, более узкий, чем все остальные. Хит вошел прямо в него.

— Куда мы идем? — с любопытством спросила Амели. Интересно, что внизу может быть настолько интересного, чтобы заманить туда молодого барона?

Хит остановился, держа в руках фонарь:

— Эта лестница ведет вниз, в старую тюрьму. Я знаю, это звучит жутко, но мне нравится гулять там, внизу. Там тихо. Но если ты не хочешь идти, я пойму.

Тюрьма? Амели пожала плечами. Она уже видела старые тюрьмы, в замке Сеон. Они не особенно интересовали ее, но и не беспокоили. Там они смогут свободно поговорить.

— Нет, все в порядке. Иди вперед. Я пойду за тобой.

Хит повел ее вниз по винтовой лестнице, и скоро они оказались в помещении, которое когда-то было, караульной комнатой. У одной стены находился очаг, напротив, примерно в десяти шагах от очага, стоял старый полуразвалившийся письменный стол. Рядом с тяжелой деревянной дверью на другой стороне комнаты висела связка ключей. Дверь была открыта.

Хит и Амели прошли прямо в эту дверь. За дверью, примерно на середине комнаты, стоял ряд клеток, в конце которого Амели заметила маленькую закрытую дверь.

Хит оглянулся:

— Ты точно не против? Это единственное место в замке, где я могу быть уверен, что меня никто не потревожит.

— В тюрьме Кимовеска?

Он помрачнел:

— К тому же... я знаю, это звучит странно, но я не возражаю против камер. Бывают дни, когда я не могу придумать ничего лучше, как запираюсь где-нибудь, где меня никто не найдет.

Амели начала понимать его немного лучше. Может быть, не так уж и странно, что ему здесь нравилось.

— Хит... — начала она. — Я знаю, что это не мое дело, но тебя не беспокоит, что твоей сестре предлагают выйти замуж за принца Дамека?

К счастью, вопрос его не оскорбил:

— Беспокоит? Конечно, беспокоит. Дамек немногим лучше животного, но Рошель знала себе цену и свое место с тех пор, как мы были детьми. Ее судьба всегда заключалась в том, чтобы выйти замуж за того принца или дворянина, который возвысит нашу семью. Моя судьба — унаследовать титул отца и играть роль барона. Ни один из нас не может избежать этого, и мы оба прекрасно это знаем, — он говорил все безучастным, покорным голосом. Словно прочитав выражение ее лица, он добавил: — Я действительно сожалею о жизни, к которой ее принуждают, но у меня нет сил остановить это. Как и у нее.

— Ты можешь попытаться бороться со своей матерью.

Хит невесело рассмеялся:

— Никто не борется с матерью. Иногда я думаю, что отец умер нарочно. — Повернувшись, он окинул взглядом ряд камер: — Здесь так спокойно.

Амели не знала, что сказать. Кто-то боролся с его матерью. Кто-то был готов убить, чтобы остановить этот брак. Кто это был?

— Может быть, нам стоит вернуться наверх? — предложила она.

— Ты этого хочешь?

— Думаю, что да.

Немного неохотно Хит вышел из камеры, высоко поднял фонарь и повел ее через караульное помещение.

***

Прежде чем проскользнуть в нишу вместе с Лизбет, Селин повернулась к сержанту Базину и подняла руку, давая ему знак держаться на расстоянии.

Внутри ниши она заметила маленькую каменную скамью:

— Подойди и сядь сюда.

— Что теперь? — спросила Лизбет тихим голосом. — Ты просто прикоснешься ко мне, как Амели прикасалась к Джоанне?

— Да, и все.

— И ты обещаешь, что расскажешь мне, о том, что увидишь, что бы это ни было?

— Обещаю.

Селин взяла руку Лизбет в свою. Закрыв глаза, она полностью сосредоточилась на девушке, на искре ее духа. Сначала ничего не происходило, но мгновение спустя произошел первый толчок. Селин стиснула зубы, готовясь. Когда последовал второй толчок, она почувствовала, как ее тело понесло вперед по туннелю из тумана, и забыла обо всем, кроме ощущения, что мчится сквозь туман, клубящийся вокруг нее серо-белыми облаками.

Путешествие было недолгим, и почти сразу же туман рассеялся, и перед ней вспыхнула картинка. Селин находилась в большом зале... здесь, в Кимовеске. Первым человеком, которого она увидела, была она сама, одетая в свое любимое шерстяное платье лавандового цвета. Девушка предположила, что этот день назначен на какое-то время в ближайшем будущем, и вечер еще не наступил. Леди Саорис сидела в кресле неподалеку. У очага стояли леди Хелена, Амели, Рошель и Хит. Антон вместе с Рюриком находились недалеко от арки. Лизбет нигде не было видно.

Как такое могло быть? Это было будущее Лизбет.

— Нет, — приказал Антон. — Я сам вернусь и приведу ее.

Прежде чем кто-либо еще успел заговорить, по большому залу разнесся эхом крик. Все обернулись. Из восточной арки вбежала Лизбет, руки и подол ее платья были залиты кровью.

— Он мертв! — истерично кричала она.

Селин увидела, как она сама бежит к девушке:

— Лизбет!

— Он мертв! — Лизбет снова заплакала. — Я наклонилась, чтобы дотронуться до него, чтобы убедиться, но он мертв.

Сцена исчезла, и туман снова сомкнулся, на этот раз унося ее назад.

Селин ахнула, открыла глаза и обнаружила, что сидит на каменной скамье и смотрит в испуганные глаза Лизбет.

— Что? Что ты видела?

Селин мгновенно успокоилась, она не собиралась рассказывать Лизбет о том, что только что увидела. Туман всегда показывал ей то, что было самым важным, то что было ключом к ее вопросам, а она еще не понимала значения этого видения. Не было смысла пугать Лизбет новостью о том, что она наткнется на чью-то смерть. Будущее еще можно было изменить. Это было первым, что она узнала после того, как приняла силу своего дара.

— О, прости меня, — Селин улыбнулась. — Иногда, когда я резко выхожу, это может сбить с толку. — Она все еще сжимала руку Лизбет. — Я не видела ничего, что мог-ло бы тебя тревожить. Я видела тебя чуть постарше, чем ты сейчас, стоящей на клубничном поле.

По дороге из Сеона Антон упомянул, что семья Квиллетт также известна прекрасной клубникой, которую они выращивают на полях.

— О... потом я вернулась домой, в поместье, — сказала Лизбет. — Это все, что ты видела?

— Да, но по твоей просьбе я попросила туман показать мне, есть ли у тебя будущее. И он показал мне, что оно у тебя есть. Ты благополучно покинешь это место и вернешься домой. — Селин была полна решимости, что таким и будет будущее Лизбет. Теперь она точно знала, что девушка не виновна в этих убийствах. Если бы Лизбет была замешана, туман показал бы нечто иное. — Может, нам вернуться внутрь и проверить, как там твоя

сестра? — поинтересовалась Селин.

На открытом лице Лизбет промелькнуло чувство вины:

— Наверное, но не могли бы мы... не могли бы мы сначала сходить к лошадям? Я люблю лошадей больше, чем большинство людей.

— Да, конечно, можем сначала сходить к лошадям.

Выйдя из ниши, они направились к конюшням.

— Так же я люблю собак, — добавила Лизбет. — Ты заметила, что здесь нет собак? Принц Дамек говорит, что они ему не нравятся.

Действительно, Селин заметила отсутствие собак, но даже не могла притвориться, что понимает Дамека.

***

Антон и Рюрик спустились в большой зал. Хотя Антон почти не спал, он был полон решимости помочь Селин и Амели всем, чем сможет... чтобы они нашли убийцу и оставили этот замок и всех, кто в нем находится, далеко позади.

Оглянувшись вокруг, Антон почувствовал, как его охватывает тревога: он не увидел ни одной из сестер. Перед тем, как спуститься вниз они с Рюриком зашли к ним в комнату. Комната была пуста. Если сестер здесь не было, где они могли быть?

За столом, тихо разговаривая друг с другом сидели Рошель и леди Саорис. Антон быстро пересек зал, Рюрик следовал за ним по пятам.

— Миледи, — обратился к Рошель принц, — мисс Селин и мисс Амели уже пришли на завтрак?

— Да, — безмятежно ответила Рошель, — и я у них в долгу. И Лизбет, и Хит были совершенно несчастны, и ваши провидицы проявили достаточно доброты, и заняли их кое-чем, помимо сидения здесь.

Антон расслабился:

— О, понимаю. Благодарю вас. Где они?

— Мисс Селин вывела Лизбет подышать свежим воздухом во внутренний двор. Я не уверена, куда ушли Хит и мисс Амели. Похоже, ему нравится исследовать окрестности.

К Антону вернулась тревога. Сестры разделились? На мгновение он застыл в нерешительности, кого из них искать в первую очередь. Проблема исчезла, когда через восточную арку в зал вошли Амели и Хит.

— Прошу меня извинить, — откланялся Антон, — мне нужно разыскать с мисс Селин.

— Не хотите позавтракать? — спросила леди Саорис.

— Позже, — ответил принц и даже не дожидаясь приветствия Амели, направился к западной арке, и снова Рюрик шел за ним по пятам. Они прошли через первую западную башню, вошли в странную полубашню и вышли через главные двери замка. Прищурившись от дневного света, Антон осмотрел двор, но увидел только солдат. А потом он увидел сержанта Базина, стоявшего у дверей конюшни. Антон и Рюрик подошли ближе.

— Они внутри, милорд, — сказал Базин. — Я присматриваю за ними.

В порыве благодарности Антон кивнул:

— Спасибо, сержант. Вы оба подождите здесь.

Едва войдя в конюшню, принц услышал женские голоса. Пройдя между стойлами, впереди он увидел Селин и Лизбет, девушки стояли у двери в стойло Соболя. Кобыла высунула голову из-за двери и ела зерно из рук Лизбет.

— Милорд, — Селин обернулась к Антону. — Все в порядке?

— Да, все хорошо. Я просто... я хотел... — он замолчал, не зная, как продолжить. Антон хотел обсудить составленный Селин список людей у которых мог быть мотив для убийства.

Селин перевела взгляд с него на Лизбет:

— Милорд, если у вас есть вопросы, касающиеся расследования, вы можете говорить свободно. Я доверяю Лизбет, она очень помогла мне этим утром.

Все еще осторожничая, Антон задумался, сколько из сказанного Селин было правдой, а сколько — для блага девочки.

Но Лизбет его опередила:

— Вчера вечером вы откровенно рассказали о причине вашего приезда сюда, милорд. Это не секрет.

Антон вздохнул:

— Селин, ты читала кого-нибудь еще? Принц Дамек проспит большую часть дня, но когда проснется, захочет получить ответы.

— Она прочитала меня, — сказала Лизбет. — Я попросила ее об этом.

Селин кивнула в знак подтверждения, но больше ничего не добавила, и Антон понял, что лучше не спрашивать.

— Вы с Амели можете сделать еще несколько чтений сегодня? — спросил Антон. — Мне нужно будет хоть что-то сказать Дамеку.

— Есть несколько человек, к которым у нас есть... интерес, — ответила Селин. — Но боюсь, что если мы открыто будем настаивать на чтении, то можем направить обвинение по ложному пути. Я бы хотела сделать это более тихо.

Лизбет перестала гладить Соболя и с любопытством спросила:

— С кем?

Антон понял, что Селин втягивает девушку в разговор, направляя, поэтому промолчал.

— Ну... — ответила Селин, — капитан Мэддокс, например

Вместо того чтобы выразить потрясение, Лизбет отвела взгляд:

— Ты хочешь прочитать капитана?

— Хочу, но только если он согласится, и если я смогу сделать это уединенно. Как думаешь, ты могла бы помочь нам в нашем расследовании?

Антон нашел такую тактику блестящей. Девушке было скучно, на нее не обращали внимания. Возможно, она ухватится за шанс сделать что-то для того, кто ее ценит.

Однако Лизбет колебалась:

— Я не хочу создавать никаких проблем капитану Мэддоксу. Он живет с нами и руководит нашей домашней стражей. Он хорошо ко мне относится. Однажды, после того как мама была особенно недовольна всеми моими недостатками, он вывел меня на улицу и позволил покататься на своей лошади.

— Тогда помоги мне сделать это наедине, — сказала Селин, — чтобы хоть как-то оправдать его.

Лизбет еще мгновение колебалась и кивнула:

— Хорошо. Я пойду и скажу ему, что мне нужно, чтобы он кое-что здесь увидел, — с этими словами она поспешила к двери конюшни.

— Ты хорошо справилась, — сказал Антон Селин.

Она отвела взгляд:

— Я просто надеюсь, что Мэддокс невиновен.

***

Селин была готова к тем или иным трудностям, как только капитан Мэддокс вошел в дверь конюшни вместе с Лизбет.

— Лизбет, — раздался голос капитана, — что вы хотите мне показать? Я оставил вашу сестру одну в зале.

При виде Селин и Антона он замер.

— Простите за уловку, капитан, — сказал Антон. — Мой брат уполномочил мисс Селин прочесть всех, кто связан с семьей его будущей невесты, но мы стараемся, чтобы это было как можно более конфиденциально.

Мэддокс напрягся:

— И вы использовали Лизбет, чтобы вытащить меня сюда?

— Только для того, чтобы оправдать вас, — вмешалась Лизбет. В голосе девочки сквозило огорчение. — Пожалуйста, капитан.

— Это должно быть сделано, — ответ Антона был категоричен. — Мы можем сделать это здесь или позже, в большом зале, когда мой брат проснется, и в присутствии всех остальных.

Возможно, это была пустая угроза. Селин понятия не имела, может ли Дамек приказать Мэддоксу подчиниться.

Тяжело покачав головой, Мэддокс выдохнул сквозь зубы:

— Это безумие! Делай то, что должна, но быстро. Мне нужно вернуться назад. Рошель беззащитна.

— Сейчас Рошель в большей безопасности, чем когда-либо, — возразила Селин. — Рядом с ней несколько вооруженных стражников из Вьяранджа.

Мэддокс пристально посмотрел на нее:

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Подойди и сядь на этот старый сундук, — ответила Селин. — Нам обоим нужно сидеть. И позволь мне коснуться твоей руки.

Антон и Лизбет наблюдали за происходящим. Бедняжка Лизбет выглядела расстроенной, возможно, она сожалела о своем участии в этом. Сам Мэддокс казался рассерженным. Он не выказал никакого страха перед перспективой того, что Селин прочтет его. Либо он не верил, что она провидица, либо ему нечего было скрывать.

Капитан сел рядом с Селин, снял одну перчатку и протянул руку. Она взяла ее и закрыла глаза, нащупывая искру его духа. На этот раз Селин сосредоточила внимание на его связи с семьей Лизбет. Если он причастен к этим убийствам, его мотив должен быть раскрыт.

Последовал первый толчок. Селин напряглась. Когда последовал второй толчок, она почувствовала, как ее понесло вперед по туннелю тумана. И снова путешествие было коротким, даже короче, чем с Лизбет. Перед ней вспыхнула картинка.

Селин оказалась на лестнице у входа в восточную башню. Заглянув внутрь, она была потрясена увиденным. Капитан Мэддокс держал Рошель в своих объятиях. На ней было то же самое голубовато-серое платье, что было надето на ней сегодня за завтраком. Селин решила, что видит то, что произойдет сегодня, немного позже.

— Ты не можешь оставаться здесь, — говорил Мэддокс, прижимая ее к своей груди. В его голосе звучала мука. — Ты не можешь этого сделать. Не можешь связать свою жизнь с этим принцем.

— У меня нет выбора, — ответила Рошель, отстраняясь от него достаточно далеко,

чтобы протянуть руку и коснуться лица мужчины. — Мы оба это знаем.

— Я ничего такого не знаю! — резко прошептал Мэддокс. — Я заберу тебя отсюда. Тебе нужно только согласиться пойти со мной. Я могу вывести нас за ворота. Мы поедем в Белашкию и там устроим свою жизнь. Ты знаешь, я буду заботиться о тебе.

Шок от увиденного у Селин усилился. Мэддокс просил Рошель бежать с ним. Селин подозревала, что у него есть чувства к Рошель... но такого она не ожидала.

— И навлечь позор на семью? На мою мать? Я не могу! Пожалуйста, пожалуйста, не проси меня об этом! Ты только мучаешь нас обоих. Если бы ты любил меня, ты бы позволил мне исполнить мой долг. — Рошель оттолкнула его, и он позволил ей сделать это.

Она побежала вверх по лестнице. Проводив ее взглядом, Мэддокс прислонился лбом к стене.

Сцена исчезла, и туман снова сомкнулся, на этот раз потянув Селин назад. Открыв глаза, она уставилась на Мэддокса. Под ее взглядом капитан невольно передернулся. На этот раз Селин было сложнее притворяться спокойной, но каким-то образом, когда она заговорила, ей удалось сказать извиняющимся тоном:

— Простите меня, капитан. Я ничего не видела. Такое иногда случается, когда я ничего не вижу.

Капитан не был дураком. Внимательно изучив лицо Селин, он через мгновение кивнул.

— Значит, с него сняли подозрения? — с тревогой спросила Лизбет.

— Да, с него сняли подозрения, — Селин взглянула на Антона. Ей нужно было многое ему рассказать, как только они останутся наедине.

Лизбет бросилась к капитану и взяла его за руку:

— Мне так жаль. Мисс Селин решила, что так будет лучше.

— Вам не за что извиняться, — ответил Мэддокс. — Но сейчас вы вернетесь со мной в зал.

— Конечно, — Лизбет оглянулась. — Милорд... Селин, вы идете?

Селин ободряюще улыбнулась:

— Прямо за тобой.

Глава 8

Большая часть дня пролетела быстро, хотя больше ничего примечательного не произошло. Выйдя из конюшни Селин, Лизбет, Антон и Мэддокс вернулись в большой зал. Дамек так и не появился. Не появилась и леди Хелена. Около полудня вежливо извинившись, удалилась в свои комнаты леди Саорис.

Если бы хозяином дома был не Дамек, а кто-то другой, Селин удивилась бы, что никто не позаботился о развлечениях для гостей. Большую часть дня Дамек спал и бродил по замку большую часть ночи. Возможно, он был настолько поглощен собой, что ему и в голову не приходило показывать гостеприимство или менять свои привычки даже ради семьи своей будущей невесты. Так что, в зале остались Селин, Амели и Антон вместе с Рошель, Хитом и Лизбет.

Никто не упоминал о лорде Хэмише, и было не похоже, что его племянники будут изображать фальшивый траур, поэтому Селин решила, что всем им нужно провести оставшееся время как можно более приятно. Пока Дамек не проснется, и она не сможет заставить его приказать некоторым своим людям пройти процедуру чтения, дальнейший прогресс в расследовании был невозможен. Селин хотела бы прочитать и Хита, и Рошель, но сейчас было неподходящее время просить об этом, а еще она боялась, что это может

разрушить хрупкое доверие, которое они с Амели установили с этими людьми. И... по правде говоря, Селин было трудно представить кого-то из них в роли убийцы. Хотя у Рошель и мог быть мотив не выходить замуж за Дамека, она, как казалось, была не против такой перспективы и, похоже, всеми силами пыталась оказать честь своей семье. Хит выглядел почти неспособным предпринять какие-либо действия.

— Может быть, сыграем в карты? — предложила Селин Амели. — Что-нибудь веселое?

Амели организовала веселую карточную игру под названием «Поймай королеву», которая вызвала неожиданно много смеха. Из колоды убрали трех королей, оставив только одну, а затем сдали всю колоду. Игроки передавали карты тому, кто сидел слева от них, каждый старался подобрать пары и положить их на место. Когда у игрока на руках оказывалась пустая карта, он выигрывал игру и громко объявлялся «победителем», а тот, у кого в этот момент оставалась королева, громко объявлялся «неудачником». Игра была легкомысленной и простой, и чаще всего неудачником называли Антона. Лизбет все происходящее казалось особенно забавным, и она продолжала дразнить принца, что он принимал с легким изяществом.

Капитан Мэддокс стоял у стены, наблюдая за происходящим вместе с Рюриком. Но если Рюрик иногда улыбался, то Мэддокс был абсолютно серьезен. Как только карточная игра исчерпала себя, Селин рассказала несколько историй, комичных и захватывающих. Вдохновленный ее выступлением, Хит сбегал в свою комнату и вернулся с лютней. Он сыграл несколько песен, и Селин нашла его весьма искусным. Должно быть, у него был хороший учитель музыки.

В середине дня спустился слуга и сообщил Рошель, что ее мать проснулась. Девушка извинилась и вышла вместе с Мэддоксом, который неотрывно следовал за ней. Селин смотрела им вслед, и ей было интересно, не разыграется ли прямо сейчас сцена, которую она прочитала в будущем капитана. Должна ли она что-то сделать, чтобы остановить это, или позволить этому случиться? Должна ли Рошель узнать, что у нее есть выход? А если она решит им воспользоваться? Способности Селин отличались от способностей Амели. То, что Амели видела в прошлом, было высечено на камне. Его уже невозможно было изменить. Но будущее все еще было изменчивым. Если Селин решит действовать, она сможет все изменить. Сомнения удержали ее, и она осталась в зале.

К столу подошел Рюрик и какое-то время обучал Лизбет игре в кости. После этого Селин решила, что уже достаточно поздно, они могут извиниться и отправиться немного отдохнуть перед ужином. Если то, что она видела в будущем Мэддокса, произошло на лестничной площадке, то к настоящему времени все уже закончилось.

— Ладно, — сказала она, — думаю, нам всем стоит отдохнуть, перед выходом к ужину.

— О, еще немного, — взмолилась Лизбет. — Это первое развлечение с тех пор, как мы приехали сюда.

— Нет, мисс Селин права, — сказал Хит. — Пойдем, Лизбет.

Но в голосе парня звучало такое сожаление, что было даже немного грустно, что богатые молодые дворяне в течение нескольких часов находят истинное удовольствие в игре в карты и простых развлечениях.

— Мы просто закончим карточную игру, — сказала Селин.

Выйдя из зала Хит и Лизбет пошли к лестнице в восточной башне. Селин, Антон Амели и Рюрик дали им время добраться до нее и только после этого все вместе покинули зал. Селин выпала первая возможность, поговорить с ними наедине. В коридоре, тянущемся

вдоль задней части замка она попыталась как можно быстрее рассказать, что узнала этим утром.

Селин опустила подробности того, почему леди Хелена была так уверена, что Дамек станет следующим великим принцем, но рассказала все новости о замыслах семьи Квиллетт, о которых ей удалось узнать. Она рассказала, что увидела в чтении Лизбет, а потом ей пришлось дважды заверять Антона, что в видении не было ни одной подсказки о личности человека, которого девушка нашла мертвым. И наконец, Селин рассказала о том, что капитан Мэддокс попросил Рошель бежать с ним.

Ошеломленный, Антон остановился:

— Что?

— Это правда.

Селин описала свое видение, и, это прозвучало так, как будто Мэддокс верил, что Рошель настолько дорога ему, что он решил бежать с ней из замка Кимовеск и начать жизнь в Белашкии. Однако, она не была полностью уверена в этом.

— Это дает ему серьезный мотив, — закончила она.

Все четверо снова двинулся вперед. Очень скоро они добрались до лестничной площадки.

— Не знаю, — тихо начала Амели, — Мэддокс не производит на меня впечатление человека, способного убивать издалека.

— Согласен, — сказал Рюрик.

Он был довольно молчалив в этом предприятии, но Селин считала, что они оба правы. Ей Мэддокс тоже не показался человеком, способным использовать яд или магические искусства.

Все четверо поднялись по лестнице восточной башни на второй этаж и разошлись по своим комнатам. Комната Селин и Амели была первой.

— Увидимся за ужином, — попрощалась Селин с мужчинами, когда они с Амели уже зашли внутрь.

Хельга крепко спала на их кровати. Шарф наполовину закрывал ее лицо, и она громко храпела.

— Хельга, — слегка раздраженно позвала Амели.

Старуха несколько раз всхрапнула и открыла глаза, садясь:

— Вы здесь. А я думала, вернетесь ли вы когда-нибудь.

Селин не могла винить Хельгу за то, что та уснула на их кровати. Ей просто больше нечем было заняться. Не то чтобы Амели и Селин нуждались в горничной.

— Ты узнала что-нибудь на кухне? — спросила Селин.

— Ничего такого, что могло бы тебе помочь, — ответила Хельга, поднимаясь с кровати. Она дрожала:— Или то, что ты хочешь услышать. Но ходит множество слухов о принце Дамеке и большом количестве пропавших девушек и собак.

Селин подняла руку:

— Пожалуйста, избавь нас от них. Поскольку принц Дамек не пытается сорвать собственную свадьбу, нам не нужно вовлекать его в круг подозреваемых. Чем меньше мы о нем знаем, тем лучше.

Хельга с мрачным лицом кивнула.

Бедняжка. Селин не могла себе и представить, что ей придется выслушивать мрачные слухи о принце Дамеке, которые, скорее всего, были правдой.

Селин и Амели немного отдохнули, пока Хельга возилась с платьями, шелковыми туфлями и чулками.

— Ладно, вы двое, — наконец сказала Хельга, — пора принарядиться к ужину.

Селин показалось странным, что после того, что произошло прошлой ночью, они все собирались одеться во все самое лучшее и снова спуститься вниз, выпить вина и поужинать... но, видимо, таков был план. Хельга выбрала атласное, темно-розовое платье с квадратным вырезом для Селин и темно-синее бархатное платье с круглым вырезом для Амели.

Обе девушки уже были одеты, и Хельга как раз заканчивала причесывать Амели, когда раздался быстрый, настойчивый стук в дверь. Озадаченная Селин пошла открывать и обнаружила за дверью ма-ленького мастера Лионеля. Она не видела ни его, ни Джоанну весь день.

— Да?

— Принц Дамек вызывает вас и вашу сестру в свои личные покои. Вы пойдете со мной.

Селин не собиралась оставаться наедине с Дамеком в его комнатах, но когда она выглянула дальше в коридор, то увидела там Антона и Рюрика. Антон кивнул ей.

Селин обернулась к сестре:

— Амели, нам лучше пойти.

***

Пройдя в личные покои Дамека в компании Селин, Антона и Рюрика, Амели пожалела что на ней надето нелепое бархатное платье. Девушка чувствовала себя не в своей тарелке, когда ее заставляли надевать эти костюмы. Если бы ей позволили надеть штаны и холщовую куртку и открыто показать на бедре кинжал в ножнах, она могла бы противостоять чему угодно.

Дамек, полностью одетый, ждал у очага, скрестив на груди руки. Капитан Коче тоже был там. Амели заметила, что Дамек не смотрел в глаза ни Селин, ни Антону. Он был взволнован больше, чем обычно.

— Ну? — требовательно спросил он.

— Что «ну»? — поинтересовался Антон.

— Не играй со мной. Чего на сегодняшний день добились твои провидицы? Они раскрыли убийцу? Или сегодня за ужином нас ждет еще одна смерть?

Амели приоткрыла рот. Как кто-то мог вести с ним разумный разговор?

Вместо Антона Дамеку ответила Селин и голос ее звучал достаточно сдержанно:

— Мы с Амели начали составлять список людей с возможным мотивом для убийства или странным поведением. Я нашла способ прочитать капитана Мэддокса.

— Мэддокса? — повторил Дамек. Селин показалось, что он ничуть не удивился. — И?

— Я не увидела ничего, что позволило бы предположить, что он имеет отношение к этим убийствам

— Тогда какой от тебя прок? — спросил Дамек. — Начни читать остальных из своего списка. Я настаиваю, чтобы вы разобрались с этим сегодня же!

Так как Карлотта, и лорд Хэмиш умерли, Амели предположила, что переговоры о браке возьмет на себя леди Хелена, а она хотела завершить все как можно быстрее. Дамек, вероятно, хотел соответствовать ей.

— Милорд, — ответила Селин. — Это не такой простой процесс, как вы...

— Вы хотите, чтобы мы начали читать людей? — прервала ее Амели и добавила: —

Мой господин.

Дамек напрягся, и Антон бросил на девушку предупреждающий взгляд, но ей было все равно.

— Давайте начнем с него, — закончила Амели, указывая на Коче.

На лице капитана сначала появилось потрясение, а потом — возмущение. Он шагнул к Амели, и она уже приготовилась выхватить кинжал из правого рукава. Но между ними встал Антон, и Коче остановился, задыхаясь от ярости

Принц Дамек чуть склонил голову:

— Почему он?

— Потому что он не может пройти мимо Рошель, не взглянув на нее, — ответила Селин.

При этих словах Дамек встретился с ней взглядом, и казалось, пытался осознать, что она только что сказала. Потом перевел взгляд на Коче и указал на стул:

— Садись.

— Милорд! — запротестовал Коче.

— Сейчас же!

Сверкая глазами и слегка дрожа, Коче подошел к стулу и сел.

— Его будущее или прошлое? — тихо спросил Антон.

— Проще, — решила Амели, даже не посоветовавшись с Селин, и пододвинула стул к Коче.

Мысль о том, чтобы прикоснуться к нему, была настолько отвратительной, что сначала Амели замешкалась, но затем собрала с духом и коснулась руки капитана, закрыв глаза и сосредоточившись на искре его духа

И на этот раз она хотела оказаться только в качестве стороннего наблюдателя. Амели попыталась сосредоточиться на причине его ненависти к Рошель. Последовал первый толчок, и свободной рукой она вцепилась в подлокотник кресла. Второй толчок последовал незамедлительно, и Амели обнаружила, что ее отбросило назад в клубящийся туман.

Когда туман рассеялся, она оказалась в нише с каменной скамьей. На скамье сидели Дамек и Рошель. Он осторожно держал ее за руку. Амели еще не доводилось видеть их такими. Вместе она видела их только прошлым вечером, и хотя каждый из них был предельно вежлив с другим, единственной эмоцией, которую тогда проявлял Дамек, была гордость. Теперь... теперь он больше походил на потенциального жениха, ухаживающего за своей дамой.

— Я знаю, что он странный, — тихо сказал Дамек, — но он полезен для меня.

— Пожалуйста, милорд, — прошептала Рошель. — Я больше ни о чем не прошу. Я не могу жить в одном месте с таким мерзким существом. Мне плохо, и я не могу есть, когда он входит в комнату. Его нужно отослать прочь.

Растерянный Дамек наклонился и поцеловал Рошель в лоб:

— Хорошо, любовь моя. Не думал, что ты такая нежная, но я понимаю. Коче уедет до того, как ты переедешь сюда жить. Я клянусь.

Ее лицо расплылось в благодарности:

— Спасибо. Я знаю, что это жертва, но это так много значит для меня.

— Я найду другого капитана.

Амели никогда не видела, чтобы Дамек был так любезен с кем-либо, а еще ее интересовало, почему она стала свидетельницей именно этой сцены из прошлого Коче. Его

самого в видении не было. В видении Амели вышла из ниши и оказалась во внутреннем дворе. Все тонуло в сумерках. Она посмотрела налево и увидела Коче. На лице капитана было написано недоверие. Он слышал каждое слово.

Сцена исчезла. Налетел туман. Амели снова потянуло вперед, и она открыла глаза, уставившись на жесткие усы Коче. Капитан настороженно наблюдал за ней. И если в свое время Амели защищала Джоанну, то из-за разоблачения Коче у нее не возникло никаких угрызений совести.

Она повернулась к Дамеку:

— Он подслушал, как вы обещали Рошель, что избавитесь от него, до того, как она переедет сюда на постоянное место жительства.

Дамек снова напрягся, а Коче вскочил на ноги. На секунду-другую Амели показалось, что он ударит ее и приготовилась защищаться, но капитан сдержался.

— Подглядываешь в замочные скважины? — прошипел Дамек Коче. — Ты пошел против моих брачных планов?

— Нет, милорд! Я ничего не делал. Я думаю, что девушка, на которой вы хотите жениться, доставляет больше хлопот, чем вы думаете, но я ничего не делал. — Коче шагнул ближе к Дамеку. — И если вы хотите найти того, кто способен произносить заклинание, перекрывая чужое дыхание, вам следует начать с другой ведьмы!

Сначала Амели подумала, что ведьмой Коче называет Рошель, но потом поняла, что он имел в виду кого-то другого.

— Ты имеешь в виду леди Саорис? — спросила она.

— Да, ты цыганская шлюха, — выдохнул Коче, проводя рукой по лицу. — Почему бы тебе не пойти почитать ее?

— Коче... — медленно произнес Дамек. В его тоне прозвучало предупреждение.

Антон, Селин и Рюрик молча наблюдали за всем этим, потом Селин сделала шаг к Дамеку:

— Милорд... возможно, вам следует призвать леди Сао...

Стук в дверь прервал ее.

— Принц Дамек! — раздался из-за двери голос Хита. — Срочно спуститесь во двор. Позовите своих стражников. Капитан Мэддокс и моя сестра исчезли. Он похитил ее!

***

Оказавшись во внутреннем дворе вместе с Селин, Амели и Рюриком рядом, Антон почувствовал, как его накрыло волной, которую он не в силах был остановить.

Уже стемнело, и большие светильники на стенах внутреннего двора давали достаточно света, чтобы все видеть. Здесь были все. Присутствовала даже леди Хелена, одетая в изысканное платье, но, видимо, она не успела уложить волосы до сигнала тревоги, и теперь они неопрятными прядями свисали вокруг осунувшегося лица. Бедная Лизбет стояла рядом с матерью, уставившись на Антона так, словно думала, что он сможет разрешить эту неожиданно возникшую проблему.

Стражники Вяранджа уже выводили оседланных лошадей, но по меньшей мере двадцать кимовесских стражников в растерянности стояли вокруг. Капитан Коче еще не отдал им приказа седлать лошадей. Вместо этого капитан направился в конюшню.

Выражение лица Дамека было одновременно мрачным, сердитым и задумчивым... все это заставляло Антона нервничать.

— Я говорю вам, барон, — сказал Дамек Хиту ледяным голосом. — Они все еще здесь

на территории замка. Никто из моих людей не позволил бы вашему капитану вывести мою невесту за ворота. — Вам следовало лучше следить за ним.

— А я говорю вам, что их нет, — парировал Хит, хватая поводья лошади и взмывая вверх. На нем был тонкий серый плащ, застегнутый у горла. — Мэддокс был капитаном в войсках дома Энтес до того, как попал к нам. Неужели вы думаете, что он похитил мою сестру, а потом спрятался где-то в этом замке?

— Они не могли покинуть территорию! — продолжал настаивать Дамек.

Капитан Коче трусцой вернулся из конюшни и обратился к своему принцу:

— Обе их лошади пропали, милорд. Крупный чалый жеребец и белая кобыла.

Спина Хита выпрямилась, как бы торжествуя при этой новости, а черты лица Дамека застыли. Антон понятия не имел, о чем думает его брат. Подошли еще двое кимовесских стражников в черных табардах, таща за собой третьего человека. Тот пребывал в ужасе.

— Это был он, милорд, — сказал мужчина, стоявший справа от Дамека. — Он поднял решетку.

Выражение лица Дамека не изменилось. Он уставился на испуганного мужчину:

— Ты поднял решетку?

— Мне приказала ваша будущая невеста! Когда она пришла, было еще светло. С ней был ее телохранитель, и она сказала, что хочет немного прокатиться. Скоро она станет здесь хозяйкой. Я не мог отказать... Я не видел причин отказывать.

Дамек долго молчал, и, наконец, сказал:

— Уведите его и запирайте в казарме.

Антон не хотел думать о судьбе этого человека.

Дамек медленно повернулся к Хиту, который все еще сидел верхом на лошади.

— Вы все время говорили, что ваша сестра была похищена... и все же именно она приказала моему человеку выпустить ее.

Взгляд Хита ожесточился, он уже не казался таким самоуверенным:

— Тогда Мэддокс сделал что-то, чтобы заставить ее! Он заставил ее сделать это. Садитесь в седло, мы вернем их, и вы услышите это из ее собственных уст! — Его лошадь отскочила в сторону, почувствовав в голосе хозяина гнев, но Хит властным движением остановил ее: — Либо так, либо прикажите открыть ворота и позвольте мне отвести своих людей на ее поиски.

Хит говорил как брат-защитник, и Антон был согласен с ним относительно курса действий.

— Он прав, — Антон подошел к Дамеку. — Они не могли уйти далеко. Если мы выедем прямо сейчас, то, возможно, сможем их догнать.

Дамек сделал несколько тихих вдохов и повернулся к Коче:

— Пусть оседлают восемь лошадей, включая мою, твою и Антона. Затем выбери пять своих лучших следопытов. — Он снова посмотрел на Хита: — Возьмите с собой только пятерых стражников Вьяранджа. Скорее всего, нам придется разделиться для поиска, большое количество людей может нас выдать.

— Мы с сестрой можем пойти? — спросила Селин.

Во дворе воцарилась тишина, и Антон не мог поверить в то, что только что услышал. Глазами он встретился с глазами Селин и прочел в них мольбу. Почему она хотела поехать?

— Я думаю, что так будет лучше, барон, — спокойно сказала она Хиту. — Сейчас Рошель подвергается страшному испытанию. Когда ее найдут, ей понадобится утешение и

общество других женщин, а я не думаю, что твоей матери или юной Лизбет следует ехать.

Селин не переставала удивлять Антона. Одним махом она только что полностью поддержала утверждение Хита о том, что его сестра была похищена, и привела вескую причину для того, чтобы их с Амели включили в отряд преследования.

С выражением благодарности Хит кивнул Селин и посмотрел на Дамека:

— Согласны?

Дамек изучал ворота с таким видом, словно думал о чем-то другом.

— Как пожелаете, — рассеянно ответил он.

Леди Хелена и Лизбет молча наблюдали за всем происходящем. Хелена куталась в шаль, а Лизбет стояла дрожа в тонком шелковом платье и выглядела явно расстроенной.

Антон подошел к ним, бросив через плечо:

— Рюрик, пойдём со мной.

Лизбет наблюдала за ними большими глазами, пока они приближались.

— О, Антон, вы найдете ее? Обещайте, что найдете.

Почему-то ее обращение к нему по имени не смутило принца, особенно когда всего несколько часов назад она смеялась и называла его «неудачником» каждый раз, когда он оставался с королевой в руке.

— Когда вы впервые заметили, что Рошель нет? — спросил Антон.

— Совсем недавно, — ответила леди Хелена. В ее голосе звучал испуг, но Антон подозревал, что ее волновало совсем другое, в основном это относилось к подозрениям Дамека, что Рошель сбежала с Мэддоксом.

— Расставшись с вами в холле, — добавила Лизбет, — мы с Хитом разошлись по своим комнатам, отдохнуть. Рошель не было в комнате, которую мы с ней делим, но я ничего такого не подумала. Я предположила, что она, должно быть, с мамой. — Лизбет повернулась, демонстрируя принцу открытую спину своего шелкового платья. — Только когда я пошла искать Рошель или кого-нибудь из горничных, чтобы помогли мне расшнуровать платье, я... Я поговорила с мамой, она не видела Рошель. Мы начали поиски, а потом Хит побежал в покои принца Дамека.

Антон обдумывал сказанное:

— Твоя сестра и Мэддокс все равно не могли уйти далеко. Они не покидали зал до позднего вечера.

Лизбет снова задрожала от холода, и Антон пожалел, что у него нет своего плаща, который можно было предложить ей. Он уже подумывал отправить ее внутрь замка, но знал, что она хочет остаться здесь.

Позади послышалось движение, и Антон обернулся. Хит соскочил с коня и шел к ним, на ходу снимая с плеч тонкий серый плащ. Его он накинул на младшую сестру. Под плащом у парня была черная шерстяная рубашка с длинными рукавами.

— Не волнуйся, — сказал он. — Мы найдем их, и я разберусь с Мэддоксом.

Но тон его был далек от ободряющего, скорее он был сердитым. И снова Антон не мог не отметить, насколько парень изменился сегодня. Должно быть он любил Рошель, раз так переживал за нее и так отчаянно защищал ее честь. Но если бы у Антона была сестра, он для нее сделал бы не меньше.

Мужчины вывели из конюшни оседланных лошадей.

Антон подозвал Рюрика и обратился к леди Хелен:

— Пока принц Дамек, и молодой барон не вернутся, мой человек останется с вами и

Лизбет. Вы можете положиться на него.

— Милорд? — подал голос Рюрик. — Вы не можете...

Антон прервал его на полуслове:

— Я знаю, что твое место рядом со мной. Но эти дамы потеряли своего телохранителя, а Вяранджи здесь только по долгу службы. В этом вопросе я тебе доверяю. Я сам могу присмотреть за Селин и Амели.

Рюрик хотя и недовольный приказом, подошел к Лизбет:

— Да, милорд.

К Антону подвели серую кобылу Селин и черного мерина Амели.

— Подождите! — крикнул грубый голос. — Подождите минутку.

Из парадных дверей замка выбежала Хельга с двумя плащами в руках. Как она узнала, что Селин и Амели примут участие в поисках? Антон вздохнул. Впрочем, это не имеет значения. Он был рад, что у сестер будут теплые плащи, поскольку они обе все еще были одеты для ужина, а переодеваться не было времени.

Хельга накинула на сестер плащи. Вокруг них мужчины начали вскакивать в седла.

Антон подвел Соболя к Селин, и воспользовавшись окружающим их шумом, наклонился и прошептал:

— Что ты делаешь?

Наклонив голову к уху принца, она прошептала в ответ:

— Дамек и Хит оба на взводе, на грани срыва. Разве ты не видишь? Если кто-либо из них найдет Мэддокса и Рошель, боюсь, что Мэддокс будет немедленно казнен. Если Амели или я будем там, мы можем предложить провести чтение... чтобы так или иначе доказать правду о том, что произошло. По крайней мере, это может дать шанс более хладнокровным головам вмешаться и одержать верх.

Антон задержался на мгновение, чувствуя ее дыхание на своем ухе. Он не ответил... но она была права.

— Оставь меня с собой и Дамеком, — продолжила Селин, — а если мы разделимся, отправь Амели с Хитом.

Антон обнял ее за талию и поднял в дамское седло:

— Дамек задаст быстрый темп. Просто держись и позволь Соболю следовать за моей лошастью.

Амели уже сидела на своем черном мерине, сжимая в руках поводья.

— Поднять решетку! — крикнул Дамек.

Антон схватил поводья уздечки Шепота и вскочил в седло. И снова принц почувствовал, что его уносит течением, которое он не мог остановить, и понятия не имел, как пройдет остаток этой ночи.

Глава 9

Оказавшись за воротами на темной дороге, окаймленной деревьями, Селин задумалась, почему Антон не настоял на том, чтобы ему разрешили взять с собой кого-нибудь из своих людей. Он даже не спросил. Возможно, в глубине души принц чувствовал, что эти поиски принадлежат Хиту и Дамеку, и что он-всего лишь довесок. Скорее всего, ему не угрожала опасность со стороны брата, который был сосредоточен на поисках потерянной невесты. Тем не менее, Яромир был бы в бешенстве, узнай он, что Антон поехал в одиночку ночью с Дамеком, Коче и пятью стражниками из Кимовеска.

Лошади перешли с рыси на галоп и Селин, неожиданно поняла, что вцепилась обеими

руками в гриву Соболя и пытается удержаться в седле. Она надеялась, что у Амели дела обстоят несколько лучше и гадала, как бы некоторые из этих мужчин справились, если бы их заставили скакать в дамском седле. Под плащом Селин все еще была одета в вечернее платье из темно-розового атласа.

Через несколько минут у девушки возникло искушение перекинуть ногу через седло, обхватить бока лошади коленями и позволить юбкам развеяться, как им вздумается.

Она как раз собиралась попробовать это сделать прямо на ходу, когда Дамек приказал:
— Стоять!

Он резко осадил свою лошадь, вследствие чего наступил легкий хаос, когда все попытались последовать его примеру. Осмотревшись, Селин поняла, что они отъехали совсем не далеко от замка.

— Что вы делаете? — спросил Хит, пытаясь удержать своего скакуна на месте.

Проигнорировав его, Дамек махнул рукой стражникам Кимовеска:

— Начинайте искать по обочинам дороги признаки того, что они могли уйти в лес.

Сердитый Хит подъехал к нему:

— Нет. Искать в лесу — пустая трата времени.

Дамек резко развернул свою лошадь к Хиту, и в лунном свете его глаза вспыхнули. Но первым заговорил Антон:

— Почему это пустая трата времени?

— Потому что их там не нет, — ответил Хит. — Большинство людей считают мою сестру нежной, но Мэддокс видит в ней хрупкий фарфор. Он никогда бы даже и не подумал о том, чтобы позволить ей спать под открытым небом в лесу.

Дамек замер, прислушиваясь:

— Тогда куда бы он ее отвез?

— Мэддокс знает, что с Рошель на буксире он не сможет уйти от погони, поэтому решит где-нибудь укрыться и спрятать ее по мере возможностей с достаточным комфортом. Скорее всего, Мэддокс направится в большую отдаленную деревню или город, куда-нибудь, где сможет найти убежище и исчезнуть. Он останется вне поля зрения на несколько дней, возможно, дольше. Он будет держать Рошель там, пока не решит, что поиски ослабевают, а потом попытается ускользнуть.

Селин молча выслушала все это и посмотрела на Амели. Все, что сказал Хит, имел смысл... но что, если он ошибается?

— Я не очень хорошо знаю эту местность, — продолжил Хит, — и Мэддокс тоже. Ему понадобится информация... указания, как добраться до какого-нибудь места, достаточно большого для его нужд и в то же время удаленного от дороги. — Парень помолчал и закончил: — Мы должны поехать в деревню Кимовеск и опросить жителей, не проезжали ли Мэддокс и Рошель, и не говорили ли они с кем-нибудь.

Дамек медленно кивнул:

— Да... хорошо.

Антон чуть заметно поморщился, и Селин с тревогой подумала, какие методы может использовать Дамек, чтобы узнать у крестьян Кимовеска, видели ли они кого-нибудь или говорили с кем-нибудь.

Лошади вокруг нее пришли в движение, переходя на рысь.

Селин оглянулась на сестру:

— Амели, перекинь ногу через седло.

Держа поводья Соболя, Селин последовала собственному совету. С правой стороны не было стремени, но это не имело значения. Гораздо лучше она держалась коленями.

Лошади перешли с рыси на галоп в считанные секунды, и снова Селин сосредоточилась только на том, чтобы удержаться в седле.

Очень скоро перед ними замаячила деревня, и ее худшие опасения оправдались.

Дамек прогрохотал по главной дороге, выкрикивая приказы. Стражники Кимовеска и Вьяранджа начали спрыгивать с лошадей, пинками распахивать двери и вытаскивать людей на улицу.

Соболь тяжело дышала, когда Селин остановила ее. Через пару секунд рядом оказался мерин Амели.

— О, Селин, — в отчаянии воскликнула Амели, наблюдая за разыгравшейся перед ними сценой.

Стражники уже согнали на улицу десятки худых людей в изодранной одежде. Кого-то насильно вытащили за руки, кого-то вытолкнули в ночь острием меча. Амели видела, как в темноте белеют белки глаз несчастных, когда они, спотыкаясь, выходили на грязную главную дорогу между домами. Антон даже не пытался вмешиваться. Он ничего не мог поделать.

В домах, расположенных дальше по улице, наверное, все еще оставалось большое количество людей, но Дамеку, казалось, хватило тех нескольких десятков человек, стоявших перед ним на коленях.

Сидя на пританцовывающей лошади, он выкрикнул:

— Те из вас, кто еще в домах! Слушай меня! Поздним вечером здесь проезжали мужчина на чалой лошади и дама на белой кобыле. Мужчина должен был с кем-то говорить, чтобы получить информацию. Мне нужно только знать, с кем он говорил.

Крестьяне хрипло дышали, стоя на коленях на холодной земле, и Селин страстно захотелось оказаться где-нибудь еще, в каком угодно месте, но подальше отсюда. Она была свидетельницей... она пережила слишком много сцен, подобных этой.

— Кто-то говорил с тем мужчиной, — крикнул Хит. — Кто это был?

Пожилая женщина, стоявшая на коленях рядом с Дамеком, подняла на него глаза:

— Милорд... мужчина и женщина действительно проезжали, но они ни с кем не разговаривали.

Дамек спрыгнул с коня и вытащил кинжал из ножен на бедре. Он указал на мальчика лет двенадцати, стоявшего на коленях в грязи рядом со старухой.

— Приведите этого, — приказал он стражнику.

Селин закрыла глаза, но это оказалось большой ошибкой. Ее мгновенно затянуло в воспоминания, кото-

рые она прятала в глубине своего сознания...

Ей девять лет, она живет в Шетане со своей семьей. Ее мама — деревенская целительница, а отец-охотник, причем очень хороший охотник. Это было еще до того, как Дамека поставили во главе провинции, но его предшественник, вассал принца Ливена, был не лучше. Его солдаты свободно хозяйничали в деревнях, наводя ужас на людей.

Однажды трое кимовесских стражника въехали верхом в Шетану и стали забирать все, что хотели. Селин знала, что они не собирали налоги, а просто забирали вещи для себя, вероятно, для продажи. Один из них приказал крестьянину отдать двадцать коз, все, что у того было, обрекая его семью на голодную смерть. Крестьянин отказался. Селин помнила,

как все начали кричать, она видела, как крестьянин замахнулся на стражника. Стражники начали избивать крестьянина, и отец Селин поспешил ему на помощь. Он оттолкнул одного стражника, и когда повернулся, чтобы оттолкнуть другого, стражник вытащил кинжал и вонзил ему в живот.

Она не кричала. Она стояла застыв, и смотрела, как умирает отец... из-за того, что бросился помогать крестьянину спасти его коз. Он потерпел неудачу. Стражники забрали коз, перешагнув через тело ее отца, как будто это был мусор, лежащий на земле. Скорее всего, они забыли о нем, пока дошли до окраины деревни.

— Кто-то здесь говорил с тем человеком, — прорвался сквозь ее воспоминания голос Дамека. — Кто это был? Скажите нам, и мы уйдем.

Селин открыла глаза. Хотя Дамек все еще держал кинжал в руках, он, похоже, не собирался пускать его в ход. Двое стражников Кимовеска крепко держали мальчика с двух сторон. Мальчишка задыхался от дикого страха, а лежащая на земле старуха склонила голову, не переставая умолять принца о милости.

— Пожалуйста, милорд! Они ни с кем не разговаривали!

Дамек посмотрел на одного из стражников, державших мальчика:

— Отрубите ему правую руку.

Селин бросила отчаянный взгляд на Антона. Тот был натянут, как струна, но остался сидеть на коне, ничего не говоря.

— Снова закрой глаза на все, — фыркнула Амели.

Мальчик закричал, когда один из стражников рывком дернул его руку.

— Прекратите! — по тропинке к ним шла молодая женщина, примерно одного возраста с Амели. Одежда незнакомки была такой же изодранной, как и у всех остальных, но спина держалась прямо. — Я говорила с человеком, которого вы ищете, — сказала она. — Отпусти мальчика и задай мне свои вопросы.

Она направилась прямо к Дамеку и остановилась примерно в десяти шагах от него. Истинное мужество было редкостью в таком месте, как это, и Селин надеялась, что молодая женщина не пострадает за это.

Первым заговорил Хит, глядя на женщину сверху вниз:

— О чем тебя спрашивал тот человек?

— Он спросил название самого большого города в пределах половины дня езды верхом и дорогу к нему, — ее голос был ясен.

Хит был так благодарен ей, что сбавил тон:

— И какой город ты назвала?

— Чекалин, на севере.

Быстро повернувшись к Дамеку, Хит спросил:

— Вы знаете это место?

Дамек не ответил, пристально глядя на молодую женщину. Он не видел отрезанной руки мальчика, и ему все еще хотелось крови.

У Селин все внутри сжалось, но Хит, казалось, тоже увидел опасность и направил своего коня между Дамеком и молодой женщиной.

— У нас нет на это времени. Вы знаете этот город?

— Конечно, знаю, — отрезал Дамек. — Он в моей провинции.

— Тогда ведите.

Дамек неохотно отвернулся от женщины, вложил кинжал в ножны и вскочил на коня.

Селин опустила взгляд на свои руки, и увидела, что они дрожат. Прожив большую часть своей жизни в Шетане, а затем найдя безопасное убежище в Сеоне, Селин считала себя выше печали и вызванных страхом воспоминаний. Как она ошибалась.

***

Уже была середина ночи, когда Амели услышала, как один из стражников доложил Дамеку, что они приближаются к Чекалину. Это была долгая, тяжелая поездка, и девушка злилась на себя за то, как сильно ее беспокоили нынешние неудобства. Во-первых, она была голодна. После того, что она увидела в деревне Кимовеск, у нее не должно было быть ни малейшего интереса к еде, но она не ела весь день, и уже второй вечер подряд в замке не подавали ужин. Вчера вечером умер лорд Хэмиш, а сегодня вечером от ужина отказались из-за новостей о похищении Рошель. Оба эти события были трагическими... но Амели не могла игнорировать чувство голода.

Хуже всего была боль, которую она чувствовала от кожи седла на внутренней стороне ног. Селин не ошиблась, предложив ехать в седле. При той скорости, с которой они двигались, обхватить бока лошади коленями было единственным правильным вариантом. Сначала такой способ езды принес облегчение. Но уже через несколько часов Амели почувствовала, как кожа ног стерлась до крови. И еще это дурацкое вечернее платье... оно не давало никакой защиты, и девушка снова с тоской подумала о брюках.

На окраине города лошади замедлили шаг. Чекалин окружала стена из деревянных бревен. В пределах видимости было два входа. Поскольку стена явно не выдержала бы какого-либо серьезного штурма, а на въездах не было стражи, Амели предположила, что стена предназначена лишь для того, чтобы направлять прибывающий транспорт на главные улицы города.

Хит подъехал к началу отряда.

— Каким бы принцем вы ни были, — сказал он Дамеку, — это место слишком велико, чтобы вы могли приехать и начали мучить людей. Мы можем разработать другую стратегию.

Амели почти не могла поверить в перемены, произошедшие с Хитом. Он был в панике из-за исчезновения сестры, и это, казалось, пробудило в нем все лучшие и худшие качества. Хотя сейчас Хит, безусловно, был более властным, чем она когда-либо могла его себе представить, его манеры граничили с оскорблением.

Селин молча сидела на своей лошади, и Амели с беспокойством взглянула на нее. После отъезда из Кимовеска выражение ее лица было странным, почти больным. Амели хотела спросить, все ли с ней в порядке, но что Селин могла ответить? Не имело значения, в порядке она или нет. Сейчас они обе были в самом центре событий.

— И что ты предлагаешь? — презрительно спросил Дамек у Хита.

Амели считала его презрение необоснованным. Без Хита они, вероятнее всего все бы еще рыскали по лесам вокруг Кимовеска.

Антон выехал вперед и понизив голос, обратился к Дамеку:

— Я думаю, нам следует сохранить наше прибытие в тайне, брат. Если Мэддокс пронюхает о нас, он может забрать Рошель и сбежать.

При этих словах напряженное выражение лица Дамека немного смягчилось. Какое-то время он изучал Антона, а потом кивнул.

— Насколько комфортно Мэддокс хотел бы устроить Рошель? — спросил Антон у Хита. — Рискнет он отвезти ее в гостиницу?

— Возможно. Хотя он самый способный солдат, у него есть склонность переоценивать

себя. Если он и Рошель здесь, он, вероятно, считает себя в безопасности... в нескольких лигах от места наших поисков.

— Что ты имеешь в виду, говоря «если они здесь»? — поинтересовался Дамек.

— Я имею в виду, что мы следуем хорошо обоснованным предположениям и словам крестьянской девушки. У нас нет ничего определенного.

Дамек заиграл желваками.

— Я предлагаю нам разделить на две группы, — Антон проигнорировал недовольство брата, — и провести тихий поиск. Мы с Дамеком возьмем западную часть города. Хит, ты возьмешь восточную. Мы поговорим с каждым трактирщиком и владельцем каждой таверны, кто сдает комнаты. У меня с собой есть немного монет, и мы сможем давать взятки, если понадобится. Кто-нибудь наверняка видел их или предоставил им убежище.

Хит кивнул в ответ на разумный совет Антона:

— У меня тоже с собой есть монеты.

— Я оставлю Селин при себе, — продолжил Антон. — Ты возьми мисс Амели на случай, если первым найдешь Рошель. Амели сможет ее утешить.

На лице Хита промелькнуло легкое удивление, сменившееся удовольствием.

— Это будет для меня честью, — Амели сочла свой ответ несколько формальным, учитывая все обстоятельства, но все же направила черного мерина к высокой лошади Хита.

— Мы войдем в город первыми, — сказал Хит Антону. — Дайте нам несколько минут, прежде чем отправитесь за нами.

С этими словами Амели въехала в Чекалин бок о бок с Хитом, а за ними следовали пять стражников Вяранджа. Ее беспокоило расставание с Селин, но она понимала, почему сестра хотела участвовать в поиске, а в данный момент у них не было другого выбора, кроме как разделить.

Они въехали на рынок под открытым небом. Сейчас все прилавки были закрыты. В этот поздний час во всем городе было тихо.

— Нам, вероятно, придется разбудить нескольких трактирщиков, — заявила Амели.

Хит повернул коня на восток, и они поехали по ухоженной улице мимо ряда аккуратно выкрашенных магазинов. Этот город находился на территории Дамека, и Амели не ожидала, что он будет выглядеть настолько процветающим. Большинство людей в его провинции были обложены налогами почти до смерти. Может быть, этот город он проглядел?

У самой Амели не было проблем с налогами. Они с Селин платили налоги в Сеоне, но Антон никогда не завышал их для своих людей, и всегда использовал деньги для поддержания в порядке мостов, помощи бедным, оплаты стражникам, которые действительно охраняли его людей, и для многого другого. Он даже профинансировал несколько небольших школ. Амели понятия не имела, что делал с налогами Дамек, которые очень рьяно собирал капитан Коче.

— Там, наверно, — Хит указал рукой.

Когда они добрались до указанного места, Амели увидела побеленное двухэтажное здание с огороженным крыльцом, увитом виноградными лозами.

Хит спешил. Не дожидаясь приглашения, Амели последовала его примеру и Хит не стал возражать. Кожа на внутренней стороне ног горела, и девушка старалась не морщиться от боли.

— Оставайтесь здесь, — приказал барон своим людям.

Амели и Хит поднялись на пять ступенек по увитому плющом крыльцу. В тени входной

двери он остановил ее жестом руки.

— Ты... — тихо произнес он, — ты действительно веришь, что Рошель похитили, да? Для меня важно, что думаешь именно ты.

Почему его волновало, что она думает?

Амели кивнула:

— Да. Я бы не стала винить ни одну женщину за попытку избежать брака с Дамеком, но я не верю, что Рошель сбежала с капитаном Мэддоксом. Она слишком сильно заботится о своей семье.

— Спасибо, — Хит не сдвинулся с места. — Я знаю, что сейчас не самое подходящее время, но я хотел поблагодарить тебя за этот день, за то, что ты осталась в зале и утешала моих сестер играми и историями, ты делала то, что сделало их счастливее.

— О... не за что, — Амели шагнула к двери.

Но Хит все еще медлил:

— Прошло много времени с тех пор, как Рошель, Лизбет и я вот так играли вместе, и я должен поблагодарить тебя. Мне сложно разговаривать с большинством людей, но с тобой я чувствую себя непринужденно.

Амели напряглась. Он собирался проявить к ней интерес? В этом она не была уверена. Большинство мужчин, встречавшихся с сестрами, провожали глазами Селин, и мало кто смотрел на Амели. Она понятия не имела, как правильно ответить и прервать его, прежде чем он скажет что-то, о чем потом может пожалеть.

Амели быстро отступила на шаг:

— Барон, мы должны войти в дом и разбудить трактирщика.

Хит вздрогнул, как от удара, но потом взял себя в руки:

— Конечно. Я только хотел поблагодарить тебя за сегодняшний день, — отвернувшись, он открыл дверь, и они вошли внутрь.

В фойе было темно, но через окна проникало немного света от уличных фонарей. Стойки не было, но перед закрытой дверью стоял длинный стол.

— Эй? — позвал Хит. — Здесь есть кто-нибудь?

Через мгновение за дверью послышалось шарканье, и к ним вышел коренастый мужчина с засаленной головой. Одной рукой он натягивал на плечи халат, а в другой держал фонарь.

Мужчина прищурился на них и сонно улыбнулся:

— Приехали так поздно? Вам нужна комната?

Амели задумалась, как следует поступить, но, в конце концов, позволила Хиту взять инициативу в свои руки.

— И да, и нет, — ответил Хит. — Мы с женой договорились встретиться с моей сестрой и телохранителем на-шей семьи в этом городе, но боюсь, что произошло недо-понимание относительно названия постоянного двора. Не снимают ли у вас комнаты прекрасная женщина с цветом кожи как у меня, и высокий суровый мужчина с темными волосами? — улыбнулся в ответ Хит.

Амели поразились с какой легкостью он лгал, но предпочла его метод допроса методу Дамека.

— Извини, парень, — ответил мужчина. — Сейчас у меня здесь только двое гостей, и оба пожилые мужчины, как я думаю, торговцы. Но в этот час тебе, вероятно, было бы лучше остаться здесь и найти свою сестру утром.

— Без сомнения, вы правы, — ответил Хит. — Но мы хотели бы попробовать поискать

еще в нескольких местах.

— Удачи тебе, — мужчина вернулся в постель.

Амелия первой вышла на улицу:

— Я верю ему.

— Я тоже.

Они отправились дальше, проверять следующий постоялый двор.

***

— Леди примерно восемнадцати лет, с золотисто-русыми волосами, ее сопровождает высокий мужчина в кольчуге и желтом табарде? — объяснял Антон сонной женщине в ночной рубашке и накинутой поверх нее шалью. — Эта женщина-моя сестра, а мужчина-ее охранник. Мы путешествуем вместе. Сегодня вечером моя лошадь потеряла подкову... и я отправил их вперед, но мы забыли назначить место встречи в этом городе.

Антон, Селин и Дамек вошли в первый попавшийся постоялый двор. И поскольку Дамек почти не был способен на вежливые расспросы, он позволил говорить Антону.

— Нет, сэр, — пробормотала в ответ женщина. — У меня нет никого, подходящего под ваше описание. Единственные люди, которые сейчас здесь остановились, это завсегдаи, которые каждую осень приезжают продавать свои товары.

Женщина говорила правду. Антон это чувствовал. Вежливо поблагодарив ее, он обернулся и увидел, как потемнело лицо Дамека. Он жестом указал брату на дверь:

— Выходи.

К счастью, Дамек подчинился, но как только он оказался за дверью, прошипел:

— Это безумие. Это займет всю ночь.

Антон еще не успел закрыть дверь, и обеспокоенный тоном брата, неожиданно понял, что надо делать.

Он снова заглянул внутрь:

— Мадам?

Женщина уже отошла от двери, но остановилась:

— Да?

— Сколько конюшен в городе? Если мы найдем, где они оставили своих лошадей, это поможет сузить круг наших поисков.

Протирая глаза, хозяйка трактира одобрительно кивнула:

— О, это умно. У нас их три, все на окраине города, одна на западной стороне, одна на восточной и одна на южной. Восточная конюшня самая большая.

— Спасибо.

Когда Антон вышел на улицу, Дамек с любопытством посмотрел на него. А Антона беспокоила Селин. Он видел, что она не слушает его, думая о чем-то своем. Девушка казалось, была сама не своя.

— Что ты задумал? — спросил Дамек у Антона.

— Именно то, что я сказал. Есть только три конюшни, так что сначала надо проверить их. Если мы найдем чалого жеребца и белую кобылу, мы будем точно знать, что Мэддокс и Рошель здесь, и сузим зону поиска.

Дамек наклонил голову:

— Иногда я недооцениваю тебя.

— Иногда?

Антон шел к своей лошади, капитану Коче и стражникам Кимовеска, но оглянулся на

Селин, которая следовала за ним, толком не глядя, куда идет. Что-то было не так. Он подозревал, что это как-то связано с тем, что произошло в деревне.

— Едем на запад, к внешней окраине города, — приказал Дамек стражникам. — Начнем с ближайшей конюшни.

Антон помог Селин сесть на лошадь, а следом и сам вскочил в седло. Она молчала, смотрела вперед. Беспокойство принца росло. Они направились на запад в поисках конюшни на окраине города.

Поиски не заняли много времени. Однако в этот час большие двойные двери, достаточно широкие, чтобы через них могла проехать повозка, были заперты изнутри, а хозяин конюшни давно ушел спать.

Капитан Коче подошел к маленькой двери в левом переднем углу конюшни:

— Милорд?

Дамек подошел ближе, за ним — Антон.

— Я мог бы сломать это по-тихому, — предложил Коче.

Дамек кивнул. Коче взялся за задвижку, прижался плечом к двери и несколько раз толкнул. Дверь треснула и рухнула внутрь.

— Я посмотрю, — быстро сказал Антон. — А ты стой здесь на страже. — Он знал, что Дамеку было бы неинтересно копаться в конюшне, поэтому не ожидал никаких возражений. И, в результате, не получил их.

Антон протянул руку, подзывая к себе Селин:

— Пойдем со мной.

Дамек вопросительно приподнял бровь. Антон только надеялся, что брат решил, что он просто не хочет оставлять ее наедине со стражниками из Кимовеска.

Селин послушно отправилась за ним внутрь конюшни, но выражение ее лица все еще было потерянным.

Антон, как мог поставил дверь на место, и отправился в заднюю часть конюшни:

— Сюда.

Они прошли вдоль длинного ряда стойл, заглядывая в каждую дверь. Чалых лошадей не было, зато в одном стойле стояла белая кобыла. Однако, она оказалась старше, и шерсть у нее была грубой. Антон знал, что это животное не принадлежит Рошель.

Они прошли дальше. Последние несколько стойл были пусты. Дверь одного была открыта, а внутри стояли ящики.

— Иди сюда, посиди минутку, — сказал Антон.

— Что? — Селин заговорила впервые с тех пор, как покинула деревню Кимовеск, ее взгляд чуть прояснился.

Антон сел на ящик рядом и притянул девушку к себе:

— У нас не так много времени, и мне нужно, чтобы ты рассказала, что случилось.

Темно-русые волосы свисали закрывая лицо, плащ сбился набок, открывая платье.

— Все в порядке.

Антон не был искусен в... в вытягивании информации из людей и считывании эмоций. Он очень искусно умел скрывать свои эмоции, но понятия не имел, как считывать их с кого-то другого.

— Если мы найдем Мэддокса и Рошель сегодня вечером, ты будешь нужна. Мне будет нужна моя провидица, а прямо сейчас... ты ею не являешься. Скажи мне, что случилось.

Селин пристально рассматривала солону на полу:

— Я просто забыла, как мало здесь значат жизнь и страдания. Я слишком долго пробыла в Сеоне. Дамек мог отрубить тому мальчику руку, а потом ускакать прочь, и к тому времени, как он достиг бы края деревни, то уже забыл бы о существовании мальчика. А мальчик провел бы остаток своей жизни калекой.

— Я бы избавил тебя от этого, если бы мог.

— Я видела и хуже, гораздо хуже. Я переживала ситуации похуже этой.

Антон понимал, что они ступили на опасную почву. Он знал, что Селин и Амели сильно страдали от рук солдат Дамека, но правда состояла в том, что... он не был уверен, что хочет знать, как сильно они страдали. Антон понимал, что это трусость и эгоцентризм, но ничего не мог с собой поделать. У него были свои собственные демоны из прошлого, и он не был уверен, что сможет эффективно бороться с чужими.

— Они убили моего отца, — прошептала Селин. — Солдаты из Кимовеска.

Антон развернулся и посмотрел прямо на нее.

— Я видела это, — добавила девушка.

— О, Селин, — вместо неловкого дискомфорта Антона охватила жалость, которую он не мог описать: — Сколько тебе было лет?

— Девять.

Не думая, Антон протянул руку, притягивая девушку к себе.

— Мне так жаль, — в голосе принца была не притворная жалость.

— Он пытался помочь кому-то, — прошептала Селин, прижимаясь к Антону, — и один из солдат ударил его ножом, а затем просто оставил его там, как будто отец был никем. Не было никого, кому мы могли бы пожаловаться или просто рассказать о случившемся. Не было такого человека, как Яромир, который вершил бы правосудие. А те стражники просто уехали и забыли о нем, оставив двух дочерей без отца и жену без мужа.

Не найдя, что сказать, Антон уткнулся подбородком в ее макушку, чуть сильнее прижимая девушку к себе.

Слегка отстранившись, Селин посмотрела на него снизу вверх:

— Если бы ты был великим принцем, смог бы ты изменить ситуацию? Смог бы защитить людей в такой провинции, как эта?

— Я не знаю, — честно ответил он. — Но я бы попытался.

Губы девушки оказались в паре сантиметров от его губ, а боль в ее глазах пронзила его насквозь. Не в силах остановиться, Антон прикоснулся губами к ее губам, и, к его полному удивлению, она поцеловала его в ответ, едва касаясь кончиками пальцев его шеи. Прошло так много времени с тех пор, как кто-то вот так прикасался к нему. Он углубил поцелуй. Селин ответила. Прикосновение ее губ одновременно было мягким и нежным, нетерпеливым и неуверенным. Все его тело, казалось, ожило. Правая рука принца скользнула ей под плащ, поглаживая маленькую, упругую грудь. Она прижалась к нему еще теснее, и он никогда ничего в своей жизни не хотел больше, чем этого. В голове Антона зазвенели предупреждающие колокольчики.

Она была полна печали и уязвима...

Он воспользовался этим...

Он не мог жениться на ней...

Дамек и капитан Коче были совсем рядом.

Со сдавленным криком Антон отстранился и встал

— Антон? — в голосе Селин слышалась растерянность.

— Мы не можем... Селин, мы не можем. Не так.

Она смотрела на него, не скрывая боли. Он знал, что никогда не сможет стереть то, что только что сделал, но на карту было поставлено нечто большее, и он упал на колени, умоляя:

— Мне нужно, чтобы ты была моей провидицей сегодня ночью. Мне нужно, чтобы ты пришла в себя. Пожалуйста, Селин.

Она моргнула:

— Так вот почему ты?..

Она встала. Все, что он говорил оказалось неправдой. Он не целовал ее и не был добр к ней. Она придет в себя и будет ему полезна.

— Конечно, милорд, — сухо ответила Селин.

— Я не имел в виду...

— Антон! — позвал Дамек. — Что ты там делаешь? Ты что-нибудь нашел?

— Нет. Мы возвращаемся, — крикнул в ответ Антон.

Селин не смотрела на него.

— Какая конюшня следующая? — в ее голосе звучал холод, но так было лучше. По крайней мере, он не сможет причинить ей боль, если она не позволит ему приблизиться к себе.

— Та, что на восточной стороне. Хозяин постоянного двора сказал, что она самая большая.

Селин медленно пошла к выходу.

***

Амели шла пешком, ведя лошадь под уздцы. Ей была невыносима мысль о том, чтобы снова сесть в седло. Рядом, с лошадью под уздцы, шел Хит. Посетив несколько трактиров, но так и не добившись успеха, они заметили двухэтажную таверну. Заглянув в ярко освещенные окна первого этажа, откуда доносились голоса, молодые люди сделали вывод, что на втором этаже есть отдельные комнаты.

Амели пожала плечами:

— Стоит попробовать.

Они передали поводья лошадей стражнику из Вяранджа.

— Подождите здесь, — приказал Хит, а сам вместе с Амели направился ко входной двери таверны.

Внутри оказалось меньше народу, чем ожидала Амели. За одним из столов сидели всего четыре посетителя. Они громко смеялись и похоже, были почти пьяными. За стойкой бара стоял тощий мужчина с редкой бородкой.

Определив в нем хозяина, Хит подошел ближе:

— Добрый вечер. Ты сдаешь комнаты наверху?

Мужчина взглянул на Амели, снова на Хита и улыбнулся:

— Сдаю, сэр. Чистые комнаты, и за справедливую цену.

— У тебя уже есть гости сегодня?

— Улыбка мужчины погасла:

— Почему вы спрашиваете?

Что-то в поведении хозяина таверны привлекло внимание Амели. Она внимательно наблюдала за ним, пока Хит повторял свою историю о недопонимании с сестрой. Как только он описал Рошель и Мэддокса, выражение лица мужчины изменилось.

Он покачал головой:

— Извините, ничем не могу вам помочь. У меня нет гостей, и я не видел дам с золотисто-русыми волосами. Я бы запомнил, если бы видел.

На этот раз улыбнулся Хит:

— Одну минуту, пожалуйста.

Он жестом велел Амели оставаться на месте, а сам подошел к двери, приоткрыл ее и выглянул наружу:

— Лейтенант? — позвал он и поднял два пальца.

Когда он вернулся в главный зал таверны вместе с двумя стражниками Вяранджа в красных табардах за столом пьяниц воцарилась тишина. Хозяин таверны попятился, и Хит молниеносно схватил его за запястье, прижимая ладонью к стойке. Это застало Амели врасплох. Хит не выглядел достаточно сильным, чтобы так прижать другого мужчину.

Свободной рукой Хит указал на кинжал на поясе стражника из Вяранджа. Солдат вытащил оружие, и Хит повернулся к перепуганному хозяину.

— Я здесь в компании принца Дамека, — спокойно объяснил Хит.

— Принца Дамека?..

— Итак, ты понимаешь, что у меня есть право делать все, что я пожелаю, — продолжил Хит, как будто его и не прерывали. — Если в твоём заведении наверху находят-ся те двое, которых я ищу, или если ты знаешь, где они, лучше скажи мне сейчас. Если нет, — он указал на стражника с кинжалом, — я прикажу ему начать отрезать тебе пальцы, один за другим, начиная с большого пальца вот на этой руке, — Хит кивнул на прижатую к стойке руку мужчины.

Глаза трактирщика расширились, а Амели подавила вздох. Сейчас Хит говорил точь-в-точь как Дамек.

— Не здесь, — пробормотал хозяин таверны. — Они в конюшне... в нескольких кварталах к востоку. Мне принадлежит часть ее, я разместил их в задней комнате. Но тот солдат хорошо заплатил мне за молчание, а я всегда выполняю то, что обещал. Вы понимаете... я не знал, что принц Дамек ищет его и леди.

Хит снова улыбнулся и отпустил мужчину:

— Конечно, я понимаю, и благодарю тебя за хлопоты.

Развернувшись на каблуках, Хит пошел к двери. Не имея особого выбора, что ей делать дальше, Амели отправилась за ним и стражниками Вяранджа на улицу. Там она схватила молодого барона за руку:

— Хит, ты же на самом деле не стал бы отрезать пальцы тому человеку?

Он остановился:

— Отрезать пальцы... Боже милосердный, конечно нет. Я думал, ты знаешь, что я блефую. Я понятия не имею, что бы я делал, если бы он не начал говорить.

Выслушав его объяснения, Амели не смогла удержаться от смеха. Определенно, Хит был непредсказуем. Но потом она стала серьезной. Они нашли Рошель и Мэддокса, и она боялась, что он не будет таким сдержанным, когда дело дойдет до общения с Мэддоксом.

Амели была готова ко всему:

— Давай найдем эту конюшню.

***

Ехавшие впереди Дамека и кимовесских стражников Селин и Антон довольно легко нашли конюшню в восточной части города. Антон поднял руку, останавливая небольшой отряд примерно в квартале от строения.

Конюшня была огромной, построенной из цельного дуба, со стеклами в высоких окнах. Селин испытывала противоречивые чувства. Одновременно она испытывала радость и была несчастна. Она знала, что должна быть на высоте, оценивая быстро меняющуюся ситуацию и быть готовой защитить Рошель или, возможно, Мэддокса, в зависимости от того, как все будет развиваться дальше. И все же, на этот раз, ее мысли были не о финальном моменте их поисков.

По дороге в конюшню Селин предавалась жалости к себе, заново оплакивая погибшего отца и злясь на отсутствие справедливости, долгое время, царившее в этой провинции. А потом... сначала Антон проявил удивительную доброту к ней, потом поцеловал ее, и она позволила себе раствориться в нем, в тепле и удовольствии от его прикосновений. И когда он отстранился от нее, она была растеряна и обижена.

Мгновение спустя, несмотря на то, что Селин чувствовала себя разбитой из-за навалившихся разом многих событий, она поняла, почему Антон отстранился от нее. Сейчас она жалела, что не может поговорить с ним. Она знала его достаточно хорошо, чтобы понимать, что его будет мучить чувство вины. По правде говоря, Селин все еще было больно думать о том, что он отдалился от нее, но здесь, на вражеской территории, им обоим нужно было сохранять самообладание. Потеряться друг друга было опасно, а они не имели права так рисковать.

Даже с расстояния в квартал взгляд Антона скользил вверх и вниз по большой, ухоженной конюшне. Широкие входные двери были открыты.

— Этот город, — медленно произнес он, — выглядит довольно процветающим.

— Ты имеешь в виду город под моим управлением? — поинтересовался Дамек.

Антон ничего не сказал, и тогда Дамек признался:

— Мэр — хороший друг отца, старый друг, и я решил, что пока здесь можно обойтись более гуманными методами.

Антон спешил:

— Входные двери открыты, так что, скорее всего, внутри кто-то дежурит. Я проверю, есть ли там лошади.

Не дожидаясь, пока ее пригласят, Селин сошла с Соболя. Дамек и капитан Коче наблюдали, как она присоединилась к Антону.

— Постарайся на этот раз быть немного быстрее, — сухо сказал Дамек.

Антон направился к конюшне, Селин — за ним. По дороге они не разговаривали, и Селин смирилась с тем, что с дальнейшими разговорами, о себе или друг о друге, придется подождать.

Одинокий фонарь, висевший прямо перед широкими дверями конюшни, давал немного света. На стенах висели различные принадлежности и упряжь, а перед самым входом стояли два фургона.

Селин и Антон прошли мимо двух пустых стойл. Наконец принц остановился перед третьим. Дверь его была открыта, и Селин, заглянув внутрь, увидела юношу лет шестнадцати, спящего на матрасе на полу. Он даже не пошевелился. Если его работа заключалась в том, чтобы охранять лошадей от воров, то от него было мало толку.

Антон приложил палец к губам и жестом показал Селин идти вперед. Они тихо двинулись дальше, заглядывая в каждое стойло, но не нашли ни чалого жеребца, ни белой кобылы в передней части конюшни. Дойдя до прочной несущей стены с дверным проемом, они прошли в заднюю половину здания. Единственным освещением здесь был лунный свет,

проникающий через верхние окна, да ответ фонаря позади них.

Пройдя четыре пустых стойла Селин заглянула в пятое. Там стояла прекрасная белая кобыла со стройными ногами и шелковистой гривой.

— Антон.

Заглянув внутрь, он подошел к соседнему стойлу:

— Большой чалый скакун.

Они нашли лошадей. Это означало, что предположения Хита с самого начала были верны. Мэддокс и Рошель находились где-то поблизости... где-то рядом.

Со стороны входной двери в конюшню послышалось движение, и молодой мужской голос позвал:

— Хэлло? Есть там кто-нибудь?

Антон нахмурился. В конце ряда стойл была закрытая дверь.

— Через заднюю дверь, — беззвучно произнес он одними губами.

Селин молча пошла за ним. Дойдя до двери, Антон попытался повернуть щеколду, дверь не поддавалась.

— Она заперта, — прошептал он. — И я бы предпочел пока никого не предупреждать о нашем присутствии здесь.

Развернувшись, Антон прижался плечом к двери и уже собирался попытаться выломать ее, когда дверь рывком открылась. Антон каким-то чудом удержался на ногах, успев в последнюю минуту отшатнуться назад. За дверью стоял капитан Мэддокс. На лице солдата было написано потрясение, в руке он сжимал меч. Не раздумывая Мэддокс быстро нанес удар, попав Антону в лицо кулаком, сжимавшим рукоять. Селин невольно ахнула и отскочила в сторону. Антон упал на пол, умудрившись перекатиться почти вплотную к ней, одновременно выхватывая свой меч и не обращая внимания на кровь, стекавшую из разбитой губы на подбородок.

Селин смотрела мимо Мэддокса. За его спиной находилась маленькая комната со столом, на котором стоял фонарь с мерцающей свечой. У стола стояла Рошель, прижимая руку ко рту.

Мэддокс взревел и бросился на Антона. Он был намного крупнее, но в последнюю секунду Антон отступил в сторону, и Мэддокс проскочил мимо того места, где стоял принц. Одновременно с этим капитан опустил меч и чуть не задел Селин. Она лишь почувствовала, как над ухом просвистел воздух, когда лезвие ухнуло вниз.

— Мэддокс, остановись! — крикнул Антон.

Рошель выбежала из маленькой комнаты, где они с Мэддоксом прятались, переводя испуганный взгляд с Селин на Антона.

— Здесь в тесном помещении женщины, — торопливо продолжил Антон. — Ты хочешь, чтобы мы оба размахивали мечами?

Мэддокс замер, взглянув на Селин. В глазах мужчины светилось отчаяние, и она поняла, что Антон сделал правильный выбор.

— Рошель!

Селин полуобернулась и увидела Хита, стоящего примерно в двадцати шагах от них. Прямо за ним были Амели и стражники из Вьяранджа... а за ними Дамек со стражниками из Кимовеска.

— Хит! — вдруг воскликнула Рошель. — Я знала, что ты найдешь меня.

***

Подъехав вместе с Хитом к конюшне, Амели немного растерялась, увидев Дамека и его людей. Даже не спрашивая, почему они здесь, Хит объяснил, что у них есть основания полагать, что Мэддокс спрятал Рошель в комнате в задней части конюшни.

Барон повел их за собой. Но едва войдя в конюшню, они услышали крик Антона, призывающего Мэддокса остановиться. Перейдя на бег, Хит поспешил на крики принца. Амели бежала прямо за ним...

Антон и Мэддокс стояли друг против друга с обнаженными мечами. Рядом с Антоном стояла Селин. Рошель находилась сразу за маленькой дверью в задней стене.

— Хит! — воскликнула она. — Я знала, что ты найдешь меня.

Последовало несколько секунд тишины. Мэддокс выглядел измученным и растерянным одновременно.

— Опустит клинок! — прошипел на него Хит.

Амели заметила, что взгляд Рошель был направлен поверх Хита... за спину самой Амели, на кого-то еще, стоявшего дальше, позади них. Вдоль правой стороны пустых стойл, мимо стражников Вяранджа к ним медленно шел Дамек. Его лицо не выражало вообще никаких эмоций, а взгляд перемещался с Мэддокса на Рошель и обратно.

— Милорд! — в голосе Рошель слышался страх. — Он выкрал меня из замка. Он заставил меня!

— И как он заставил тебя очаровать одного из моих стражников, чтобы тот открыл порткуллис? — поинтересовался Дамек.

Дыхание Рошель участилось:

— Он угрожал мне.

— Чем?

Как только эти слова слетели с губ Дамека, Хит в ярости повернулся к нему:

— Как вы смеете так обращаться с ней... после того, что она пережила? — Он указал на Мэддокса: — Я сам казню его! Это он пытался помешать этой свадьбе.

— Это неправда, — хрипло ответил Мэддокс, опуская свой меч в знак поражения. — Но я действительно заставил Рошель пойти со мной. Я пытался спасти ее.

Дамек проигнорировал Хита, продолжая сверлить взглядом Рошель. У Амели возникло плохое предчувствие, что Дамек наиболее опасен именно в тот момент, когда он кажется абсолютно спокойным, как сейчас.

— Милорд, — Селин проскользнула мимо Антона и подошла к Дамеку. — Моя сестра может без сомнения рассказать вам, что именно произошло. — К счастью, Селин снова стала похожа на саму себя. Что-то разбудило ее. — Пожалуйста, позвольте Амели прочитать одного из них, и тогда вы узнаете правду, — продолжила она.

Наконец Дамек перевел взгляд на Селин, ненадолго задержавшись на ее лице, а потом оглянулся сначала на Рошель, а затем на Мэддокса:

— Пусть она прочтет... *его*.

Он все еще излучал опасность, но Селин добилась того, ради чего сестры пришли сюда. До сих пор никто не убил Мэддокса на месте, и теперь у Амели был шанс выяснить, что произошло на самом деле. Сложность заключалась в том, что ей и Селин было поручено проследить за тем, чтобы брак Дамека состоялся. Если Мэддокс окажется невиновным... и Рошель сбежала с ним, как, черт возьми, Амели сможет спасти и его и брак? И все же она должна была узнать правду. Она плохо знала Мэддокса, но любой заслуживал знать правду.

Пройдя вперед через небольшую группу людей, Амели направилась прямо к Мэддоксу.

Его глаза были полны отчаяния, а по лицу стекала струйка пота.

— Как вы нас нашли? — недоуменно прошептал он.

— Хит знал, что ты сделаешь, — ответила она. — Большую часть пути мы просто шли за ним.

— Хит?

То потрясение, что прозвучало в голосе капитана, с каким он повторил имя Хита, обеспокоило Амели. Неужели тот факт, что у Хита в голове были мозги, был так невыносим?

Она посмотрела мимо Мэддокса в комнату:

— Там есть стулья? Нам нужно сесть, но оставь меч здесь.

На лице мужчины промелькнула вспышка неповиновения. Но так же быстро исчезла, когда он посмотрел на Рошель. Потерпев поражение, Мэддокс оставил меч и прошел в комнату. Амели отправилась за ним следом.

Они вошли в узкую, но довольно уютную комнату с кроватью, столом, стульями и даже фарфоровым умывальником. Неплохо для задней части конюшни.

— Садись, — приказала Амели. — Мне только нужно коснуться твоей руки.

— Я знаю.

Дамек застыл в дверном проеме, внимательно наблюдая за ними, и Амели попыталась отгородиться от него. Обхватив руку Мэддокса, она закрыла глаза. Нащупала искру его духа. Хотя это было ужасное вторжение, она знала, что на этот раз не сможет вернуться только в качестве наблюдателя. Ей нужно было увидеть и прочувствовать прошлое так, как его чувствовал Мэддокс. Простого наблюдения за событиями в том виде, как они разыгрывались, было бы недостаточно.

Последовал первый толчок. Амели попыталась зацепиться за дух Мэддокса, и когда у нее получилось это сделать, она заставила его слиться со своим собственным духом. Она чувствовала, как тревога захлестывает разум мужчины, но не отпускала. Она изо всех сил пыталась увидеть глазами Мэддокса и почувствовать то, что чувствовал он... До тех пор, пока она не стала Мэддоксом.

Последовал второй толчок. Комната вокруг них исчезла, и они вместе понеслись назад сквозь серо-белый туман.

Глава 10

Усадьба Квиллетт близ Энемуска

Месяц назад

Мэддокс никогда не испытывал такой радости. Рошель лежала под ним. Ее стройное, совершенное тело было обнажено, руки обвивали его шею. Они находились в той же маленькой комнате для гостей, которой иногда пользовались, когда обоим удавалось найти повод улизнуть. Сегодня они с пользой провели прошедший час, но он уже почти истек.

Такие украденные мгновения стали центром жизни Мэддокса. На протяжении многих лет у него были разные женщины, и некоторые из них были ему глубоко небезразличны, но он никогда не был влюблен. До сих пор он даже не знал, что означает это слово.

Рошель провела носом по его щеке, и он вздохнул от удовольствия, скользнув вверх рукой по ее бедру, добрался до одной из маленьких округлых грудей.

— Рошель, — прошептал нежно.

Даже спустя три недели Мэддокс иногда все еще не мог в это поверить. Каждый неженатый дворянин, заезжавший в поместье Квиллетт, делал Рошель предложение, а она отдалась ему, солдату без титула и состояния... да еще на двенадцать лет старше ее. Как ему

могло так повезти?

— Мы должны все рассказать твоим родителям, — сказал Мэддокс. — Это начинает казаться бесчестным.

— Тебе это кажется бесчестным? — игриво мурлыкнула Рошель, скользя пальцами по его шее и дальше вниз по спине.

Все тело мужчины покалывало, но он отстранился от любимой и перекатился на бок.

— Я серьезно. Мы должны рассказать им и устроить наш брак. — Он залюбовался ее прекрасными золотисто-русыми волосами в который искрился солнечный свет, проникавший через небольшое окно комнаты.

Рошель села, откинув одеяло, чтобы он мог видеть ее. Зрелище обнаженного тела девушки никогда не переставало его восхищать. Взгляд мужчины переместился с узких округлых бедер на хрупкие плечи. Белая кожа была безупречна.

— Пока нет, Мэддокс. Я еще не придумала, как им сказать... как все объяснить. Боюсь, если мы выберем неподходящее время, меня могут запереть в моей комнате, а тебя уволить со службы.

— Твоя мать не уволит меня.

Место Мэддокса в семье было несколько двусмысленным. По сути, он был «подарком». Три года назад принц Родек «подарил» семейству Квиллетт капитана гвардии Энтес для присмотра за их поместьем. Хотя Мэддокс состоял на службе у леди Хелены и ее брата, лорда Хэмиша, в повседневной жизни они относились к нему почти как к равному, и он часто обедал вместе с ними в столовой. Мэддокс только играл роль телохранителя, стоя в боевой готовности у стены, когда в доме были гости.

— Она уволит тебя, если мы неправильно выберем момент и слова, — возразила Рошель, — а я этого не вынесу. Пожалуйста, подожди еще немного, мы что-нибудь придумаем. Я не могу стать причиной твоего увольнения.

— Скоро? — поинтересовался Мэддокс, мысленно уже представляя день их свадьбы.

— Скоро, — улыбнулась Рошель и легла, вытягивая стройное тело. — Прикоснись ко мне снова.

***

Прошла неделя, и возлюбленные смогли встретиться еще два раза. Рошель было всего восемнадцать, и она ничего не знала о мире. Мэддокс удивлялся, что такая юная и невинная девушка может быть такой ненасытной в постели. Казалось, она никак не могла насытиться им. И ему это нравилось. Он нашел идеальную женщину.

Тем не менее, Мэддокс снова стал настаивать на том, чтобы Рошель позволила ему поговорить с ее матерью и дядей, но она так боялась перспективы его увольнения, что умоляла подождать. Он знал, что больше ждать не может. Ему доверяли в этом доме, и мысль о том, что они с Рошель проделывали в дальних уголках поместья, наполняла его одновременно жаром и чувством вины.

Наступил вечер, и Мэддокс оделся к ужину, но, войдя в столовую, тот час подумал, а не забыл ли он о каком-то особенном событии. На столе были искусно расставлены розы и красивые серебряные канделябры, которые леди Хелена выставляла только по случаю торжественных вечеров.

Но здесь присутствовали только члены семьи и все они уже сидели за столом. Взглядом мужчина первым делом нашел Рошель. Она была великолепна в муслиновом платье бледно-желтого цвета. Распущенные волосы ниспадали на плечи. Рядом с Рошель сидела старшая

дочь семьи... Карлотта. Она отличалась от сестры, как снег от огня. Внешне Карлотта была похожа на отца: крупнокостная, с мускулистыми руками. Хотя ей было всего около двадцати с небольшим, ее непослушные темные волосы уже начали седеть, и девушка собирала их в строгий узел. У Карлотты был острый нос, а уголки рта постоянно опущены вниз. Носила она, в основном, темные платья с высоким воротом и длинными рукавами. Мэддокс никогда не слышал от нее ни одного доброго слова.

Через стол от Карлотты сидела Лизбет. Глядя на нее сердце мужчины забилося, но совсем не так, как при виде Рошель. Бедная Лизбет. За три года, прожитых здесь, он наблюдал, как из неуклюжей двенадцатилетней девочки она выросла в неуклюжего пятнадцатилетнего подростка. Девчонке явно не хватало изящества. На лице у нее часто появлялись красные пятна, такие были на лицах многих ее ровесников, а волосы, казались вечно взлохмаченными, как бы она ни пыталась их заколоть или уложить. Платья на Лизбет болтались, как на вешалке, а еще она постоянно ерзала на стуле и теребила рукава платья.

Но Мэддокс не мог не испытывать к ней нежности. Лизбет была открытой и честной, с добрым сердцем. Она была добра к лошадям, любила бегать и лазать по деревьям. К сожалению, леди Хелена никогда не упускала случая указать младшей дочери на ее недостатки, и Лизбет стала стесняться. Мэддоксу было жаль ее, но он чувствовал, что со временем неуверенная и неуклюжая девочка сможет стать по-своему красивой женщиной и, возможно, покорит весь мир.

Слева от Лизбет сидел Хит, и при виде его жалость Мэддокса усилилась. В свои восемнадцать Хит был больше похож на ребенка, чем на мужчину, и очень редко разговаривал. Он выглядел как мужская копия Рошель, но в его случае это производило... тревожное впечатление. Мэддокс пытался сделать для юноши все, что мог. Он даже организовывал частные уроки, чтобы парень мог научиться обращаться с кинжалом, но рядом с Хитом Мэддоксу было не комфортно. Ситуация складывалась намного лучше и для Хита, и для Лизбет, когда еще был жив барон Алексис.

Их отец излучал теплоту, которой так не хватало их матери. Он уравнивал семью. Но когда Хиту и Рошель было по шестнадцать, барон Алексис умер после непродолжительной болезни. Хит получил титул барона, но это лишь заставило его еще больше уйти в себя. Лорд Хэмиш открыто презирал племянника и пренебрежительно отзывался о нем при каждом удобном случае.

— Я опоздал? — спросил Мэддокс, все еще думая о розах и серебряных канделябрах.

— Вовсе нет, капитан, — спокойно ответила леди Хелена. Сегодня на ней было красное шелковое платье, а в ушах серьги с драгоценными камнями.

— Садись, выпей немного вина, — лорд Хэмиш указал на обычное место капитана за столом.

Мэддокс сел. Он никогда особо не интересовался лордом Хэмишем. Это поместье принадлежало его шурину, а теперь Хэмиш относился к нему как к своему собственному, хотя формально оно принадлежало Хиту вместе с винным бизнесом. Но Хиту не давали право голоса ни в управлении домом, ни в бизнесе, а он, похоже, и не возражал. Хит ни к чему не проявлял никакого интереса. Ему только нравилось проводить время с Рошель и Лизбет. Мэддокс полагал, что это потому, что девочки принимали его таким, каким он был.

— Налей немного вина капитану Мэддоксу, — приказал лорд Хэмиш слуге.

Леди Хелена наклонилась вперед:

— Лизбет, не прихлебывай так вино. Поставь его на место и сядь прямо. У твоего дяди

есть сообщение.

Лизбет послушно отставила кубок.

Лорд Хэмиш встал, и, к недоумению Мэддокса, с улыбкой обратился к Рошель.

— Моя дорогая племянница, — он поднял свой кубок. — У нас с твоей матерью есть для тебя новости... новости для всей семьи. Мы вели переговоры с домом Пален. Сегодня утром твоя сестра Карлотта получила письмо из замка Кимовеск, и теперь мы вступили в официальные переговоры о браке между тобой и принцем Дамеком... который, как мы все знаем, станет следующим великим принцем Древинки. — Хэмиш протянул кубок Рошель. — Моя дорогая девочка... ты станешь великой принцессой нашего народа.

Мэддокс застыл на месте, думая, что ослышался.

Рошель уставилась на дядю, а затем опустила глаза в свою тарелку.

— Разве ты не рада, моя милая? — спросила леди Хелена. — Разве это не лучшая новость?

— Да, мама, — ответила Рошель. — Я просто потрясена.

И тут до Мэддокса дошло, что все происходит на самом деле. Конечно, Рошель сейчас заговорит. Она должна все рассказать. Она не могла допустить продолжения этих переговоров.

Мэддокс заметил, как Рошель бросила быстрый взгляд на Лизбет и Хита. Ну, конечно, она не хотела говорить о своей любви к Мэддоксу... о своих отношениях с Мэддоксом в этой разношерстной компании. Она попросит личной встречи у матери и дяди... и у самого Мэддокса.

Придя к такому выводу, капитан расслабился в своем кресле.

— Ты же это не серьезно? — разнесся над столом голос Хита. Молодой человек поднялся на ноги и пристально смотрел на мать. — Дамек? Принц Дамек? Ты знаешь его репутацию.

Мэддокс никогда не видел Хита в таком настроении.

— Сядь, — приказала леди Хелена, — и веди себя так, как подобает себя вести за этим столом. У нас отличный повод для празднования, и ты выпьешь за предстоящее замужество твоей сестры.

Опустив глаза, Хит сел и послушно сделал глоток вина из кубка. Мэддокс захотел успокоить молодого барона. Сказать, что разговоры о принце Дамеке скоро закончатся.

***

Остаток ужина прошел в тишине, нарушаемой лишь случайными вопросами лорда Хэмиша к Карлотте о первоначальном требовании Дамека о приданом. Мэддокс не слушал ответы, но понял, что переговоры были полностью возложены на Карлотту.

По мере того как трапеза заканчивалась, Мэддоксу все больше хотелось поговорить с Рошель наедине, чтобы составить план разговора с лордом Хэмишем и леди Хеленой. Он прекрасно понимал, какой переполох и разочарование они вызовут, но это нужно было сделать сегодня.

— Рошель, вы все еще хотите, чтобы я осмотрел копыто вашей кобылы? — спросил он. — Вы упоминали ранее, что она хромает.

Впервые с начала ужина Рошель посмотрела прямо на него:

— Да... да, это было бы любезно.

— Я приношу извинения за то, что не позаботился о ней раньше. Вы пойдете со мной? — Мэддокс не мог прочесть выражение ее лица.

— Ты должна идти прямо сейчас? — леди Хелена посмотрела на дочь. — Я хотела обсудить свадебный пир.

— Я попросила капитана осмотреть ногу Миры, мама, и хотела бы услышать его мнение о лечении. Мы ненадолго.

Все знали, что Рошель любит свою лошадь.

— Можно мне пойти? — спросила Лизбет.

— Нет, тебе лучше остаться здесь, — ответил Мэддокс. — Сегодня прохладная ночь.

Пока они шли через дом, Рошель держалась рядом с ним, но как только они вышли через парадные двери и оказались во дворе одни, Мэддокс привлек ее к себе.

— Мы должны поговорить с твоей матерью и дядей сегодня вечером. Нам надо было поговорить с ними несколько недель назад, а теперь Карлотта попадет в неприятную ситуацию с принцем Дамеком, когда разорвет отношения.

— Мы не будем ни с кем говорить, — прошептала девушка, опустив глаза, пряча от Мэддокса взгляд.

— Что?

— Разве ты не видишь? — продолжила она тихо, с сожалением. — Моя семья находится в шаге от королевской семьи. Для этого уже многое сделано. Я не могу разрушить все это ради моей матери. Я этого не сделаю.

Мэддокс отступил назад.

— Но ты же не собираешься выходить замуж за принца Дамека? Ты и я... мы принадлежим друг другу. Мы должны пожениться, — внутри Мэддокса начал подниматься гнев. — А что, если я сам пойду к твоей матери и дяде и все им расскажу?

— Если ты это сделаешь, произойдет одно из двух. Либо мой дядя сделает все необходимое, чтобы замять скандал, и прикажет тебя по-тихому убить как можно скорее, либо... он взорвется от ярости, меня назовет шлюхой, а тебя отошлет обратно к принцу Родеку, назвав соблазнителем юных дочерей. Я буду разорена, а ты никогда больше не займешь никакой должности ни в одном великом доме. — Рошель всхлипнула и слезы потекли по ее лицу. — Какой из этих исходов ты бы предпочел?

Мэддокс, отшатнувшись, сделал шаг назад:

— Так ты... ты намерена выйти замуж за Дамека?

— Прости. У меня нет выбора.

***

Прошло почти две недели, а в поместье только и было разговоров, что о брачных переговорах. Мэддоксу стало больно, когда он понял, что Рошель изо всех сил старалась избежать любой возможности остаться с ним наедине. Он, в свою очередь, начал придумывать предлоги, чтобы не посещать семейные обеды. Часть его верила, что Рошель все еще может каким-то образом найти способ прекратить переговоры, и как только это произойдет, у него и у нее может появиться шанс поговорить с ее матерью и дядей, не боясь разрушить интересы семьи.

Мэддокс не мог отогнать воспоминания о том, с каким голодом Рошель искала встречи с ним, как они прятались в комнатах для гостей или кладовых, а однажды забежали в конюшню, и Рошель наполовину уже избавилась от платья, прежде чем он закрыл дверь. Она так сильно хотела его. А теперь... почти не разговаривала с ним. Это было пыткой.

В поместье находился небольшой отряд частных стражников, у которых было совсем немного обязанностей, поскольку поместье Квиллетт находилось в одном из самых

безопасных районов Древинки, и одной из обязанностей Мэддокса было следить за сменой часовых.

Мэддокс сидел за письменным столом в своей маленькой комнате на верхнем этаже поместья и безуспешно пытался сосредоточиться на смене часовых, когда раздался стук в дверь. Мужчина повернул голову. Неужели это Рошель? Но она никогда раньше не приходила к нему в комнату. И вообще, никто и никогда не стучался в его дверь.

Поднявшись на ноги, Мэддокс подошел к двери и распахнул ее.

За дверью стояла леди Хелена. Женщина выглядела взволнованной и растерянной.

— Я приношу извинения за то, что побеспокоила вас в вашей комнате, капитан, — произнесла она, — но ничего не поделаешь. Похоже, что посредством письменной связи переговоры о помолвке зашли в тупик. Мы готовы дать за Рошель довольно щедрое приданое, но принц Дамек требует слишком многого. Он хочет пожизненно получать часть дохода от виноделия. Лорд Хэмиш считает, что личная встреча могла бы помочь в решении этого вопроса, но, конечно, он никогда не будет настолько груб, чтобы высказать это принцу.

Мэддокс не понимал, к чему она клонит. Почему предложение о личной встрече с Дамеком считается грубостью?

— Итак, лорд Хэмиш организовал семейный визит в Кимовеск. Принц Дамек воспринял эту идею как очаровательную. — Хелена сделала паузу: — Я рассказала обо всем своей сестре, и принц Родек немедленно выделил отряд солдат Вьяранджа для нашего сопровождения. Они прибудут завтра днем. Командовать ими будете вы. Мы выезжаем через два дня. Я сожалею, что поставила вас в известность в последний момент.

Воины Вьяранджа охраняли семью того, кто исполнял обязанности великого принца в течение любого девятилетнего периода. Для леди Хелены прибытие с отрядом солдат Вьяранджа в красных табардах лишь придаст больше убедительности ее заявлению о королевских связях.

И все же Мэддокс все еще не совсем понимал ситуацию.

— Миледи... семейный визит? Вы же не имеете в виду Лизбет и Рошель?

— Конечно, Рошель. Как только принц Дамек увидит ее, он... — Хелена замолчала и бросила на капитана тяжелый взгляд, словно он говорил дерзости. — Вы будете выполнять роль телохранителя для детей. Мы уезжаем завтра, — и с этими словами она скрылась в коридоре.

Теперь Мэддокс полностью понял план. Принц Дамек просил больше, чем они были готовы заплатить, и Хелена и Хэмиш делали ставку на то, что произойдет, как только Дамек увидит Рошель... поговорит с Рошель. Возможно, он откажется от половины своих требований. Хелена использовала красоту и милый характер собственной дочери в качестве разменной монеты... но делала это под предлогом, казалось бы, невинного семейного визита, для знакомства с будущим новым членом семьи.

Схватившись за дверную защелку, Мэддокс почувствовал себя так плохо, что подумывал о том, чтобы собрать вещи и уехать. Он не мог заставить себя принять участие в этом. Но мгновение спустя передумал. Предстоящая поездка не была какой-то вечеринкой в саду в компании прекрасного принца. Самым распространенным эпитетом, который он когда-либо слышал в адрес Дамека, было «извращенец», а в Древинке его солдаты славились дурной репутацией насильников. Мэддокс не мог позволить, чтобы Рошель заставили поехать к принцу без надлежащей защиты, не говоря уже о Лизбет. Нет, он должен был ехать.

А возможно... это и к лучшему. Как только Рошель увидит реальность будущего, которое мать и дядя создавали для нее, она может быть настолько потрясена, что откажется от своего долга перед семьей. Эта мысль окончательно успокоила мужчину, и он начал собирать вещи.

***

После двухдневной поездки, ближе к вечеру вся семья прибыла к воротам Кимовеска. Впереди ехали Мэддокс и десять стражников Вяранджа, еще десять воинов замыкали шествие. В середине ехали члены семьи Квиллетт и их личные слуги. Гостей уже ожидали, им был предоставлен мгновенный вход через туннель сторожки. Но принца Дамека во дворе не оказалось. Вместо этого их приветствовал странный человечек маленького роста с родимым пятном на пол лица, который представился как мастер Лионель, и капитан с отвисшим брюшком и неухоженными усами, по имени Коче.

Замок был уродливым и неприступным, а во дворе не было никого, кроме стражников в черных табардах. Мэддокс доверял своей интуиции. Еще до встречи с Дамеком, который должен был быть здесь, Рошель видела перед собой атрибуты туманного будущего.

Мастер Лионель сообщил им, что принц Дамек еще не готов принимать гостей, но что всех проводят в отведенные им комнаты.

Их провели через весь замок на третий этаж восточной башни. Пока они поднимались по лестнице, Мэддокс заметил, что воздух во всем замке пропитался сыростью. Семье Квиллетт отвели комнаты, ближайšie к лестнице, а Мэддокса поселили в маленькой комнатке на приличном расстоянии от лестницы, в самом конце коридора. Капитан не возражал, он не собирался часто пользоваться ею.

Пока семья отдыхала после путешествия, капитан спустился вниз. Их лошадей и стражников Вяранджа уже должным образом разместили и накормили. Удовлетворенный увиденным, Мэддокс вернулся к отведенным семье комнатам. Он постучал в дверь Хита, чтобы узнать, как дела. Семья одевалась к ужину.

Едва по замку разнесся звон гонга, все члены семьи Квиллетт вышли из своих комнат. Леди Хелена и лорд Хэмиш были одеты в свои лучшие наряды, на руках у них сверкали кольца с драгоценными камнями. Хит был одет в простую синюю тунику поверх черной шерстяной рубашки, и выглядел так, как будто предпочел бы быть где угодно, только не здесь. Лизбет приложила некоторые усилия к своей внешности: она надела светло-зеленое атласное платье, волосы заплела в аккуратную косу.

Карлотта, как обычно, надела все черное, волосы собрала в повседневный строгий пучок. Выражение лица у девушки было жестким, решительным, словно она собиралась ринуться в бой. А потом... из своей комнаты вышла Рошель. Она тоже была одета во все черное, но на ней было бархатное платье с глубоким вырезом, открывавшим белую кожу шеи и ключиц до самых грудей. Платье плотно облегалo ее фигуру, ниспадая от талии до пола мягкими складками. Мэддокс никогда раньше не видел этого платья, и предположил, что оно новое. Распущенные волосы Рошель были тщательно расчесаны, а длинная челка подколота небольшой заколкой, украшенной драгоценными камнями.

— Прекрасно, — одобрительно сказала леди Хелена. — Ты просто мечта, моя дорогая. Она и была мечтой.

Появившийся из ниоткуда мастер Лионель проводил их вниз по лестнице, потом по длинному коридору вдоль задней части замка, в большой зал. В дальнем конце зала был накрыт стол. В очаге горел огонь.

За исключением нескольких слуг угрюмого вида и капитана Коче, в зале находился только один человек. Он стоял у очага спиной к арке, но повернулся, когда гости вошли. Принц Дамек.

Отвращение охватило Мэддокса при виде его. Дамек был стройным и холеным, с длинными темными волосами. Его кожа была почти белой, а узкие черты лица, безусловно, можно было назвать красивыми. Но выражение лица казалось каким-то безжалостным, словно он был неспособен понять страдания других.

Дамек улыбнулся, обнажив ровные белые зубы.

— Лорд Хэмиш, — произнес он, словно был актером в какой-нибудь пьесе. — Как приятно видеть вас снова.

Мэддокс предположил, что они уже где-то встречались раньше.

— Мой принц, — ответил Хэмиш, возвращая улыбку.

По правую руку от Хэмиша стояла леди Хелена, слева держалась Карлотта. Дамек поприветствовал леди Хелену, и та представила Карлотту как свою дочь. Едва взглянув на девушку, в глазах Дамека промелькнул нескрываемый ужас.

Должно быть, он подумал, что она и есть та самая невеста.

Выражение лица Дамека было настолько очевидным, что Хелена поспешила исправить неверное толкование принца.

— О, мой принц, это моя старшая дочь Карлотта, которой вы писали. — Она отступила в сторону: — Позвольте представить вам Рошель.

Когда Рошель попала в поле зрения Дамека, на его лице появилось совершенно другое выражение. Он выглядел ошеломленным.

— Милорд, — мягко поприветствовала его Рошель, не отрывая глаз от пола.

У принца Дамека были манеры крестьянина. Сначала он открыто оскорбил Карлотту, не потрудившись скрыть свое отвращение, а теперь уставился на Рошель, как голодный волк. Мэддокс уже ненавидел его, но опять же, принц Пален или нет, по крайней мере, Рошель могла видеть, насколько он безнадежно не подходит ей.

Дамеку быстро представили Хита и Лизбет, но он едва взглянул на них. Все его внимание было занято Рошель.

Подойдя к девушке, он взял ее руку и поцеловал:

— Моя леди.

Мэддоксу захотелось пронзить его насквозь мечом.

Карлотта наблюдала за Рошель с каменным выражением лица, но, к удивлению Мэддокса, он уловил в нем отблеск ненависти. Это застало воина врасплох. Ему никогда не приходило в голову, что кто-то может ненавидеть Рошель.

— Я опоздала? — раздался сзади вкрадчивый голос.

Мэддокс обернулся и увидел, как стройная женщина с длинными серебристо-светлыми волосами, одетая в длинную фиолетовую мантию, неслышно проскользнула через восточную арку.

— Ты всегда опаздываешь, — спокойно ответил Дамек, и указал на женщину: — Мой советник, леди Саорис.

Когда она приблизилась, Дамек представил ее всем присутствующим, а взгляд самой Саорис задержался на Рошель:

— О да... да.

Что-то в ней вызвало у Мэддокса дрожь.

— Пожалуйста, — Дамек указал на стол, — проходите, садитесь, мы выпьем перед ужином вина. Джоанна, принеси кувшин.

Оглянувшись, Мэддокс увидел поразительную молодую женщину с черными волосами и раскосыми глазами. По-своему она была почти так же прекрасна, как Рошель, что было редкостью. Джоанна несла большой кувшин к столу, но украдкой бросила несколько взглядов на Рошель, и в ее глазах... Мэддокс увидел тревогу. Он заметил, что Лизбет тоже наблюдает за Джоанной. Лизбет мало, что пропускала.

Всех вновь прибывших рассадили за столом на строго определенные места, причем Карлотта оказалась как можно дальше от Дамека.

Мэддокс стоял у стены, никем не замечаемый, как и положено слуге. На этот раз он был всего лишь телохранителем.

Каким-то образом ему удавалось сохранить невозмутимость и простоять по стойке смирно весь ужин и до позднего вечера. В какой-то момент Карлотта и принц Дамек поднялись в личные покои принца для дальнейших переговоров. Мэддокс считал, что их усилия были пустой тратой времени, и полагал, что к утру Рошель конфиденциально сообщит своей матери, что она не может выйти замуж за Дамека и стать хозяйкой этого мрачного замка.

Но на следующий день семья собралась в большом зале поздним утром. Позавтракав, все стали ждать принца. Дамек так и не появился. Никто даже не упомянул об отъезде. Хит бродил по замку за неимением лучшего, но все остальные по большей части, казалось, пребывали в полном неведении. И Мэддокс понял, что они не уедут. Рошель собирались принести в жертву Дамеку.

Ближе к вечеру все отправились наверх, чтобы переодеться к ужину, а когда спустились в большой зал, все повторилось. Прежде чем принесли еду, Дамек попросил своих гостей сесть. На столе были расставлены бокалы и тарелки, и Джоанна переходила от гостя к гостю, наливая темно-красное вино в кубки. Мэддокс не обращал внимания на попытки леди Хелены вести вежливую беседу, он уже знал, что это будет еще одна долгая ночь.

Карлотта почти ничего не говорила и, казалось, была в раздумьях. И снова ее усадили как можно дальше от стола хозяина замка. Именно она вела переговоры с Дамеком и, возможно, ожидала большего уважения и внимания, чем получала. С еще более горестным выражением лица, чем обычно, она сделала глоток из своего кубка.

— Вино вам по вкусу? — спросил принц Дамек у Рошель.

Та прошептала что-то вежливое в ответ, но тут Мэддокс заметил, что Карлотта испытывает некоторое беспокойство, пытаясь сглотнуть и, по-видимому, безуспешно. Она снова и снова пыталась сглотнуть, и ее глаза начали расширяться от ужаса. Дыхание с хрипом вырывалось из груди девушки.

— Вы в порядке, моя дорогая? — с легким смущением спросила леди Хелена.

Карлотта покраснела и с трудом поднялась на ноги, одной рукой схватившись за горло, а другой вцепившись в стол. Ее глаза выкатились из орбит, и Мэддокс сделал несколько нерешительных шагов вперед, определенно не зная, что делать дальше.

Люди вскочили из-за стола и бросились на помощь несчастной. Первым до нее добрался лорд Хэмиш. Шквал вопросов и криков наполнил зал, и Мэддокс услышал, как Рошель выкрикивает имя сестры. Он чувствовал себя беспомощным, но он был солдатом, а не целителем.

Карлотта издала гортанный звук, вздохнула пару раз, черты ее лица исказились, и она

упала навзничь в объятия лорда Хэмиша. Принц Дамек поспешил к ним, его лицо выражало одновременно и замешательство, и тревогу. Карлотта сделала последнюю попытку вздохнуть, а потом ее тело обмякло.

— Она мертва, — сказал лорд Хэмиш, поднимая взгляд на Дамека и тут же опустил его на кубок Карлотты.

— Это вы ее отравили? — выдохнул Хит. — Из-за переговоров о приданом?

От неожиданности Дамек приоткрыл рот, а леди Хелена чуть не задохнулась от возмущения:

— Хит!

— Я хочу домой, — заявила Лизбет. — Мы не можем больше оставаться здесь.

— Да, все кончено, — кивнул Хит. — Мы уезжаем.

И снова инертный молодой человек проявил удивительную силу духа, и внутри Мэддокса зародилась надежда, что Хит сможет одержать верх. Ни Хэмиш, ни Хелена, ни Рошель не произнесли ни слова. Они все еще смотрели на тело Карлотты и ее открытые, выкатившиеся из орбит глаза.

— Пожалуйста, — сказал Дамек, поднимая обе руки вверх. — Позвольте мне выяснить, что здесь произошло.

***

К утру следующего дня надежды Мэддокса снова рухнули. Никто ничего не паковал, и было ясно, что семья уезжать не собиралась. Дамек приказал перенести тело Карлотты в холодный подвал и пообещал леди Хелене, что выяснит, кто виновен в смерти ее дочери, и проследит, чтобы виновный был наказан. Такое заявление, по-видимому, успокоило и лорда Хэмиша, и леди Хелену.

Несколько дней тянулись очень медленно. Дамек либо спал, либо большую часть дня оставался в своих личных покоях, выходя оттуда только в сумерках. К неудовольствию Мэддокса, переговоры о приданом возобновились, и Дамек, и лорд Хэмиш встретились после ужина.

Никаких развлечений не планировалось. Рошель отнеслась к этому безмятежно, в своем стиле, но Мэддокс видел, что Хит, и Лизбет несчастны. Один раз капитан попытался поговорить с Рошель, чтобы узнать, не собирается ли она забыть о чести семьи теперь, когда видит, что ее мать и Хэмиш предназначили для нее. Но его слова только вызвали у нее слезы, и она отвернулась. С того момента Рошель следила за тем, чтобы они никогда не оставались наедине.

Мэддокс чувствовал себя беспомощным.

На пятую ночь после смерти Карлотты Мэддокс сопровождал брата и сестер в большой зал. Там оказались нескольких новых стражников в коричневых табардах... а потом он увидел трех новых гостей, мужчину и двух молодых женщин. Мужчина был поразительно похож на Дамека, только волосы у него были короче и не такие темные. И глаза у него были другими. В противоположность жестокому взгляду Дамека, глаза вновь прибывшего показались Мэддоксу... настороженными. Обе женщины на вид были очаровательны, особенно обладательница темно-русых волос. Она, конечно, не обладала неземной красотой Рошель, но была необычайно красива.

Леди Хелена представила мужчину как принца Антона, брата Дамека. Потом Антон представил мисс Селин и мисс Амели как своих личных провидец. Мэддокс понятия не имел, что это значит, но, похоже, они приехали, чтобы помочь Дамеку расследовать дело о

смерти Карлотты.

Почти сразу после этого мисс Селин призналась, что осмотрела тело Карлотты, но она не уверена, было это отравление или нет. Мэддокс молча застонал, когда леди Хелена подскочила от такой новости. После этого капитан стоял у стены, стараясь не обращать внимания на то, что говорят и не сводя глаз с Рошель.

Джоанна подала вино. В какой-то момент прибыла леди Саорис. Потом, по настоянию Лизбет, произошло некое дурачество, когда мисс Амели притворилась, что «читает» прошлое Джоанны. Вскоре после этого в зал вошел мастер Лионель, и Дамек попросил всех занять свои места за столом. Семья Квиллетт направилась к столу и Мэддокс последовал за ними, заняв свое привычное место у стены.

Мисс Селин пыталась вести вежливый разговор, а лорд Хэмиш отпустил несколько оскорбительных замечаний в адрес Хита. Лизбет тут же встала на защиту брата. Рошель сидела рядом с Дамеком, и принц наклонился, что-то шепча ей на ухо. Она улыбнулась. Мэддокс напрягся.

Лорд Хэмиш, похоже, положил глаз на хорошенькую Селин.

— Ты прочитаешь мое будущее позже? — спросил он.

— С удовольствием, — ответила она.

С похотливой улыбкой лорд Хэмиш сделал большой глоток вина и, казалось, собирался сказать что-то еще, но не смог вымолвить ни слова. Он попытался прочистить горло и сделать вдох. Безуспешно. На лице лорда застыло выражение тревоги.

— Милорд? — встревожилась Селин.

В панике вставая Хэмиш оттолкнул стул, хватаясь руками за горло и пытаясь вдохнуть глоток воздуха.

— Брат! — воскликнула леди Хелена, бросаясь к нему.

Рошель тоже вскочила на ноги. И снова Мэддокс не знал, что делать, но тут произошло чудо. Обезумевшая Рошель повернулась к нему и закричала:

— Мэддокс! Это происходит снова. Пожалуйста, останови это!

Она была напугана и нуждалась в помощи, и первым она позвала его. Мэддокс сорвался с места. Он подбежал к лорду Хэмишу в момент, когда тот начал заваливаться назад. Капитан успел поймать его и осторожно опустил на пол. Неожиданно на колени рядом с ними опустилась Селин. Она потянула лорда Хэмиша за воротник, ослабляя его, и умоляя мужчину попытаться дышать.

Глаза Хэмиша вылезли из орбит от боли. Он пытался дышать, но безуспешно. Мэддокс отчаянно хотел помочь, показать Рошель, что он может помочь, но ничего нельзя было поделать. Тело Хэмиша начало сотрясаться в конвульсиях. Несколько мгновений спустя он так и умер с открытыми глазами.

В отчаянии от того, что он каким-то образом подвел Рошель, Мэддокс посмотрел на нее, и она подарила ему ответный взгляд. Капитан прекрасно понимал, что этот обмен взглядами не остался без внимания Дамека.

***

К следующему вечеру мнение Мэддокса о Селин несколько изменилось. Утром она разозлила его, используя Лизбет, чтобы заманить его в конюшню и прочитать. Но никакого вреда от этого не было, а он не видел юную Лизбет такой счастливой с момента их приезда в Кимовеск. Шарлатанка или нет, орудие принцев Пален или нет, Селин обладала добротой, и это нельзя было отрицать, а Мэддоксу не мог не нравиться тот, кто был добр к

Лизбет.

Поначалу его встревожило, что никто, кроме леди Хелены не оплакивал лорда Хэмиша. Но через некоторое время даже это начало обретать смысл. Хэмиш никогда ничего не делал для семьи. Он пренебрежительно относился к Хиту и Лизбет, а Рошель ценил только за то, что она могла принести ему своим браком. Почему его племянники должны оплакивать его?

Когда, ранним вечером, извинившись, леди Сао-рис ушла, в большом зале что-то... произошло.

Все началось достаточно просто. Мисс Селин попросила свою сестру организовать карточную игру. Мэддокс ожидал, что принц Антон извинится и уйдет, но он этого не сделал. Он остался.

Мисс Амели объяснила правила игры с дурацким названием, и лицо Лизбет просияло. Вскоре она, Хит, Рошель, Амели, Селин и принц Антон собрались у одного конца стола и стали быстро передавать друг другу карты, очевидно, пытаясь составить пары и как можно быстрее разложить всю колоду.

Рошель первая избавилась от карт и крикнула:

— Я выхожу!

Амели подняла глаза:

— Победитель! У кого королева?

Антон поднял руку, сжимая карту. Это была пиковая дама.

— Неудачник! — воскликнула Амели.

Мэддокс не смог скрыть шок, когда Антон слегка улыбнулся и сказал:

— Раздай карты еще раз.

После еще нескольких раздач выяснилось, что у Антона была склонность оказываться с дамой в руках. К этому моменту уже большинство игроков смеялись, передавая карты так быстро, как только могли. Один Антон не смеялся, но Мэддокс подумал, что, возможно, он и не умеет смеяться.

И все же после той первой раздачи, каждый раз, когда его ловили с королевой в руках, Лизбет радостно хлопала в ладоши и кричала:

— Неудачник!

Принц только улыбался, совсем чуть-чуть, уголками губ и позволял ей безжалостно дразнить его... как подобает настоящему будущему брату. На шестой раздаче Рошель рассмеялась, снова выйдя из игры, и встретила взглядом с Мэддоксом. Она выдержала пристальный взгляд мужчины. Непрошенный и нежеланный, в его сознании вспыхнул образ того, как она извивается под ним, вытянув руки над головой и издавая тихие, животные звуки прямо ему на ухо.

Прикусив губу, Мэддокс отогнал этот образ.

Когда карточная игра окончательно потеряла свою привлекательность, Селин устроила шоу, рассказывая истории. У нее это неплохо получалось, и Мэддокс так увлекся, что на час отвлекся от боли, пожирающей его изнутри.

Потом Хит сбегал за своей лютней, и Антон снова поразил Мэддокса. Принц хлопал после каждой песни и вежливо хвалил Хита за мастерство.

До этого момента Мэддокс получал хоть какое-то удовольствие от того, что Рошель, Хит и Лизбет были так счастливы, наслаждаясь этими общими забавами. Но потом... его осенило: то, что он наблюдал, было иллюзией, мимолетным мгновением во времени, которое исчезнет, как только Антон заберет своих людей и уедет. Потом, как только Рошель

выйдет замуж, уедут Лизбет и Хит, и Рошель останется одна в этом зале без смеха, без историй и без музыки. Он не сможет такое вынести. Он должен остановить это.

В большой зал вошла служанка и объявила, что леди Хелена проснулась.

— Я должна пойти к маме, — сказала Рошель. — А вы все, пожалуйста, оставайтесь.

Мэддокс увидел свой шанс. Когда Рошель направилась к выходу, он отправился за ней, и никто даже не поднял глаз. Рошель оглянулась, но ничего не сказала, и они молча пошли по заднему коридору. На лестничной площадке Мэддокс нежно поймал ее и притянул к себе. Она позволила ему это, и он не мог поверить, испытывая почти физическое облегчение от того, что держит ее в своих объятиях.

— Ты не можешь оставаться здесь, — прошептал он. — Ты не можешь этого сделать. Ты не можешь связать свою жизнь с этим принцем.

И снова она сказала ему, что у нее нет выбора.

Отчасти такой ответ разозлил Мэддокса, он то знал, что раньше у нее не было выбора, а теперь есть. Отбросив остатки гордости, он умолял ее сбежать с ним в Белашкию. У него были кое-какие навыки, и он мог бы устроить их жизнь там. Если бы она только согласилась, он все еще мог бы спасти ее.

— И навлечь позор на мою семью? — удивилась Рошель. — На мою мать? Я не могу! Пожалуйста, пожалуйста, не проси меня об этом! Ты только мучаешь нас обоих. Если бы ты любил меня, ты бы позволил мне выполнить мой долг, — Рошель оттолкнула его и побежала вверх по лестнице.

Мэддокс в отчаянии прислонился к стене, но быстро выпрямился. Рошель была еще слишком молода, временами почти — ребенок. Она могла сослаться на честь и долг семьи, но не представляла, какое будущее ждет ее в этом месте... что ждет ее в жизни. Именно он должен был остановить это.

Повернувшись, Мэддокс взбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки за раз, а когда добрался до верха, Рошель уже была в конце коридора. Он догнал ее прежде, чем девушка успела дойти до комнаты матери, и схватил за руку.

— Мэддокс? — в голосе девушки звучала тревога.

Он никогда раньше не применял к ней силу. Но сейчас Мэддокс втолкнул ее в комнату, которую она делила с Лизбет, и закрыл дверь, загородив ее собой.

— Собери все, что тебе нужно, — приказал он. — Мы уезжаем.

— Я остаюсь.

— Нет, уезжаешь, — медленно произнес Мэддокс. — И если ты сейчас же не уедешь со мной, я отправлюсь прямо во внутреннюю западную башню, разбужу этого извращенного принца и расскажу ему, чем мы с тобой были друг для друга. Я расскажу ему обо всем, что мы делали друг с другом, и в каких комнатах поместья вашей семьи мы это делали. Я опишу каждый дюйм твоего тела и расскажу ему все, о чем ты умоляешь меня говорить, когда я внутри тебя.

— Ты не сделаешь этого.

— Я так и сделаю. Меня больше не волнует, что со мной произойдет.

Он говорил серьезно. Он забирал ее отсюда.

Рошель уставилась на Мэддокса, и впервые в ее глазах мелькнул гнев.

— Возьми плащ и собери вещи, или я увезу тебя прямо так, — сказал он.

Гнев на лице Рошель быстро сменился тревогой, но она сделала, как сказал Мэддокс. Он повел ее обратно вниз, по лестнице на кухню, потом на улицу, во двор. До конюшен

оставалось совсем немного. Несколько стражников Кимовеска, мимо которых они проходили, едва взглянули на них. Теперь для здешних мест это стало привычной картиной.

Мэддокс оседлал обеих лошадей.

— Садись в седло.

— Мы никогда не выедем за ворота. Ты об этом думал? — обычная мягкость исчезла из голоса Рошель. Он не узнавал ее.

— Ты выведешь нас отсюда, или я выполню свою угрозу.

Прищурив глаза, Рошель села в седло белой кобылы. Мэддокс вскочил на чалого, и они поехали к главным воротам. Хоть на дворе стоял уже поздний вечер, но дневного света все еще было достаточно.

Рошель взяла инициативу в свои руки и первой поскакала через сторожку у ворот. Она улыбку на лице передала дежурившему стражнику Кимовеска.

— Пожалуйста, откройте решетку, — попросила Рошель, снова становясь самой очаровательной. — Я бы хотела немного прокатиться.

Стражник переступил с ноги на ногу:

— Я... мне жаль, миледи, но принц Дамек ничего не говорил о том, что кто-то собирается покататься.

Рошель рассмеялась, смех ее был подобен музыке:

— Не думаю, что принц должен сообщать вам о желании его будущей невесты совершить короткую прогулку верхом. Со мной мой телохранитель. — Тон девушки слегка изменился, став более серьезным: — И я скоро стану хозяйкой этого замка.

Мэддокс был одновременно удивлен и обеспокоен тем, как хорошо она справилась со своей задачей.

Все еще растерянный стражник, все же крикнул:

— Поднимите решетку!

Механизм заскрежетал, и ворота поднялись.

Рошель и Мэддокс галопом выехали на дорогу, и капитан стал думать, что делать дальше. В замке у него было не так много времени, чтобы все спланировать.

После нескольких минут скачки Рошель остановила свою кобылу. Они были одни на открытой дороге.

— Не имеет значения, куда ты меня отвезешь, — Рошель первая прервала молчание. — Он найдет тебя и вернет меня обратно.

— Я думаю, ты переоцениваешь усилия, которые принц Дамек может приложить хоть к чему-нибудь.

— Дамек? — презрительно переспросила Рошель. — Он не смог бы найти свою собственную лошадь, если бы она потерялась. Я говорю о Хите.

— Хит? — и опять Рошель показалась Мэддоксу какой-то чужой, незнакомой... той, кого он даже не знал.

— Ну? — поинтересовалась она, игнорируя его вопрос. — Что теперь?

Схватив поводья ее лошади, Мэддокс решил ехать в деревню Кимовеск. Ему нужна была информация и направление.

Глава 11

Видение исчезло, и туман сомкнулся, протащив Амели немного вперед. Она открыла глаза и увидела, что Мэддокс пристально смотрит на нее. А потом он издал хрип и обняв себя руками, рухнул со стула. Из груди мужчины вырвался еще один полувздых, полухрип.

Амели почувствовала к нему жалость. Одним из недостатков видения прошлого чужим взглядом было то, что человеку приходилось заново переживать все это.

— Ну что? — требовательно спросил Дамек, заграждая собой вход в маленькую комнату.

Прямо за ним стояли Хит и Рошель. Хит все еще был зол. Рошель нервничала.

Амели пришлось думать быстро. Эмоции и физические ощущения от всего, что она только что увидела и почувствовала, все еще заполняли ее разум. Но она не могла раскрыть прошлое Рошель и Мэддокса. Задача принца Антона заключалась в том, чтобы брак состоялся, и она не могла сделать ничего, что поставило бы это под угрозу, не поговорив сначала с ним.

И все же она не могла просто бросить Мэддокса на милость Дамека. Что она могла сказать?

Встав со стула, Амели сделала вид, что поддерживает упавшего Мэддокса.

— Что бы я ни сказала, — прошептала она тихо, и надеясь, что он ее услышит, — просто соглашайся.

Посмотрев на Дамека снизу вверх, Амели громко произнесла:

— Он похитил ее. Он заставил ее уговорить стражников открыть ворота, и она сделала это из страха.

Рошель с облегчением закрыла глаза.

— Но он не хотел причинить ей вреда, — поспешно продолжила Амели. — Я видела события его глазами, и он действительно верил, что спасает ее от несчастья. — Поднявшись на ноги, она встала перед Мэддоксом. — Он похищал ее не для себя. Он опекун их семьи, и думал, что поступает правильно. Хит, ты, можешь это понять?

Хит понимал. Амели видела, что он понимал.

— Не ему решать! — прошипел Дамек, и Амели снова почувствовала нарастающую опасность.

Откуда-то из-за их спин заговорила Селин:

— Милорд Дамек. Я считаю, что капитан Мэддокс находится на службе у леди Хелены, и это семейное дело. Я предлагаю отвезти капитана обратно в Кимовеск, посадить его под замок, а затем предоставить леди Хелене решать его судьбу.

Амели не видела Селин, но выражение лица Дамека дрогнуло. В словах Селин было многое. Во-первых, Мэддокс действительно принадлежал леди Хелене. Во-вторых, Рошеле была дочерью Хелены, но еще не была женой Дамека. Казнь прямо здесь могла иметь последствия.

Повернув голову, Дамек посмотрел на сомневающегося Хита, а затем кивнул.

— Хорошо, — сказал принц, — мы вернем его в Кимовеск. Леди вернулась к нам, и это для меня главное.

Амели ни на секунду не поверила в это. Дамек хотел крови, но, по крайней мере, он говорил, как принц.

К счастью, у Мэддокса хватило здравого смысла промолчать, и он не стал рассказывать никаких историй. Независимо от того, что он сказал Рошель в замке, возможно, ему все еще было небезразлично, что с ним случится, и он считал, что остаться в живых у него больше шансов с леди Хеленой.

— Будем искать убежища на ночь или отправимся в путь прямо сейчас? — спросил Антон.

— Выезжаем прямо сейчас, — ответил Дамек.

Амели хотелось застонать при мысли о еще нескольких часах в седле, но она только повернулась посмотреть, не нужно ли помочь Мэддоксу подняться.

Когда она наклонилась к нему, он быстро схватил ее за запястье.

— Следи за Рошель, — тихо сказал он. — Она не та, кем кажется.

***

Лошади были почти истощены, поэтому домой Дамек поехал медленнее, и Селин предпочла передвигаться в дамском седле.

Мэддокс ехал со связанными руками в окружении стражников Вяранджа.

Когда они прибыли в Кимовеск, уже почти рассвело. Рошель всю дорогу ехала рядом с Дамеком, и большую часть пути они тихо разговаривали. К тому времени, когда все закончилось, принц обращался с ней как с трагической девой, пережившей ужасное испытание, выпавшее на ее долю.

Селин так устала, что едва заметила, как Антон снял ее с лошади. Она смутно помнила, как он, в сопровождении Амели отнес ее в комнату. На обратном пути Селин умирала с голоду, но сейчас слишком устала, что-бы есть. Она позволила Хельге расшнуровать ей платье, и без сил рухнула на кровать. Последнее, что она помнила, это как Амели упала рядом с ней. Затем мир погрузился во тьму.

Селин понятия не имела, сколько прошло времени, когда ее разбудил восхитительный аромат. Она открыла глаза.

— Вот и ты, — сказала Хельга.

— Который час? — спросила Селин, все еще пытаюсь прийти в себя.

— Ближе к вечеру, но тебе нужно окончательно проснуться и поесть. Ты ничего не ела со вчерашнего дня.

Рядом открыла глаза Амели:

— Чем так вкусно пахнет?

Хельга поставила поднос на туалетный столик и принесла две тарелки с яичницей, беконом и дымящимися булочками. От одного вида еды у Селин потекли слюнки, но попытавшись сесть... она застонала.

— О, я так измучилась, что едва могу двигаться.

Амели чувствовала себя точно так же:

— У меня сильнее всего болят ноги.

Каким-то образом им удалось подложить несколько подушек к изголовью кровати, и впервые на памяти Селин они позавтракали в постели, как две избалованные леди. Но Селин было абсолютно все равно, как это выглядит. Сначала она с жадностью проглотила яичницу, а потом Хельга принесла сестрам дымящиеся кружки чая с пряностями и большим количеством молока.

Амели ела так же быстро, как и сестра. Съев свою порцию, она начала говорить. Прошлой ночью у них не было такой возможности. Услышав всего несколько фраз, Селин перестала есть, и стала внимательно слушать. Хельга застыла у кровати, ловя каждое слово истории Мэддокса и Рошель, начиная с крупиц счастья в задних комнатах и заканчивая попыткой похищения прошлой ночью.

— Она играла с ним, — наконец сказала Хельга. — У этой девушки никогда не было намерения выходить за него замуж.

Селин согласилась, но что-то, касающееся лично ее, заставило девушку по-настоящему

встревожиться.

— Амели, вчера утром я прочитала капитана Мэддокса. Я видела его ближайшее будущее... которое к прошлой ночи стало прошлым. Единственное видение, которое я видела, это короткая сцена у подножия лестницы, где он просил Рошель сбежать с ним. Это все, что мне показали. Почему я не видела, как он заставлял ее уйти с ним? Если бы я это видела, мы могли бы остановить его.

— Может быть, ты не должна была это останавливать, — вставила Хельга. — Может быть, что-то должно было произойти прошлой ночью, чтобы ты нашла настоящего убийцу.

Селин попыталась вспомнить, что могло произойти прошлой ночью, чтобы она могла раскрыть личность убийцы, но ее мысли сразу же вернулись к губам Антона, нежно прижимающимся к ее собственным губам.

— Ну... — начала Амели, — прямо перед тем, как Мэддокса выволокли из конюшни, я наклонилась, чтобы помочь ему подняться, и он сказал, чтобы я присмотрелась к Рошель. Он сказал, что она не та, кем кажется.

— Судя по тому, что ты рассказала нам о свидании Рошель с Мэддоксом, — ответила Селин, — это, конечно, похоже на правду, но она, судя по всему, не прочь выйти замуж за Дамека, так какой у нее мотив?

Амели все еще пребывала в задумчивости:

— Знаешь, кто еще отличился прошлой ночью? Хит. Когда я читала Мэддокса, Рошель была уверена, что именно он придет за ней.

— Да, я тоже заметила в нем перемену. Но думаю, им двигало желание вернуть сестру. Его семья только выигрывает от связи с Дамеком, так что я тоже не вижу его мотива. Мне нужно найти тактичный способ предложить почитать их обоих.

— Пока ты ищешь способ, может быть, стоит поговорить с этим дураком капитаном? — предложила Хельга. — Выяснить, что он имел в виду насчет Рошель.

Мысль о том, чтобы встать с кровати и спуститься вниз, вряд ли была привлекательной, но сестры не могли оставаться в комнате весь день.

— Ты слышала, куда его увели? — спросила Амели.

Это был хороший вопрос, если учесть, что Хельга спускалась за едой на кухню.

— Нет, — хмыкнула Хельга. — Либо никто из слуг не знает, либо они молчат.

Селин свесила ноги с кровати и поморщилась:

— Что ж, мы должны это выяснить. Кто-то из Квиллетов должен знать.

Хельга открыла шкаф:

— Я постирала твоё лавандовое платье и светло-голубое платье Амели. Еще у меня есть вода для умывания, и вам обоим понадобятся чистые смены белья.

— О, спасибо, — с благодарностью сказала Селин. Лавандовое шерстяное платье было ее любимым: удобное, теплое, и сидело на ней идеально.

Как Селин ни было больно, после еды она почувствовала себя лучше. Она надеялась, что Рюрику уже удалось раздобыть для Антона немного еды.

Амели тоже встала с кровати вслед за сестрой, и отправилась умываться. Одевшись, обе сестры вышли за дверь и спустились по лестнице в дальний коридор. Пока они шли, Селин не могла отделаться от мысли, что они не приблизились даже к намеку на то, чтобы узнать, кто убил Карлотту и лорда Хэмиша. Хотя уже должны были *хоть что-то* узнать.

Хотя Селин так и не нашла мотив для убийства у Рошель или Хита... и если уж на то пошло... и у леди Хелены, она собиралась найти хоть какой-то способ прочесть всех троих.

Но как это сделать, не оскорбив их? И даже если бы Селин не заботилась о их чувствах, что она могла использовать, чтобы заставить их согласиться? Принц Дамек не мог им приказывать.

Когда Селин через арку прошла в большой зал, там, за исключением нескольких стражников Вяранджа, присутствовали только Хелена, Саорис и Рошель. Все три женщины сидели за столом и тихо разговаривали.

Пристальный взгляд Селин остановился на Саорис. Был кто-то еще, кого ей нужно было прочитать, но пока у нее не было такой возможности.

— Амели, — прошептала она. — Сделай все, что в твоих силах, чтобы отвлечь внимание Хелены и Рошель.

Сестры пересекли зал. Леди Хелена выглядела осунувшейся и усталой, но при их появлении улыбнулась:

— Надеюсь, вам удалось немного поспать. Рошель сказала мне, что прошлой ночью вы стали для нее большим утешением.

Еще бы, подумала Селин, особенно если учесть, что Амели убедила Дамека в похищении Рошель.

— Вы хорошо сегодня себя чувствуете? — Селин посмотрела на Рошель.

— Насколько можно было ожидать, — ответила Рошель, опустив глаза. — Я сама проснулась совсем недавно. Лизбет все еще спит, и я не стучала в дверь Хита.

Амели, вздрогнув, скрестила на груди руки:

— А где... где держат капитана Мэддокса?

Леди Хелена неловко отвела взгляд:

— Насколько я знаю, его заперли в камере в старой тюрьме под замком. Его охраняют.

Это не предвещало ничего хорошего. Селин надеялась, что капитана запрут в его комнате. Тюремная камера клеймила его как худшего из преступников. Но, по крайней мере, он был жив.

Амели посмотрела на горящий очаг:

— Мне кажется, я все еще чувствую холод. Леди Хелена, не могли бы вы с Рошель составить мне компанию у огня?

— Конечно.

Обе женщины встали из-за стола, и все трое направились через весь зал к очагу.

Леди Саорис склонила голову набок, внимательно глядя на Селин:

— Это было ловко сделано.

Селин села на стул, который ранее занимала леди Хелена:

— Принц Дамек уполномочил меня и мою сестру прочитать всех, кто находится у него на службе. Я бы хотела сделать это как можно тише.

Саорис улыбнулась, и от этой улыбки Селин стало не по себе.

— Уверяю вас, я не совсем на службе у Дамека, — ответила Саорис, — но я не возражаю, чтобы вы меня читали.

Должно быть, когда-то она была очень красива, и Селин не могла не задуматься, как эта женщина и Дамек встретились, как Саорис стала его советником, когда он позволил столь немногим людям нормально жить здесь, в замке.

Все еще улыбаясь, Саорис спросила:

— И с чего же мы начнем, моя дорогая? Признаюсь, мне было интересно узнать о тебе и твоей сестре с того самого дня, как вы появились здесь. Полагаю, вы обе из клана

Разрываемого Тумана, и Антон подобрал вас где-то в цыганском таборе.

Селин напряглась, но не поддавалась на уловку:

— Вам придется самой спросить об этом принца Антона. Могу я коснуться вашей руки?

— Конечно.

Селин взглянула на Амели. Та разговаривала с леди Хеленой и Рошель у очага, и на мгновение Селин ох-ватила дрожь. Из того, что ей рассказала Амели, Саорис была хладнокровной убийцей, создавшей эликсир, который превращал людей в зверей. Селин ожидала, что любой человек из ближайшего окружения Дамека будет опасен, но в этом случае она оказалась на неопределенной почве и понятия не имела, что ей предстоит увидеть. Тем не менее, она коснулась руки Саорис, закрыла глаза и потянулась к искре духа женщины. Селин сосредоточила всю свою энергию на то, чтобы получить ответы на вопрос, кто совершает убийства в этом замке.

Первый толчок наступил сразу же, за ним последовал второй, и ее понесло вперед по туманному коридору. Путешествие оказалось длиннее, чем Селин ожидала, а когда туман рассеялся, она оказалась в большой комнате без окон с каменными стенами. Вдоль трех стен стояли небольшие жаровни, дававшие много света. У четвертой стены выстроились копья и арбалеты.

Справа от Селин стоял длинный стол, на котором были разбросаны различные предметы: выцветшие книги, медные сосуды, незажженные свечи, перья, чернила, бутылочки, небольшие кинжалы, ступка и пестик. Свет, более яркий, чем от жаровен, привлек внимание девушки. Она повернулась и увидела в другом конце огромной комнаты горящий очаг, достаточно большой, что в нем можно было стоять в полный рост. Над огнем был закреплен железный крюк, а с крюка свисал маленький металлический котелок с выгравированными по краям символами.

Саорис стояла перед котелком с закрытыми глазами. Ее губы шевелились, но Селин не могла расслышать ни слова. Она пересекла комнату, чтобы внимательнее рассмотреть женщину, которая казалась находилась в каком-то трансе. Ее волосы были растрепаны, как будто в последнее время она не следила за собой, лицо осунулось от усталости.

— *Муниментум*, — прошептала она. — *Тутамен...* Дамек.

Не открывая глаз, Саорис бросила в котелок несколько прядей длинных темных волос.

Видение исчезло, и туман сомкнулся, снова унося Селин вперед.

Когда он рассеялся, Селин оказалась в еще большем помещении, огромном зале. Здесь было много хорошо одетых людей и стражников. Присмотревшись к стражникам, Селин увидела табарды красного... светло-голубого... темно-синего... зеленого... и оранжевого цветов. Она потеряла счет различным цветам великих домов Древинки.

— Принц Дамек из дома Пален, — прогремел рядом чей-то голос.

Селин обернулась и увидела Дамека, одетого в черную тунику без рукавов, темные брюки и начищенные сапоги. Он выглядел красивым и уверенным в себе. Стоявшая рядом с ним Рошель казалась настоящим видением в облаке бледно-розового шелка. В ушах девушки поблескивали маленькие жемчужинки. Рыжевато-золотистые волосы развевались вокруг ее головы, словно облако. Со всех концов зала мужчины оборачивались, чтобы поглазеть на нее. Рошель была подобна сладостному конфитюру.

Леди Саорис стояла по другую сторону от Дамека, и тоже была прекрасна в своем сияющем одеянии, с серебристо-светлыми волосами, собранными на затылке.

Эффектный мужчина лет сорока с аккуратно подстриженной бородой подошел к ним,

приветствую:

— Принц Дамек, добро пожаловать в Кеонск. — Он поклонился Рошель: — И вашей прекрасной жене.

— Благодарю вас, лорд Мальбек, — спокойно ответил Дамек. — Я вижу, здесь уже собралось довольно много народа.

— Да, но голосование состоится только завтра. Сегодня вечером мы будем развлекаться.

— Мой брат прибыл?

— Пока нет.

Селин ахнула. Она была в Кеонске... через два года в будущем на собрании великих домов для избрания следующего великого принца. И хотя она никогда не встречалась с лордом Мальбеком, все знали, что он был канцлером принца Родека.

Еще раз низко поклонившись, Мальбек повернулся к Саорис и взял ее за руку.

— Миледи, — сказал он, — кем бы был принц Дамек без вашего совета?

— О, я уверена, что он прекрасно справился бы сам.

Но по ее тону было видно, что она ни во что подобное не верит.

Лорд Мальбек поцеловал ей руку.

Видение исчезло, и туман сомкнулся, унося Селин назад во времени. Когда он рассеялся, девушка открыла глаза и обнаружила, что Саорис пристально смотрит на нее.

— Что ты видела?

Селин изо всех сил пыталась осмыслить то, что она только что увидела. Она посмотрела в сторону очага. Амели все еще разговаривала с Рошель и Хеленой, но теперь рядом с ними стоял Хит. Наверное, он вошел в зал, когда она читала Саорис. Лизбет еще не спустилась.

Селин была настолько озадачена тем, что увидела в будущем Саорис, что решила поделиться частью правды в надежде, что на смысл видения вскоре прольется свет. В конце концов, будущее еще не наступило, и его можно изменить.

— Я видела вас, Рошель, и принца Дамека через два года в будущем... в Кеонске, на собрании великих домов для избрания следующего великого принца.

Саорис замерла на стуле.

Через пару минут она спросила:

— Голосование состоялось?

— Нет, оно было назначено на следующий день, но... лорд Мальбек поцеловал вашу руку.

Селин обдумала первую часть своего видения и решила, что высказываться и надеяться получить разъяснения — более мудрый ход, чем молчание.

— Но перед этим вы произносили заклинание. Вы использовали слова *муниментум* и *тутамен*, а потом произнесли имя Дамека и положили несколько прядей длинных темных волос в котел.

— А-а-а, — кивнула Саорис, — я накладывала защитное заклинание на Дамека, чтобы обеспечить его безопасность. — Но, похоже, ее это не заинтересовало, и она потребовала больше дополнительной информации о второй части видения. — Ты видела меня, Рошель и Дамека в Кеонске за день до выборов, и лорд Мальбек поцеловал мне руку?

— Да.

— Тогда у тебя есть ответ относительно моей причастности к смерти Карлотты и лорда Хэмиша. — Саорис понизила голос: — Видишь ли, моя дорогая, как и ты, я сама происхожу

из менее... благородной семьи, и все же сейчас я советник принца Дамека из дома Пален, который контролирует часть западных провинций. Он женится на прекрасной кузине принца Родека, и через два года лорд Мальбек будет целовать мне руку в знак признания моего влияния на Дамека, который, я верю, станет следующим великим принцем.

Сама того не желая, Селин откинулась на спинку стула.

Саорис снова улыбнулась, и вид у нее при этом был таким же жутким, как и раньше:

— Я не сделаю ничего, чтобы помешать этому браку. Будь в моей власти, я бы сама провела церемонию.

Чувствуя себя так, словно ее только что перехитрили, Селин не могла поспорить с такой логикой. Казалось крайне маловероятным, что Саорис сделает что-либо, чтобы сорвать брак Дамека с Рошель. И все же что-то в самодовольном выражении лица Саорис заставило Селин сказать:

— Будущее не определено, и несколько раз мне удавалось изменить его. Вам пока не следует быть настолько уверенной в себе... или в принце Дамеке.

С лица Саорис исчезла улыбка.

Селин встала. У нее было ощущение, что Саорис собиралась сказать что-то еще, когда из восточного прохода донеслись крики, и она услышала топот сапог.

— Сообщите принцу Дамеку! — голос принадлежал Антону. — Сейчас же!

Через зал пробежали два стражника Кимовеска и выбежали через западную арку. А два вздоха спустя в зал вбежали Антон и Рюрик.

— Что случилось? — спросила леди Хелена, приложив руку к груди.

— Мы ищем стражников, поднявшихся из тюрьмы. Они сказали, что капитан Мэддокс убил охранника и сбежал, — ответил Антон.

Рошель громко ахнула. Стражники Вьяранджа и Сеона, находившиеся в зале, подошли поближе, чтобы лучше слышать все, что говорил принц Антон.

— Все в порядке, — продолжал Антон, обращаясь к Рошель. — Вы здесь под надежной защитой, я приказал обыскать замок. Принц Дамек должен спуститься с минуты на минуту, а он знает замок лучше, чем я. Он сможет подсказать, где нужно искать.

— А как же Лизбет? — с тревогой спросил Хит. — Она все еще спит в своей комнате?

— О, — охнула Хелена, — да! Хит, ты должен пойти и привести ее сюда.

— Нет, — приказал Антон. — Я поднимусь наверх и сам приведу ее.

Не успел он сделать и шага, как из коридора донесся крик. Все, кто присутствовал в зале, обернулись. Из восточной арки вбежала Лизбет. Руки девушки и подол ее платья были залиты кровью.

— Он мертв! — воскликнула она, потрясая руками и рыдая.

Селин подбежала к девушке:

— Лизбет!

— Он мертв! — Лизбет снова заплакала. — Я наклонилась, чтобы дотронуться до него, чтобы убедиться, но он мертв.

Селин поймала девушку и притянула ближе к себе.

К ним подошли еще несколько человек.

— Кто мертв? — потребовал ответа Антон. И сейчас он говорил, как принц дома Пален.

Лизбет снова всхлипнула:

— Капитан Мэддокс!

***

Антон стоял над мертвым телом на третьем этаже восточной башни. С ним были Амели, Дамек, Хит, Рюрик и капитан Коче. Селин с другими женщинами остались внизу утешать Лизбет.

Мэддокс лежал там же, где его нашли, на полу, между гостевой комнатой Хита и той, которую делили Рошель и Лизбет. Его ударили ножом всего один раз, во впадинку у основания горла. Вокруг головы капитана растеклась лужа крови.

— Это бессмысленно, — сказал Рюрик, опускаясь на колени рядом с телом. — Зачем Мэддоксу убивать охранника, бежать из тюрьмы... а потом подниматься сюда, в комнаты семьи Квиллетт?

— Чтобы снова напасть на мою сестру, конечно, — ответил Хит.

Антон взглянул на Дамека и покачал головой:

— Я так не думаю. Мэддокс был в отчаянии прошлой ночью, но он не сумасшедший. Он не стал бы снова пытаться похитить Рошель.

Дамек ничего не сказал.

Амели присела на корточки рядом с Рюриком и осмотрела рану.

— Его убили тонким лезвием, — она окинула взглядом тело Мэддокса. — Его меч не обнажен, значит, драки не было. — Амели повернулась к Хиту. — Ты спустился в большой зал незадолго до Антона. Ты что-нибудь видел, когда выходил из своей комнаты?

— Нет, коридор был пуст. Я не знал, что Лизбет все еще спит в своей комнате. Я проснулся, оделся, вышел из своей комнаты и спустился вниз.

— Тогда все, что здесь произошло, должно было произойти быстро, — сказал Рюрик. — В противном случае Лизбет услышала бы шум драки. — Он нахмурился: — Значит, Мэддокс пришел после того, как Хит спустился вниз и кто-то убил его?

— А как насчет одного из стражников Вяранджа? — предположил Дамек, впервые заговорив за все это время

— Дежурные в зале, а остальные в казарме, — ответил Антон. — И если бы стражник из Вяранджа убил Мэддокса, он бы сразу сообщил об этом. Кроме того... даже в этом случае произошла бы драка. Я не могу представить, чтобы кто-то вот так набросился на Мэддокса. До того, как поступить на службу к леди Хелене, он был капитаном в войсках Энтес.

— Так, что ты хочешь сказать? — спросила Амели.

— Я хочу сказать, что либо он знал человека, который убил его, и поэтому не был настороже... либо он не чувствовал, что ему нужна причина для самозащиты.

Наступила тишина, и Антон почти пожалел, что заговорил. Было совершено третье убийство, и на это у него было не больше ответов, чем на первые два. Кроме того, было известно местонахождение почти всех, кроме Лизбет... а ее он не подозревал.

Амели осмотрела коридор:

— Опять же, зачем он пришел сюда? Почему не попытался убежать? Взобраться на стену и уйти пешком, если бы понадобилось? Но он поднялся сюда, к комнатам семьи. Почему?

Антон не знал, что ответить. Бедный Мэддокс.

— Я думаю, что на данный момент тело сказало нам все, что могло. Возможно, нам следует...

— Милорд Дамек! — с лестницы спустился стражник Кимовеска в черном табарде и поспешил к ним.

— Что теперь? — вздохнул Дамек.

— Милорд! — снова начал стражник. — Во двор только что въехал ваш отец в сопровождении большого отряда. С ним лорд Мальбек!

Антон похолодел, не уверенный, что правильно расслышал. Их отец никогда лично не вмешивался ни в какие их дела, если только не считал, что они вот-вот потерпят неудачу в чем-то, что он считал важным, и тем самым разочаруют его.

Антон взглянул на брата:

— Отец здесь? Что это может означать?

Лицо Дамека приобрело серый оттенок.

Глава 12

За окнами был ранний вечер, а Селин и Амели сидели в своей комнате и ощущение у них было такое, словно они от кого-то прятались. За последние несколько часов общее настроение в замке сильно изменилось, обретя какую-то бешеную энергию.

Дверь открылась и в комнату быстро вошла Хельга, закрыв ее за собой.

— Кухня- это сумасшедший дом, — выдохнула она. — Вы бы видели, что там творится.

После известия о прибытии принца Ливена все разговоры о смерти Мэддокса прекратились. Селин еще не видела отца Антона. Сразу по прибытии вместе с лордом Мальбеком он поднялся в личные покои Дамека. И очень скоро туда вызвали Дамека и леди Хелен.

Вскоре после этого из главного зала удалилась Саорис, а следом в свои комнаты ускользнули Рошель, Лизбет и Хит. Никто не знал, что происходит, и, похоже, никто не был готов строить догадки. Селин и Амели тоже уединились в своей комнате.

Селин понятия не имела, чем сейчас занимался Антон, но в данный момент она чувствовала, что для нее и Амели лучше не попадаться ему на глаза, пока он не придет к ним сам.

Что здесь делал принц Ливен?

Хуже того, Селин снова тревожило видение будущего, которое она вчера увидела при чтении Лизбет. Слишком ограниченным и непонятным оно было. Судя по эмоциям на лице Лизбет в видении, Селин была абсолютно убеждена, что девушка не убийца. Но если бы видение продлилось еще несколько мгновений, она узнала бы, что Лизбет нашла мертвым именно капитана Мэддокса. Почему видение прервалось?

Могло ли это иметь отношение к тому, что сказала Хельга об отчаянной попытке капитана Мэддокса выкрасть Рошель? Если бы Селин действительно знала, что Мэддокс умрет, попыталась бы она изменить его будущее и, удержала бы его от похищения Рошель? Хельге казалось, что ночное путешествие было важным, что произошло нечто, что поможет сестрам найти истину. Но... неужели ради этого нужно было позволить Мэддоксу умереть? Такая возможность беспокоила Селин.

Остаток дня пролетел быстро.

Ранним вечером сестры отправили Хельгу что-нибудь разузнать. Отсутствовала она недолго.

— Ты слышала что-нибудь о том, почему отец Антона приехал сюда? — спросила ее Селин.

— Никто не знает, но он привел с собой отряд стражников Пален и нескольких родственников принца Антона. Мастер Лионель в расстроенных чувствах отдает приказы приготовить комнаты для гостей. Поварам было велено приготовить большой... я имею в виду именно большой ужин. Поскольку два официальных ужина подряд были отменены,

осталось много жареной курицы и говядины. Повара приготовят мясную подливку, подадут хлеб и картофель. Да им нужно запечь больше ручьевого форели, чем я могла сосчитать.

— Ужин?

— Да, для принца Ливена и всех высокопоставленных особ, которых он привез с собой. Вас обеих ждут. Мастер Лионель как раз поднимался, чтобы сообщить вам об этом, но встретил меня. Он также просил передать, чтобы вы обе оделись до того, как прозвучит гонг.

Селин тяжело сглотнула. Она и Амели должны были обедать с принцем Ливеном и лордом Мальбеком? И... они, конечно же, не могли отказаться.

— Я собираюсь снова одеть тебя в янтарный бархат, — сообщила Хельга Селин, — а Амели в бордовый шелк. Я знаю, что эти платья уже все видели, но это лучшие из тех, что я привезла.

На этот раз Амели не стала спорить и поднимать шум, и позволила Хельге себя одеть, а потом и причесать волосы.

— Твои волосы, Селин, оставим распущенными, — сказала Хельга. — Вы обе должны выглядеть сегодня вечером как можно привлекательнее. Вам нужно будет вписаться в общество людей при дворе Ливена.

— Не усугубляй ситуацию, Хельга, — предупредила Амели.

Прозвучал гонг, а через мгновение раздался стук в дверь.

Хельга рывком открыла ее. За порогом стояли Антон и Рюрик. Антон явно уделил время своему внешнему виду. На нем была темно-коричневая туника с вышитым серебряной нитью ромбовидным узором. Ботинки были недавно начищены. Хотя щетина на подбородке у принца и раньше была не большой, Селин заметила, что он только что побрился.

Стоявший позади него Рюрик был одет в свой обычный коричневый табард, но его сапоги тоже были начищены.

— Вы готовы? — спросил Антон. Голос, как и весь вид принца, был напряжен.

— Да, — коротко ответила Селин. — Ты говорил с отцом?

— Нет, с момента приезда он был на закрытом совещании в покоях Дамека.

Вслед за Селин Амели вышла в коридор, но в последний момент сестра оглянулась:

— Спасибо тебе, Хельга, за все. Жаль, что ты не можешь спуститься с нами.

— О, эти пафосные люди не для меня. У меня от них мурашки по коже. Но вы, девочки, вернете мне сплетни.

Когда-нибудь Селин собиралась узнать о прошлом Хельги и о том, как она попала на службу в замок Сеон. Однако, сегодня был не тот вечер.

Первым по лестнице спустился Антон, ведя спутников через черный ход. Впереди послышался нестройный хор голосов. Антон остановился.

— Селин, Амели, я хочу, чтобы вы стояли по бокам от меня. Рюрик, иди прямо за мной.

Никто не спорил и не спрашивал, что он делает. Селин решила, что он знал, как обставить свое появление. Она встала справа от него, а Амели слева, и они вошли в большой зал.

Зал был переполнен... прямо кишел людьми. В дополнение ко всем гостям, сейчас здесь было еще больше стражников. К тем, что уже были, добавились новые, одетые в темно-коричневые табарды, цвета принца Ливена. Слуги накрыли еще три дополнительных стола, и откуда-то принесли бесчисленное количество стульев.

Селин осмотрелась по сторонам. Принц Дамек, леди Саорис, Рошель, леди Хелена Лизбет и Хит уже были здесь. Когда Дамек повернулся, чтобы поприветствовать одного из

гостей, Хит схватил за руку Рошель, притянул ближе к себе и что-то прошептал ей на ухо. Она покачала головой и отстранилась.

Взгляд Селин остановился на фигуре, стоявшей в центре зала. Это был крепкий мужчина, с седеющими волосами и гордой осанкой. На нем был одет свободный красный камзол, украшенный золотой нитью. На пальцах каждой руки красовались кольца с драгоценными камнями.

Принц Ливен. Селин никогда раньше не видела его лично, только однажды, во время чтения будущего.

Ливен оглянулся, как только они вошли, и его взгляд остановился на Антоне. Не раздумывая, Антон направился прямо к нему. Несмотря на людскую давку, Селин и Амели сумели остаться рядом с ним.

— Отец, — произнес Антон, и Селин услышала в его голосе нежность.

— Мой сын, — ответил Ливен, и его взгляд смягчился.

Селин не знала, чего она ожидала, поскольку Антон никогда не говорил о своем отце, но было ясно, что эти двое мужчин заботились друг о друге.

— Могу я представить моих провидиц, мисс Селин и мисс Амели? — спросил Антон. — Это сестры, которые оказали помощь в твоих недавних... трудностях в Рязани

Взгляд Ливена переместился сначала на Амели, а затем на Селин, и его взгляд нельзя было истолковать никак иначе, как удивленный.

— Это твои провидцы? — в голосе великого принца сквозило неудовольствие. Взглядом сверху вниз он скользнул по бархатному платью Селин, потом изучил ее лицо и волосы.

— Что-то не так? — спросил Антон.

— Нет, они просто... не такие, как я себе представлял.

Хотя Селин понятия не имела, что это значит, Антон не стал настаивать на расспросах. Вместо этого он шагнул ближе к отцу.

— Я рад тебя видеть, но прошу прощения, что тебе пришлось приехать сюда самому. Надеюсь, ты не сомневался, что я смогу довести дело до конца.

Ливен коротко коснулся плеча Антона:

— Все нет. Ты знаешь мою веру в тебя. Но этот вопрос настолько важен, что после некоторых раздумий я решил, что мое собственное присутствие здесь необходимо.

Они так непринужденно разговаривали друг с другом. Селин такого не ожидала. Антон обычно был замкнутым, а Ливен имел репутацию холодного и высокомерного человека.

— Теперь, когда ты здесь, я начну, — сказал Ливен, отходя от них. Трое стражников в темно-коричневых табардах неотлучно следовали за ним.

Он подошел к первому столу, находящемуся в начале зала. Когда Ливен повернулся лицом к толпе, все замолчали.

— Займите свои места, — приказал он.

Наблюдая за ним сейчас, Селин видела расчетливого, со стальным взглядом мужчину, которого она и ожидала увидеть.

— Где сесть нам с Амели? — прошептала она Антону.

— Со мной.

У нее все внутри сжалось, когда он повел их обоих к главному столу. Этого она не ожидала. Селин стало интересно, чтобы она сказала год назад, если бы кто-то сказал ей, что скоро она будет носить изысканные платья и обедать за главным столом Кимовеска с тремя принцами Пален.

К ним подошел мужчина, лет сорока с небольшим, с коротко подстриженной бородкой, хорошо одетый, Селин узнала его, когда читала Саорис: лорд Мальбек, канцлер принца Родека.

Ливен занял место во главе стола. Справа от него сели Дамек и Рошель. Леди Хелена и лорд Мальбек сидели слева. Селин немного успокоилась. По крайней мере, она, Амели и Антон будут сидеть за столом достаточно далеко от Ливена и им не придется вести беседу с отцом Антона. Леди Саорис, Хит и Лизбет также заняли места за главным столом.

Гости занимали свои места по всему залу. Когда последний гость нашел стул, принц Ливен так и оставшись стоять, приказал:

— Вино.

Слуги поспешили наполнить кубки вином. Селин заметила прелестную Джоанну, которая прислуживала за главным столом.

Едва кубок каждого гостя был наполнен, принц Ливен поднял свой. В зале воцарилась тишина, и он заговорил:

— С великой радостью я объявляю, что переговоры о браке завершены и подписаны для помолвки моего сына, принца Дамека из дома Пален с Рошель Квиллетт, кузиной принца Родека из дома Энтес. — Несмотря на слова, в голосе Ливена не было радости. Он больше походил на человека, который только что заключил сделку по приобретению большого участка земли или нового серебряного рудника. — Поскольку молодая пара выразила желание соединить свои жизни как можно скорее, свадьба состоится здесь, в замке Кимовеск, завтра днем. Для дома Пален большая честь, что церемонию проведет сам лорд Мальбек.

Завтра? Селин не могла поверить своим ушам. Церемония состоится завтра?

Ливен поднял кубок повыше:

— Давайте выпьем за их счастье.

Раздался хор одобрительных возгласов, и все выпили, но Селин смогла едва пригубить вино. Если убийца находится в этом зале, как он отреагирует?

***

Пока в зал вносили большие подносы с едой, Амели молчала. Антон сидел рядом с ней, напряженный, как струна, Селин была по другую сторону от него. Амели очень хотелось поговорить с сестрой, но она едва могла смотреть в сторону Антона, не говоря уже о том, чтобы говорить с сестрой.

Что только что произошло?

Создавалось впечатление, что почти все присутствующие здесь забыли о смертях, произошедших за последнюю неделю. Никто и не вспоминал о Карлотте, лорде Хэмише... капитане Мэддоксе. Принц Ливен вел себя так, как будто все это было обычным брачным договором, а спешка со свадьбой была вызвана просто желанием счастливой пары не ждать... в отличие от политического брака, заключенного через смерть трех человек.

Гости за другими столами болтали друг с другом, а за главным столом царил неловкая тишина. Амели была благодарна слугам, расставлявшим еду, поскольку это давало возможность им всем собраться с мыслями.

И только юная Лизбет покачала головой с открытым и искренним недоумением.

— Завтра? — воскликнула она. — Здесь? Я думала, Рошель собиралась провести церемонию дома, в поместье... на свежем воздухе, в осеннем саду, если погода будет ясной. Она не захочет выходить замуж здесь. Это ужасное место.

— Помолчи, — жестко одернул сестру Хит.

Лизбет вздрогнула как от боли. Амели никогда не слышала, чтобы он так с ней разговаривал.

Антон, сидевший прямо напротив Лизбет, наклонился вперед. К его чести, тон его был достаточно спокойным, а голос достаточно тихим, чтобы его не подслушали:

— У моего отца есть кое-что общее с твоей матерью, и я подозреваю, что они оба давили на Дамека и Рошель, чтобы те поторопили события. Поверь мне. Ему трудно отказать.

Лизбет понимающе кивнула, и оценка Антона в глазах Амели сразу повисилась. После того, как она сделала совершенно рациональное замечание, у него нашелся на него ответ. Антон сказал именно то, что нужно было, чтобы девочка почувствовала себя взрослой.

И все же в душе у Антона сейчас, наверное, царил паника, как и у Амели... как, скорее всего, и у Селин. О чем думал принц Ливен? Хотел ли он подтолкнуть убийцу к еще более отчаянному поступку?

Взглянув через стол на Хита, Амели увидела, что тот тоже был встревожен. Парень выпрямился на стуле и принялся за небольшую порцию запеченной форели, но взгляд его светло-карих глаз был словно остекленевшим, и она поняла, что он тоже видит риск, связанный с решением принца Ливена.

Каким-то образом... позже она так и не смогла понять, как... они все сменили по целых три блюда, не говоря ни слова.

Амели вдруг пришло в голову необычное наблюдение. Это был уже третий вечер, когда она одевалась для официального ужина, но впервые за это время они дождались, что им подали еду. Обычно на таких мероприятиях Амели с избытком наслаждалась приготовленными блюдами, но сегодня она их почти не пробовала.

Когда убирали последние тарелки, Амели подумала, что, возможно, ей удастся остаться на несколько минут наедине с Селин, чтобы обсудить, что делать дальше

К ее удивлению, принц Ливен снова встал.

— Я привез музыкантов из замка Пален, — объявил он. — Завтра будет настоящий праздник, но мы все можем насладиться танцами уже сегодня вечером.

Танцы?

Оглядев зал, Амели увидела группу из шести музыкантов, сидевших в ожидании на стульях у дальней стены зала. Повинуясь взгляду великого принца, музыканты начали играть. Ливен бросил холодный и одновременно ожидающий взгляд сверху вниз на Дамека.

Дамек встал и протянул руку Рошель:

— Вы присоединитесь ко мне?

Рошель одарила его лучезарной улыбкой и встала, опираясь на его руку. Вслед за ними, на открытую площадку рядом с музыкантами стали выходить другие пары. Принц Ливен перевел взгляд на Антона. Он словно ожидал, что его младший сын присоединится к танцующим.

Антон встал и на мгновение посмотрел на Селин с оттенком тоски, как будто представляя себя танцующим с ней. А потом он отвернулся и отвесил поклон Лизбет:

— Миледи?

Лизбет все еще выглядела несколько потерянной и озадаченной всем, что происходило вокруг нее, и Амели подозревала, что девушку очень сильно потрясла смерть Мэддокса. Но как только Антон пригласил ее Лизбет вскочила на ноги и чуть ли не бегом обогнула стол,

чтобы присоединиться к нему. Антон ей нравился. И кто здесь мог винить ее в этом?

Проводив принца и Лизбет взглядом, Селин повернулась на стуле и поймала взгляд Амели. Как они смогут найти убийцу до завтрашнего полудня?...если убийца ждал так долго?

Амели огляделась в поисках места, где они с Селин могли бы поговорить, но, к ее разочарованию к сестре подошел пожилой мужчина с белой бородой и церемонно поклонился.

— Мой принц, — обратился он к Ливену. — Не могли бы вы представить меня этой леди?

— Барон Менчан, это мисс Селин Фаве, личная провидица моего младшего сына.

— Провидица, — барон улыбнулся Селин с неподдельной искренностью. — Восхитительно. Вы бы могли потанцевать со стариком, моя дорогая?

Амели хотелось закричать от разочарования, но они все еще должны были играть свою роль.

Селин улыбнулась:

— Это будет для меня удовольствием. Но предупреждаю вас, наша мать пренебрегала нашим обучением танцами, и я не очень искусна в этом занятии.

Барона Менчана это не расстроило, наоборот, он казался довольным:

— О, не волнуйтесь. Моя мать была слишком усердна. Я научу вас.

У Селин не было другого выхода, как отправиться вместе с бароном на площадку, где танцевали гости Дамека. Принц Ливен вполголоса разговаривал с лордом Мальбеком. Леди Хелена общалась с Саорис, и Амели вдруг поняла, что смотрит через стол на Хита. Она очень надеялась, что он не пригласит ее на танец. О танцах она знала еще меньше, чем Селин.

Хит резко встал, извинился и вышел.

Его поведение было настолько странным, что Амели с интересом наблюдала, как он пересекает зал. Хит остановился рядом с танцующими, наблюдая за Рошель с Дамеком.

Первая песня закончилась, и все зааплодировали. Дамек и Рошель вышли из круга танцующих. Кто-то из гостей подошел к ним с поздравлениями, по крайней мере, так показалось Амели. Пока Дамек беседовал с парой средних лет, Хит тихо подошел к Рошель и что-то прошептал ей на ухо. Она нахмурилась и покачала головой, тогда он наклонился и заговорил снова, более настойчиво.

На этот раз Рошель позволила брату увести ее. Они прошли до восточной арки, и покинули зал, скрывшись из виду. Рошель покидала празднование своей собственной помолвки? Амели было трудно в это поверить.

Убедившись, что за ней никто не наблюдал, она встала и с беспечным видом направилась к восточной арке. Девушка уже собиралась пройти прямо через нее, как, услышала звуки спора. Подойдя ближе, насколько это было возможно, чтобы отчетливо слышать слова, Амели прислонилась к арке.

— Ты не можешь, — говорил Хит. — Ты должна положить этому конец.

— Сейчас я не могу остановить это, — ответила Рошель. — Дело сделано.

— Выйти замуж за Дамека? Завтра? Ты понимаешь, что это значит?

— Я знаю, что я делаю. Я могу справиться с Дамеком. Я подвергла его испытанию, Хит. Я попросила его уволить капитана гвардии, начальника его личной стражи, и он согласился. Он сделает для меня все, что угодно.

— Это было до свадьбы. Послезавтра все может быть совсем по-другому. — Очевидно, Хит не смирился с этим браком, как утверждал.

— Все идет по плану, даже лучше, чем планировалось, — голос Рошель был мягким и успокаивающим. — Я знаю, это звучит ужасно, но с уходом Карлотты и нашего дяди осталась только мать, которая попытается заставить меня действовать так, как нужно ей, как только я приду к власти... а с матерью я смогу справиться. Я собираюсь стать великой принцессой Древинки, и Дамек сделает все, о чем я попрошу. Я могу сделать тебя лорд-канцлером, Хит. Нас не разлучат, и я дам тебе любую должность при дворе, какую ты захочешь.

— Мне не нужна должность при дворе! — повысил голос Хит, а потом уже тише сказал: — Послушай меня, Рошель. Если ты согласишься на это, то завтра ночью окажешься в постели Дамека. В его кровати. Я знаю, ты ни-чего не знаешь о... мужчинах и женщинах, и, возможно, сейчас не можешь понять, что это значит, но к тому времени, когда ты поймешь, будет слишком поздно.

— Не будь грубым, — ответила Рошель. — А теперь прекрати все это, пока кто-нибудь не начал нас искать. Я возвращаюсь в зал.

Услышав шаги Рошель, Амели поспешила прочь от арки, спеша затеряться среди гостей, исчезнуть. Оказавшись в толпе, она оглянулась. Рошель вернулась к Дамеку, но Хит в зал так и не вошел.

Амели попыталась осмыслить то, что услышала между Рошель и Хитом. Она постоянно прокручивала в мыслях одно и то же предложение.

С уходом Карлотты и нашего дяди осталась только мать, которая попытается заставить меня действовать так, как нужно ей, как только я приду к власти... а с матерью я смогу справиться.

Что, если мотивом для убийств было не желание сорвать брак? Что, если Рошель знала, что ее мать не разорвет переговоры, что бы ни случилось, и Рошель пыталась укрепить свои позиции еще до того, как состоится свадьба? И у кого, кроме Рошель, был более сильный мотив для убийства Мэддокса? Он угрожал обнародовать их отношения и тем самым погубить ее.

Вопрос был в том... как? Даже Селин до сих пор точно не знала, что именно убило Карлотту и Хэмиша, а Рошель не могла убить Мэддокса. Она была в большом зале, когда он умер.

В голове Амели эхом пронеслось еще одно предложение, последние слова, которые она слышала от Мэддокса.

Следи за Рошель. Она не та, кем кажется.

***

После двух танцев с бароном Менчаном Селин почувствовала облегчение, когда неожиданно рядом с ней появился Антон.

— Могу я одолжить свою провидицу, барон? — вежливо спросил он.

— О, конечно, — тяжело дыша ответил Менчан. — Я уже не так молод, как был раньше.

У барона была добрая душа, и в любом другом случае Селин наслаждалась бы его обществом. Но сейчас она с радостью позволила Антону увести ее обратно к столу. Но далеко они не ушли. К ним направлялся принц Ливен. Селин оглянулась в поисках Амели, но в людской толпе не смогла ее увидеть. А к ним уже подошли леди Саорис, Дамек и Рошель.

Подойдя к их небольшой компании, принц Ливен каким-то образом оценил их всех сразу. Селин начала подозревать, что слухи о его слабеющем здоровье были сильно преувеличены.

Рошель одарила своего будущего свекра милой улыбкой:

— Милорд, мне сказали, что я должна поблагодарить вас за сегодняшнее завершение контракта. Принц Дамек сказал мне, что вы активно бросили вызов моей матери.

Любой другой мужчина растаял бы от ее улыбки и комплимента, но Ливен только мельком взглянул на нее, а обратился к Дамеку:

— Я полагаю, у тебя в винных погребах достаточно вина, чтобы удовлетворить все это количество народа завтра? Некоторые из них могут выпить полбочки в одиночку. — В глазах Ливена не было тепла, а в голосе — нежности.

С таким же хладнокровием Дамек ответил:

— Я уверен, что у нас достаточно вина, отец. Но я уточню у мастера Лионеля, если вам будет угодно.

Ливен хмыкнул:

— Сделай это, и проследи, чтобы все было готово к завтрашнему полудню. Чем быстрее мы с этим покончим, тем лучше.

Рошель озадачено уставилась на него, и даже леди Саорис, казалось, была ошеломлена манерой поведения Ливена по отношению к Дамеку. Неужели она никогда раньше не видела их вместе? Вполне возможно, что нет. Вполне вероятно, она не ездила в замок Пален, когда Дамека вызывали туда для редкого семейного визита, и, насколько поняла Селин, принц Ливен не посещал Кимовеск уже много лет.

Ливен посмотрел на Антона:

— Ты будешь свидетельствовать за своего брата, не так ли? — и его тон, и выражение лица смягчились.

— Конечно, отец. Если вы пожелаете.

— Желаю.

Хотя Селин с трепетом относилась к Антону и боялась Дамека, она сочла, что обращение принца Ливена со своим старшим сыном граничит с неподобающим в компании присутствующих людей. Это была ночь перед свадьбой Дамека, и Дамек женился именно так, как хотел его отец.

Дамек бросил на Антона взгляд, полный неприкрытой ненависти:

— Для меня будет большой честью, если ты выступишь свидетелем, младший брат.

— Любовь моя... — обратилась Рошель Дамеку. — Не потанцуешь ли ты со мной еще раз?

Дамек позволил Рошель увести себя.

Обычно безмятежное лицо леди Саорис было не таким уж безмятежным.

— Милорд, — обратилась она к Ливену, — я поздравляю вас с женитьбой Дамека. И надеюсь, что когда-нибудь вы сможете женить принца Антона на столь же выгодной особе, как Рошель Квиллетт.

Ливен устремил на нее ледяной взгляд:

— Я бы не стал навязывать Антону эту сахарную волчицу, но для Дамека она подойдет. У дома Пален теперь есть прочная связь с принцем Родеком, и это то, что имеет значение.

— Отец... — пробормотал Антон, — не будь таким корыстолюбивым. Завтра у тебя появится новая дочь, и ты должен ее принять.

— А должен ли я? — с вызовом бросил Ливен. Но потом смягчился: — Думаю, ты прав. Обычно так и бывает.

Саорис повернулась к Антону. Голос леди источал мед:

— Да, в последние несколько дней принц Дамек и я приветствовали добрый совет Антона, — Саорис слегка коснулась лица принца.

Селин заметила, что когда советник Дамека убрала свою руку, Антон вздрогнул.

Селин не знала, что и думать о ее фальшивой похвале и о том, что она прикоснулась к Антону.

— Вы извините меня? Осталось несколько гостей, которых у меня еще не было возможности поприветствовать. — Женщина отвернулась и ее приятное выражение дрогнуло.

Селин отчетливо увидела, что она потрясена, возможно, даже больше, чем потрясена.

***

Амели растерянно стояла среди толпы дворян и стражников разных домов. Оглянувшись на музыкантов, она увидела Селин, увлеченную разговором с принцем Ливеном и Антоном. Было мало надежды, что сестра сможет завершить разговор в ближайшее время.

Следи за Рошель. Она не та, кем кажется.

Амели не могла выбросить эти слова из головы, как не могла перестать думать о том, что, возможно, они с Селин ошиблись относительно мотива убийцы.

Мыслями Амели продолжала возвращаться к капитану Мэддоксу. Из того, что она видела в его воспоминаниях, он был благородным человеком, и все же убил стражника Кимовеска, чтобы сбежать из камеры, но вместо того, чтобы бежать, поднялся в гостевые комнаты семьи, которой служил. Почему? Если бы его схватили после убийства одного из людей Дамека, его самого быстро бы казнили. Что могло быть настолько важным, что он рискнул своей жизнью, чтобы вернуться в те комнаты?

Думал ли он найти там что-то? Возможно ли, что во время его последней ночи с Рошель его мнение о ней настолько изменилось, что он начал подозревать ее в чем-то более темном, чем отказ от своей любви? Собирался ли он обыскать ее комнату? Если да, то он так и не дошел до этого. Лизбет в то время спала в комнате, и если бы Мэддокс открыл дверь, то разбудил бы ее.

Амели покачала головой. Это все домыслы. Может быть, Мэддокс пытался пройти в свою комнату, чтобы что-то забрать, но был пойман кем-то, кто хотел убить его? Но и в этом не было никакого смысла. Они уже выяснили, что в коридоре не было никакой драки. Капитан даже не обнажил свой меч. Так что, либо он знал человека, который его убил, либо его застали врасплох.

И все же...

Амели осмотрела большой зал. Рошель и Лизбет были здесь. Хита не было, но он, скорее всего, ушел в свою комнату. Он казался очень расстроенным из-за объявления о слишком поспешном браке Рошель с Дамеком, и, вероятно, хотел побыть один.

Если вести себя осторожно, то можно самой подняться наверх, пробраться в комнату Рошель и обыскать ее, просто чтобы убедиться.

Амели оглянулась и увидела, что Селин стоит к ней спиной. Подать сигнал сестре не было никакой возможности. Тем не менее, это нужно было сделать. Не долго думая, Амели направилась к восточной арке и выскользнула из большого зала через задний ход.

Глава 13

Когда Антон и его отец перешли к обсуждению предполагаемых налоговых поступлений из Сеона после сбора последнего осеннего урожая, Селин стояла вежливо помалкивая. Пытаясь казаться заинтересованной, она не переставала краем глаза наблюдать за леди Саорис. Селин считала, что эту женщину невозможно вывести из себя, и все же Саорис была шокирована разительно отличающимися отношением принца Ливена к Дамеку и Антону.

До того, как проявились истинные способности Селин, она зарабатывала на жизнь чтением по лицам людей, считывание их эмоций, и сейчас она видела страх на лице Саорис. Возможно, женщина твердо верила, что решимость Ливена заполучить Рошель Квиллетт и жены Дамеку была доказательством того, что Дамек будет назван наследником.

Теперь... казалось возможным, что Ливен хотел заявить о прочной связи дома Пален с домом Энтес, и только.

Селин наблюдала за тем, как Саорис обходит зал, коротко приветствуя одних и долго разговаривая с другими, но когда она, наконец, дошла до восточной части зала, то прошла через арку и исчезла в коридоре. Никто больше не обратил внимания на ее уход.

— Простите меня, — обратилась Селин к Антону, — но, боюсь, от танцев у меня слегка закружилась голова. Вы не возражаете, если я пойду и немного посижу?

Обернувшись, Антон посмотрел на нее сверху вниз:

— Кружится голова? С тобой все в порядке? Проводить тебя к стулу?

Селин поняла, что выбрала неправильный предлог:

— О, нет, пожалуйста. Останься и поговори с отцом. Мне просто нужна минутка.

Улыбнувшись, она оставила их, а затем направилась мимо музыкантов к восточной арке. К сожалению, потребовалось слишком много времени, чтобы отделаться от Антона и Ливена. Саорис нигде не было видно, и Селин понятия не имела, куда она могла пойти. Может быть, в свои личные покои? Но где это?

Амели считала Саорис очень опасной, а Селин знала, что она стремится к власти. Почему она покинула зал во время такого важного события? И почему она сначала прикоснулась к Антону?

Впереди послышались легкие шаги, и Селин, подняв глаза, увидела Джоанну, идущую к ней по коридору с подносом, усыпанным сахарными сладостями. Селин тут же пришла в голову идея, которая вызвала в ней чувство вины. Девушке это не нравилось, но ничего другого она придумать не смогла.

— Джоанна? — позвала Селин, выходя в коридор и направляясь навстречу молодой женщине. — Можно тебя на пару слов?

Джоанна должна была знать расположение личных покоев Саорис, а Селин знала, что Джоанна любовница Дамека. Если понадобится, она может пригрозить, что расскажет Рошель правду... и когда та станет женой Дамека пребывание Джоанны в замке долго не продлится.

— Да, мисс, — Джоанна остановилась и вежливо поинтересовалась. — Чем я могу помочь?

В голосе служанки звучала такая печаль, что решимость Селин ослабла. Вместо того чтобы пустить в ход угрозы, она не удержалась и спросила:

— Что случилось?

— Ничего, мисс.

Селин придвинулась ближе и понизила голос:

— Я знаю, что ты любовница принца Дамека... Нет, пожалуйста, не пугайся. Уверяю тебя, я не одна из тех дворян, что находятся там, — Селин кивнула в сторону зала, — и я вижу, что ты встревожена. Скажи мне, что случилось.

Джоанна посмотрела в сторону зала, где сейчас Рошель танцевала с Дамеком.

— Она, — прошептала девушка. — Милорд сказал, что ее приезд сюда ничего не изменит в наших отношениях, и я думаю... в то время он имел в виду именно то, что говорил. Но он никогда ее не видел до этого. Конечно, ее семья рассказала ему о ее красоте, но все семьи говорят так, когда предлагают своих дочерей в жены. — Джоанна опустила глаза. — А потом он увидел ее... встретил и с тех пор не звал меня в свои покои. Хуже того, я думаю, что она знает обо мне. Как только она получит власть в этом замке, меня вышвырнут за ворота и отправят голодать в деревню... а милорду будет все равно.

В голову Селин пришла новая идея. Гораздо лучше прежней:

— Джоанна, мне нужно срочно найти леди Саорис, но я не знаю, где расположены ее личные покои. Мне нужно это знать. Если ты мне покажешь их, я обещаю, когда мы уедем отсюда, я позабочусь о том, чтобы принц Антон взял тебя с нами, и найду тебе хорошее место в замке Сеон.

Глаза Джоанны вспыхнули, но потом она осторожно поинтересовалась:

— Почему ты не можешь спросить об этом мастера Лионеля?

— Потому что не думаю, что он скажет мне, и боюсь, что Саорис замышляет что-то... злое, и если так, я хочу остановить ее.

Все это было чересчур откровенно, но в данный момент так было лучше всего.

Джоанна никак не отреагировала на предположение о том, что Саорис может замышлять что-то злое, и даже не проявила никаких сомнений.

— Ты клянешься? Ты клянешься, что отвезешь меня в Сеон и найдешь мне место в замке?

— Клянусь.

Прошло еще немного времени, и Селин уже начала беспокоиться.

Наконец Джоанна тряхнула головой:

— Леди Саорис нет в ее покоях. Я встретила с ней по дороге сюда, и знаю, куда она направлялась. Большую часть своего времени она проводит в малом зале, внизу под кухней.

— В малом зале?

— Да, в дни войны в замке размещалось много солдат и все они обедали в малом зале, но теперь леди Саорис использует его как свое тайное убежище. И никто из нас не хочет знать, что она на самом деле делает там, внизу.

— Отведи меня туда.

Джоанна снова помолчала, потом кивнула:

— Подожди здесь минутку. Нам понадобится ключ.

С этими словами Джоанна поспешила в большой зал. Девушка поставила поднос со сладостями на стол и быстро осмотрелась. Мастер Лионель стоял у западной стены, давая указания слуге. Джоанна быстро подошла к нему и что-то прошептала ему на ухо. Коротышка нахмурился, но достал из-за пояса связку ключей и протянул ей.

Джоанна быстро вернулась обратно к Селин:

— Я сказала мастеру Лионелю, что поварам нужно попасть в закрытые кладовые, чтобы подготовиться к завтрашнему свадебному пиру. Он часто доверяет мне ключи.

Девушки пошли по коридору.

— Куда идти? — спросила Селин, все еще не уверенная в том, что именно она делает, но понимая, что должна была что-то сделать.

— Через кухню, — ответила Джоанна.

***

Поднявшись на третий этаж восточной башни Амели прошла мимо комнаты Хита так тихо, как только могла.

Дойдя до комнаты Рошель и Лизбет, она медленно и осторожно открыла дверь, проскользнула внутрь, не менее осторожно прикрыла ее за собой. По большей части комната походила на ту, которую Амели делила с Селин: широкая кровать, платяной шкаф и туалетный столик со стулом. Шкаф здесь был намного больше, а туалетный столик завален разнообразными предметами. Чего там только не было: серебряные щетки и гребни, хрустальные флаконы духов, коробочки с браслетами и серьгами. Подойдя ближе, Амели взяла баночку с бледно-розовой пудрой для румян. Она предположила, что большинство из этих вещей принадлежали Рошель, но в принципе, все они были типичными атрибутами знатной женщины.

Закончив осматривать туалетный столик, Амели открыла его ящики, но не нашла ничего, кроме чулок и нижнего белья. Она тщательно обыскала кровать, сверху и снизу, смотрела даже под матрасом. Ничего.

Наконец, Амели подошла к шкафу. Он доверху был забит платьями. Девушка тщательно осмотрела каждое из них, ища... что-то. Она не знала, что именно. Она знала только, что Мэддокс пришел сюда не просто так, и в итоге погиб.

С одной стороны шкафа, среди платьев, висели три шерстяных плаща. Самый маленький был голубого цвета. Амели сняла его, обшарила карманы и ничего не нашла. Второй плащ темно-зеленого цвета, был длиннее первого. Но карманы и подкладка его тоже были пусты. И, наконец, последний был насыщенного серого цвета, и если для Лизбет он был слишком длинным, то для Рошель выглядел слишком тяжелым. Амели вытащила его, прощупала подкладку, но ничего не нащупала. Затем она сунула руку в правый карман. И прикоснулась к чему-то мягкому и жесткому одновременно. Схватив это что-то, Амели вытащила руку из кармана и поняла, что смотрит на прядь волос. Волосы показались ей знакомыми. Они были темными и очень жесткими, с седыми прядями.

— Что ты здесь делаешь?

Амели обернулась и увидела Лизбет, стоящую в дверях.

— Почему ты держишь плащ Хита? — спросила та.

— Это плащ Хита?

И тут Амели вспомнила. Прошлой ночью, перед тем как поисковая группа выехала на поиски, Лизбет дрожала от холода, и Хит укрыл ее своим плащом.

— Да...,-кивнула Лизбет. — Что ты здесь делаешь и где Хит? Я заметила, что он вышел из зала, и пошла проверить, как он. Мне кажется, ему грустно. Но его не оказалось в комнате.

Амели бросила плащ и протянула руку с зажатыми прядями:

— Лизбет, ты узнаешь эти волосы?

Девушка напряглась:

— Это принадлежит Карлотте. Где ты?..

— Ты сказала, что Хита нет в его комнате? — оборвала его Амели.

Лизбет, казалось, поняла, что происходит что-то ужасно неправильное, и молча кивнула.

Куда бы он мог пойти?

И вдруг... Амели поняла.

— Лизбет, оставайся здесь и запри за мной дверь, когда я уйду. Не открывай никому, кроме Селин, принца Антона и меня. Ты поняла?

— Нет, не поняла! Скажи мне, что...

— Просто сделай это! — Амели выбежала за дверь, захлопнув ее за собой. — Запри дверь, — крикнула она и бросилась к лестнице.

***

Джоанна вела Селин по заднему коридору замка. У основания восточной башни они повернули и пошли по короткому коридору на кухню. Здесь кипела бурная деятельность.

— Почистите кастрюли! — кричала женщина в фартуке и с измученным видом. — Они мне нужны на завтра.

Несколько молодых девушек побежали за кастрюлями, и лишь несколько человек оглянулись, когда Джоанна вела Селин по дальнему коридору. Выйдя из кухни, они спустились на три ступеньки и свернули в еще один коридор. Он был короче того, по которому они только что шли.

Джоанна остановилась перед тяжелой дверью и подняла связку ключей:

— Я открою ее, но спускаться туда не буду.

— И не нужно. Я итак в большом долгу перед тобой за то, что ты провела меня так далеко.

— И ты сдержишь свое обещание?

— Да. Тебе понравится Сеон. Это хорошее место.

— Будь осторожна, — предупредила Джоанна. — Леди Саорис пугает меня, — с этими словами она отперла дверь и распахнула ее.

— Оставь ее незапертой, — проинструктировала Селин, и прошла через дверь на темную лестничную площадку.

Селин спустилась на один этаж и вышла из узкого арочного прохода в большую комнату без окон с каменными стенами. Вдоль трех стен стояли небольшие жаровни, дававшие много света. Вдоль четвертой стены выстроились копья и арбалеты.

Селин видела это место раньше... когда читала Саорис. В видении та накладывала защитное заклинание на Дамека.

Но теперь Селин заметила некоторые отличия от своего видения. Стол сейчас был почти пуст, только на одном его конце лежало несколько стопок книг. Впрочем, в остальном все совпадало. Повернувшись, Селин увидела на другом конце огромной комнаты очаг. Огонь был разожжен. Над огнем установлен железный крюк, и с крюка свисал такой же маленький металлический котелок с выгравированными снаружи символами, как и в ее видении.

Саорис стояла перед котлом с закрытыми глазами и что-то шептала. Она, как и в видении, впала в транс и, казалось, не осознавала присутствия Селин в комнате. В правой руке женщина держала небольшой кинжал.

В отличие от видения из более отдаленного будущего Саорис, ее внешний вид был безупречен, как будто то, что она делала сейчас, не требовало особого планирования и особых усилий.

Эта мысль не принесла Селин никакого утешения.

Может быть Саорис все-таки убийца? Если так, то почему Селин не увидела этого, когда читала женщину? И какой у нее мог быть мотив?

— Дыхание... — прошептала Саорис. — Дыхание жизни прервано... *повержено ниц... искоренено*. — Не открывая глаз, она чиркнула острием кинжала запястье, и несколько капель крови скатились в котел.

Это было все, что Селин нужно было увидеть и услышать. Что бы Саорис ни произносила в этот момент, это не было защитным заклинанием.

Копья на стенах были закреплены выше головы Селин, и она сомневалась, что сможет поднять хотя бы одно из них. Арбалеты не были заряжены. Но на стене висело одно короткое, крепкое копьё. Сняв копьё со стены, Селин крепко сжала древко в руке и пошла к Саорис

***

Амели побежала вниз к кладовой у основания восточной башни, которую показал ей Хит. Быстро пройдя кладовую, она вышла через дверь в дальней части кладовки и спустилась по лестнице вниз. Амели услышала потрескивание поленьев и увидела мерцающий свет еще до того, как вошла в караульное помещение старой тюрьмы. Хотя она понятия не имела, что найдет внизу лестницы, ей потребовалось мгновение, чтобы осознать открывшееся перед ней зрелище.

В небольшом очаге потрескивал огонь. Хит сидел, скрестив ноги, на полу в центре треугольника, нарисованного черным мелом. Туника и шерстяная рубашка валялись в нескольких шагах позади него, а грудь и руки были обнажены.

Парень вспотел, и его кожа блестела во всполохах огня. К левому предплечью был пристегнут кинжал. Прямо над ножами Амели увидела несколько глубоких порезов, которые только-только начали заживать. На гладком торсе Хита не было ни единого волоска, но мышцы на руках были более рельефными, чем она ожидала. Над огнем был прикреплен короткий крюк, с которого свисал небольшой железный котелок.

На полу рядом с ним лежало несколько прядок рыжеватого-золотистых волос, такого же цвета, как и его собственные, но эти были длиннее, гораздо длиннее. Он начал что-то наливать из белой бутылки в котелок.

— Хит? — позвала Амели.

Парень резко повернул к ней голову. Выражение его лица было спокойным, но в светлоресничных глазах горел безумный огонек.

— Амели?

— Что бы ты ни делал, прекрати это, — сказала она.

Он выронил бутылку и вскочил на ноги.

Амели хотела найти его как можно быстрее, но впервые задумалась о том, а разумно ли было приходить сюда одной.

— Я должен закончить, — сказал он. — Я должен спасти ее. Я перепробовал все... все, и если я не спасу ее сейчас, она завтра будет в его постели. Она не понимает, что он сделает... И я должен спасти ее.

Раньше Амели никогда не подозревала Хита, но сейчас, глядя вниз на длинные рыжеватого-золотистые пряди на полу, она поняла, что каким-то образом он убил свою старшую сестру и дядю, а теперь собирался убить Рошель.

Амели подняла руку, все еще сжимая темные, с проседью волосы:

— Как ты спас Карлотту.

При виде их глаза Хита расширились:

— Нет! Я пытался спасти Рошель. За всем этим стояла Карлотта. Нас бы здесь не было если бы не ее отравленное сердце. Я не хочу этого делать, Амели. Я никогда этого не хотел. Но сейчас другого выбора нет, и ты должна позволить мне закончить. Ты должна увидеть, что я прав.

— Нет.

Лицо парня застыло. Вытащив кинжал из ножен на запястье, он сделал шаг к ней:

— Отойди от лестницы.

У Амели было два варианта: сражаться или бежать. Если она будет сражаться и проиграет, он закончит то, что начал и убьет Рошель. Если она побежит, то, возможно, успеет подняться по лестнице до того, как он поймает ее... По крайней мере, она успеет убежать достаточно далеко, чтобы позвать на помощь.

Развернувшись, Амели понеслась обратно вверх по лестнице. Но запуталась в длинном до пола, вечернем платье. Она успела сделать всего четыре шага, когда ее схватили сзади за руку и рывком швырнули назад.

Хит прижал ее к стене у подножия лестницы, держа кинжал в нескольких дюймах от ее горла. Он оказался сильнее, чем она предполагала.

— Мне жаль, — тихо сказал Хит. — Я бы никогда не причинил тебе боль.

Безумие в его глазах и покорность в голосе наполнили ее страхом. Он прижимал одну ее руку, но другая была свободна. Прибегнув к единственной защите, которая у нее была в этот момент, Амели схватила его за челюсть. В мгновение ока потянулась к искре его духа, пытаясь вырвать его сознание из этого момента, заманить в ловушку и дезориентировать в тумане времени.

А мгновенно найдя дух парня, Амели зацепилась за него. Первый толчок, и она изо всех сил сосредоточилась на том, почему он совершил эти ужасные вещи. Второй толчок, и оба оказались в серо-белом тумане, двигаясь назад. Она пыталась соединить свой дух с его духом, как делала с Мэддоксом. Ей нужно было увидеть глазами Хита, почувствовать то, что чувствовал он, понять его измученный разум.

Он сопротивлялся, пытаясь освободить свой дух, но она держалась. Здесь она была сильнее.

Туман рассеялся.

Глава 14

Поместье Квиллетт

Три года назад

Пятнадцатый год жизни Хита был самым счастливым в его жизни.

Барон Алексис Квиллетт, отец Хита, был не только титулованным, но и одним из самых преуспевающих виноторговцев в Древинке. Чтобы добиться этого, он много работал. В свое время, когда Алексису было двенадцать лет, его отец заставил его «учиться бизнесу», в результате значительная часть детства прошла мимо него. Алексис не хотел такой участи для своего сына. Он хотел для него большего.

— Наслаждайся этими годами, — сказал он Хиту. — Учись тому, чему должен, у своих наставников, но в остальном позволь себе быть молодым. Делай, что хочешь.

Хит так и поступил.

Однако единственное, что он хотел делать, это проводить время с двумя своими

сестрами. Он учился письму, математике и музыке у наставников, но каждую свободную минуту проводил с Рошель и Лизбет. Когда погода была ненастной, они прятались на чердаке и ставили друг для друга пьесы, разыгрывая роли с большим талантом и драматизмом.

В хорошую погоду, они разъезжали на лошадях по всем землям, принадлежащим их семье. Очень редко, когда у них не было занятий, все трое исчезали из дома с завтрака и до самого ужина. В лесу, росшем вокруг поместья, они играли в воображаемые игры, в которых Рошель была принцессой, а Лизбет — жестокой злодейкой, похитившей ее. Хит играл героя, который спасал Рошель.

Они с удовольствием таскали одежду и другие предметы из поместья, чтобы использовать их в своих играх. Но Рошель редко были нужны какие-либо костюмы. Она сама по себе выглядела как настоящая принцесса.

Хит любил свою младшую сестру Лизбет, которой в том году только-только исполнилось двенадцать, но Рошель он просто обожал. Она была самым совершенным созданием, которое он когда-либо видел. Иногда Хит ловил себя на мысли, что со стороны это чувство может показаться тщеславным, ведь Рошель была его близнецом, младше всего на десять минут, и они были похожи. Но большинство людей чувствовали себя в присутствии близняшек неловко. Хит отталкивал их. Рошель ослепляла. Никто не мог видеть ее, слышать ее голос и не влюбиться.

Так что, жизнь Хита была наполнена воображаемыми играми, постановками спектаклей на чердаке и верховой ездой... и все это в компании двух любимых сестер.

Алексис Квиллетт уделял мало внимания тому, как сын предпочитал проводить свои дни, лишь бы он был счастлив. Хелена ничего не говорила, но ясно дала понять, что не одобряет такого положения дел. Как и его старшая сестра Карлотта.

Хиту было трудно разговаривать с кем-либо, кроме отца или младших сестер. Со всеми остальными он редко мог придумать надлежащий ответ или что-нибудь сказать первым, а поговорить с матерью ему было труднее всего. Во-первых, она редко заговаривала с ним, разве только для того, чтобы раскритиковать или поправить в чем-нибудь, и в первые пятнадцать лет своей жизни Хит не помнил, чтобы говорил ей что-то, кроме «Да, мама». Карлотта вообще почти никогда с ним не разговаривала.

Но все это не имело для Хита никакого значения. У него были Рошель и Лизбет, и втроем они могли часами прятаться, разговаривать и играть.

В прошлом году, где-то в середине лета, леди Хелены не было дома, и они воспользовались этим, чтобы поиграть на главном этаже поместья. Лизбет, как всегда, была злодейкой, а Рошель — принцессой.

— Тебе не убежать от меня! — крикнула Лизбет. На ней были надеты старые брюки отца, которые она закатала, чтобы не запутаться в длинных штанинах. На верхней губе девушка углем нарисовала усы.

Рошель притворилась, что сопротивляется, и тут в столовую вбежал Хит с деревянным мечом в руке. Он уже собирался крикнуть Рошель, чтобы та воспряла духом, когда увидел одного из наемных стражников, стоящего в дальнем конце столовой. Мужчина смотрел на Хита с выражением глубокого отвращения.

Хит остановился и обернулся к замершим сестрам:

— Давайте поднимемся на чердак.

Они, не говоря ни слова, отправились вслед за братом.

Позже, все еще обеспокоенный, чувствуя тяжелый ком беспокойства где-то в животе, Хит поинтересовался у Рошель:

— Ты видела лицо того стражника, когда он смотрел на меня?

Она беспечно пожала плечами:

— А это имеет какое-то значение?

— Может, я сделал что-то не так?

— Конечно, нет. Он взрослый человек. Возможно, он считает странным, что молодой человек твоего возраста проводит все свое время, играя с сестрами. Не обращай на него внимания.

Молодой человек? Был ли он сейчас молодым человеком? Он не хотел им быть. Отец рассказывал ему о мире взрослых, и он казался ужасным, наполненным счетами и бухгалтерскими книгами, заботами, тяжелым трудом и обязанностями. Хит ничего не хотел менять в своей нынешней жизни.

Тем не менее, в тот год он узнал, что не все перемены-это плохо, в его жизнь вошли два новых человека. Первым был капитан Мэддокс.

Мать Хита, леди Хелена, внезапно решила, что семья в ближайшем будущем будет больше путешествовать, Хит понятия не имел почему, и ей понадобился телохранитель, который был бы немного внушительнее, чем наемные стражники в поместье. Капитан Мэддокс, очевидно, был своего рода «подарком», сделанным тетей Клариссой, которая была матерью принца Родека. Он прибыл в блестящих сапогах, с длинным мечом и бледно-желтым табарде дома Энтес.

Леди Хелена была довольна. Она любила все, что было так или иначе связано с домом Энтес. Она сообщила семье, что Мэддокса не следует считать слугой, что он будет жить в поместье и обедать с ними за одним столом. Поначалу Хит с большим трепетом воспринял эту новость. Капитан Мэддокс был высоким, атлетического сложения мужчиной и обладал сурово красивым лицом. Он относился к тому типу мужчин, которым подражали все остальные мужчины, стремясь быть на него похожими. Хит никогда не чувствовал себя непринужденно с подобными мужчинами, или, скорее, они никогда не чувствовали себя непринужденно с ним. Но капитан был неизменно вежлив с парнем и быстро доказал, что его мало что интересует, кроме защиты семьи. Он руководил наемными стражниками и не пускал большинство из них в дом. Очень скоро Хит уже радовался его надежному присутствию рядом.

В появлении капитана был только один недостаток. Хит не осознавал этого, пока не заметил, что его родители стали ссориться больше, чем обычно. Леди Хелена и барон Алексис никогда не любили друг друга, по крайней мере, сколько себя помнил Хит, и научились организовывать свои дни так, чтобы находиться рядом друг с другом только за ужином. Но даже и тогда они почти не разговаривали.

Но в последнее время Хит часто слышал, как они кричат за закрытыми дверями. А однажды он зашел в дом, чтобы украдкой взять немного хлеба и сыра и отнести Лизбет и Рошель на обед, и услышал громкие голоса на первом этаже. Они доносились из гостиной.

— Ты не оказываешь ему никакой услуги и никаких одолжений! — кричала леди Хелена. — Ты видишь, как на него смотрят наши друзья, когда обедают с нами?

— Я не буду заставлять его слишком быстро становиться мужчиной! — ответил Алексис Квиллетт. — Я уже говорил тебе об этом.

— Как долго ты будешь ждать? Пока он не начнет бриться каждое утро, а у всех

молодых людей из других семей за плечами уже будут годы тренировок?

Хит замер. Родители спорили о нем.

Встревоженный, он медленно прокрался обратно на улицу. Казалось, мать давила на отца, чтобы тот заставил Хита занять свое место в мире взрослых.

Несколько дней спустя к парню подошел капитан Мэддокс. Хит настороженно наблюдал за ним, чувствуя, что что-то происходит.

— Меня послал твой отец, — сказал Мэддокс без предисловий. — Я должен научить тебя обращаться с мечом.

О... - подумал Хит. — *Звучит угрожающе.*

К сожалению, так оно и было. В пятнадцать лет Хит все еще был невысокого роста и хрупкого телосложения. А Рошель еще в прошлом году стала выше его ростом.

Как ни старался сейчас Хит, он не мог взмахнуть мечом больше трех-четырёх раз. В конце концов, в изнеможении, он чуть не выронил его.

Смутившись, Хит ожидал резкой критики от капитана, но Мэддокс усадил его и спокойно сказал:

— Об этом я и беспокоился. Не волнуйся. Большинство мальчиков из таких семей, как ваша, начинают хотя бы базовую подготовку и учатся обращаться с кинжалом гораздо раньше, и к твоему возрасту уже набираются некоторой силы. Но мальчишки... мужчины продолжают расти до двадцати лет. Ты еще вырастешь. Я обещаю. Я научу тебя владеть мечом позже, может быть, в следующем году.

— Да, но думаю, мама хочет, чтобы я научился сражаться сейчас.

— Я знаю, и у меня есть идея на этот счет. Будь готов отправиться со мной верхом завтра после обеда.

Хотя Хит планировал провести завтрашний день, играя среди деревьев с Рошель и Лизбет, разыгрывая новую историю, которую он придумал, но ему стало любопытно посмотреть, куда Мэддокс поведет его. Итак, на следующий день после полудня он оседлал своего коня и был готов к путешествию.

Вскоре Мэддокс присоединился к нему, и они выехали за ворота поместья, направляясь на юг. Свернув на лесную тропинку, мужчины доехали до самой границы земель Квиллетт. Впереди Хит услышал журчание ручья и увидел необычный лагерь — скопление фургонов с маленькими домиками наверху. Они походили на дома на колесах. На окраине лагеря паслись лошади, а вокруг фургонов на земле что-то клевали куры. В самом лагере Хит насчитал около двадцати человек. Несколько женщин складывали овощи в большой котел, подвешенный на крюке над кострищем, разведенным прямо в центре лагеря. Все они были одеты в яркие цвета алого, насыщенного синего и пурпурного, у большинства на руках бренчали браслеты, а в ушах болтались серьги, и даже у некоторых мужчин.

При приближении Хита и Мэддокса люди обернулись в их сторону. На лицах появились улыбки, а некоторые приветственно махнули рукой:

— Капитан, идемте обедать.

Во время занятий с наставниками, Хит немного узнал об истории Мондьялитко, но то, что он когда-то читал, не подготовило его к такому зрелищу. Ему показалось, что он стал участником версии одной из пьес, которые ставил вместе с сестрами, но только более масштабной.

Прежде чем въехать в лагерь, Хит остановил коня. Он не совсем понимал, что происходит:

— Эти люди находятся на земле моего отца.

Мэддокс остановился рядом с ним:

— Я знаю. Они приезжают каждое лето и остаются до осени. У них есть разрешение твоего отца разбивать лагерь и рыбачить в ручье. Я приезжал сюда в первую неделю своего приезда... просто чтобы убедиться, что эти люди не представляют опасности. У меня нет никаких опасений на их счет. Я подружился с некоторыми из них, а с одним из них я хочу тебя познакомить.

Хита поразила такая новость. Оказывается, все это время, каждое лето и осень, на землях Квиллеттов разбивал лагерь табор цыган, а он и не подозревал об этом.

Мэддокс спешился, и Хит последовал его примеру.

Женщина с темными волосами поприветствовала их. Она улыбнулась Мэддоксу, и оценивающим взглядом с ног до головы окинула Хита. Женщина казалась одновременно довольной и заинтересованной:

— Капитан, вы привели к нам симпатичного молодого человека?

Мэддокс улыбнулся в ответ:

— Перестань, Неда. Он не для тебя. — Капитан огляделся по сторонам: — Джейс здесь?

— Здесь, — раздался низкий голос. Дверь одного из фургонов открылась, и оттуда по импровизированным ступенькам спустился мужчина. Зевнув и потянувшись, как будто проспал весь день, он шагнул ближе к Мэддоксу: — Я вам нужен?

Мужчине было около тридцати, со смуглой кожей и темными волнистыми волосами, собранными сзади в конский хвост. На нем была надета свободная оранжевая рубашка и выцветшие коричневые брюки. Ноги мужчины были босы.

— Да, — ответил Мэддокс. — Я надеялся нанять тебя. — Мужчина вопросительно приподнял бровь, но Мэддокс продолжил, обернувшись к Хиту и указав на мужчину: — Хит, это Джейс. Он очень... искусен в обращении с кинжалом, гораздо лучше меня. Джейс, это сын моей госпожи. Она хотела, чтобы я обучил его владению мечом, но он еще не готов. У него есть скорость и баланс. Я подумал, что обучение владению кинжалом поможет ему начать.

Хотя Хит все еще был озадачен, он покраснел от комплимента. Он и понятия не имел, что обладает скоростью и балансом.

Мужчина по имени Джейс наклонил голову и изучающе посмотрел на Хита:

— Ты когда-нибудь раньше держал в руках кинжал, парень?

— Нет, — ответил Хит. Ему было интересно, откуда Мэддокс знал, что Джейс искусно обращается с кинжалом, но он не стал спрашивать.

— Мы будем платить тебе два серебряных пенни за урок, если мальчик будет приходить сюда, и три, если ты будешь приходить в поместье, — сказал Мэддокс.

— Довольно щедро, — ответил Джейс.

— Значит, ты сделаешь это?

— Почему бы и нет?

И вместе с этим Хит открыл для себя новый мир, как внутри себя, так и снаружи. Иногда Джейс приезжал в поместье, и они тренировались на площадке перед конюшней, а иногда Хит ездил верхом в лагерь. Ему там нравилось. По большей части цыгане жили так, как им хотелось. Все они приняли его, и никто из мужчин не считал его отталкивающим.

Кроме того, парня удивило то, насколько ему понравились сами уроки. Как и Мэддокс, Джейс был терпеливым учителем. Он никогда не давил слишком сильно. Он научил Хита

правильно держать кинжал, уклоняться, рубить и наносить удары. И Хит понял, что он действительно обладал скоростью и балансом.

Более того, парень впечатлил сестер своими растущими навыками, когда они играли в свои игры в лесу, и он как обычно был героем, спасающим Рошель. Конечно, Хит был осторожен и никогда не приближал клинок к Лизбет. Он просто размахивал им, показывая сестрам, на что способен.

Однажды Джейс принес ему кожаные ножны, которые можно было закрепить на запястье. Хиту понравилась эта идея. На следующий день он сочинил историю о лесном разбойнике с добрым сердцем, а Лизбет сыграла злого дворянина, похитившего Рошель. Хит сумел вытащить кинжал из рукава и удивить обеих сестер. Они смеялись и хлопали в ладоши.

И вот... Пятнадцатый год жизни Хита был самым счастливым в его жизни. У него была свобода, его сестры, его отец, тихая поддержка капитана Мэддокса и полный табор цыган, которые принимали его таким, какой он есть. Но незадолго до того, как ему исполнилось шестнадцать, мир начал меняться.

Первое изменение было неплохим. У него произошел резкий скачок роста, и Хит стал выше Рошель. Он чувствовал, как увеличивается сила в руках во время тренировок с Джейсом, и Джейс усилил режим тренировок. Но поздней осенью Мондьялитко собрали вещи и укатили, отправившись к месту своего зимнего пребывания, пообещав увидеться с Хитом следующим летом.

А вскоре произошло еще одно изменение, и на этот раз это было больно.

Однажды утром Хит и Лизбет с нетерпением ждали Рошель внизу, но она не пришла. Отчаявшись, Хит поднялся за ней и нашел ее в комнате матери. Вместе с ними там была Карлотта и еще несколько женщин. Они прикидывали на Рошель шелк и болтали о «декольте».

Хит стоял в дверях, желая только одного-оттащить Рошель прочь.

— Хит! — воскликнула леди Хелена, заметив его. — Что ты там делаешь? Мы подбираем твоей сестре платье. Выйди и закрой за собой дверь.

— Да, мама.

Разочарованный, он спустился вниз и рассказал Лизбет о том, что видел. Рошель не спускалась весь день. Даже обед приносили в комнату матери. Обычно муслиновые платья Рошель шились по образцу предыдущих, и даже если ей требовалась подгонка, это никогда не занимало много времени, и ее никогда не звали в комнату матери.

Хит и Лизбет пытались придумать историю и разыграть персонажей самостоятельно, но без Рошель у них ничего не получалось.

Незадолго до ужина Хит застал сестру одну:

— Почему на то, чтобы сшить тебе платье, ушел целый день?

— Платья, — поправила она. — Мама планирует съездить в Энемуск, и я должна поехать вместе с ней. Думаю, она хочет представить Карлотту нескольким кандидатам в женихи, но хочет, чтобы это выглядело как семейный визит, чтобы все не выглядело слишком очевидным.

— О... — чувство беспокойства у Хита усилилось. Мать везет Рошель в Энемуск? — И все же, тебе обязательно было торчать там весь день?

— Мне нужны платья, Хит. Мы будем посещать официальные обеды.

Это было началом перемен в Рошель, которые он не мог остановить.

Через несколько дней первое шелковое платье для Рошель было готово, и когда тем же вечером она вошла в столовую, то выглядела... по-другому. Ее тело начинало меняться, впрочем, как и его. Новое шелковое платье с низким вырезом плотно облегало стройную фигуру Рошель, которая приобрела мягкие изгибы. Ее нежное лицо казалось более утонченным, волосы — более блестящими, а кожа — более светлой.

Хиту это не понравилось.

Прошли недели, и Рошель стала ходить в конюшню в новых шелковых платьях, навещать свою лошадь. Каждый стражник во дворе или у ворот останавливался, бросая свои дела, чтобы поглазеть на нее. У Рошель больше не было времени на игры в лесу, и, казалось, большую часть времени она проводила перед зеркалом. Она начала коллекционировать духи, серьги и маленькие заколки для волос, украшенные драгоценными камнями.

Хит впал в отчаяние, так сильно сучая по играм, в которые они играли в лесу, что у него болело в груди.

Однажды утром он загнал сестру в угол:

— Мы с Лизбет придумали историю. Пойдем сегодня на улицу.

— Я не могу.

— Не можешь? Даже на один день?

— Хит, — ласково произнесла Рошель. Она всегда говорила с ним ласково. — Те дни прошли. Мама, Карлотта и я собираем вещи для поездки в Энемуск. Я становлюсь молодой леди... а ты становишься молодым мужчиной.

Жгучий гнев затопил его. Повернувшись на каблуках, Хит молча пошел прочь.

На следующий день Рошель уехала. Она отсутствовала две недели. Каждый день для Хита был пыткой. Он считал время до темноты. Когда Рошель вернулась, он упал на колени и умолял ее о милости. Она даровала милость брату. На следующее утро Рошель поднялась на чердак с ним и Лизбет, и они разыграли игру, в которой Рошель была принцессой, проданной в рабство, а Хит спас ее. После этого у него от облегчения кружилась голова, как у изголодавшегося человека, которого, наконец-то, накормили.

В течение нескольких дней леди Хелена, и Карлотта проявляли повышенную активность. Карлотту представили нескольким подходящим аристократам, и она ожидала скорого письменного предложения.

Перед самым ужином пришел посыльный с двумя письмами.

В тот вечер Рошель была прекрасна в белом атласном платье. Даже Мэддокс выглядел пораженным, когда она вошла в столовую.

Алексис Квиллетт встал, приветствуя дочь:

— Проходи, присаживайся, моя дорогая. Возможно, у нас есть хорошие новости для твоей сестры.

Все остальные члены семьи уже сидели за столом. Отцу всегда нравилась театральность, вот и сейчас он немного выждал, прежде чем вскрыть письма. Карлотта выжидающе наблюдала за ним.

Ей было всего двадцать с небольшим, но в волосах уже появились седые пряди, а у рта — мелкие морщинки. Хит часто пытался пожалеть ее, но у нее никогда ни для кого не находилось доброго слова, и, казалось, Карлотта не могла смотреть на другого человека, чтобы не найти в нем недостатков.

Отец вскрыл первое письмо и начал читать.

— Да, — улыбнулся он. — Это предложение... — улыбка померкла, — для Рошель.

Карлотта застыла в кресле.

Во втором письме также содержалось предложение для Рошель.

Хелена выглядела потрясенной.

— Мне очень жаль, моя дорогая, — обратилась она к Карлотте. — Следующее предложение будет для тебя. Я уверена в этом.

Хит почувствовал себя дурно, сам не зная почему.

— А что с этими двумя предложениями?

Все, сидящие за столом, с удивлением обернулись к нему: парень редко разговаривал за столом.

— Ну, — начал Алексис Квиллетт, — я напишу ответ и откажу им. Рошель всего шестнадцать лет. На мой взгляд, она еще слишком молода для замужества.

Хита затопило волной облегчения. В этот момент он любил своего отца больше, чем когда-либо за всю свою жизнь.

Но начало было положено, и в течение зимы и весны каждый мужчина, с которым отец начинал перегово-ры о Карлотте, либо исчезал после встречи с ней... либо делал предложение Рошель, если ему разрешали встретиться с ней. Отец и мать старались не относиться к этому серьезно. Карлотта наоборот, воспринимала все очень серьезно. В этот период о Лизбет все часто забывали, даже Хит, поскольку их игры без Рошель не получались.

Иногда Хит не мог удержаться и умолял свою близняшку пойти с ним в лес или на чердак. Она всегда была милой с ним, но у нее постоянно находились другие занятия. У Хита начались проблемы со сном. По ночам он придумывал истории и в уме разыгрывал их вместе с Рошель.

Наступило лето, и вернулся Джейс. Немного помогли занятия по владению кинжалом. Никто не упоминал, чтобы он снова учился владеть мечом. Мать была слишком занята поисками мужа для Карлотты.

Хит добился от отца разрешения пропускать ужин один или два раза в неделю. Эти вечера он проводил в лагере Мондьялитко. Тамошних людей мало интересовал «взрослый» мир, и они жили так, как им хотелось. Хит знал, что они зарабатывали деньги, посещая соседние города и деревни, устраивая музыкальные представления и предсказывая судьбу. Но в остальном их время принадлежало только им, а по ночам они развлекали друг друга песнями и историями. Часть раннего образования Хита была связана с музыкой, и иногда он брал с собой лютню, чтобы принять участие в исполнении песен, но больше всего ему нравилось слушать мрачные истории с магией, проклятиями и мстью.

Однажды ночью Хит заметил, что цыгане пьют из маленького, знакомого на вид бочонка... из внешних складских помещений его собственной семьи.

— Это наш? — спросил он.

Вздвогнув, Джейс взглянул на бочонок, а затем с досадой ответил:

— Боюсь, что да. Их было так много, что я не думал, что кто-нибудь заметит, если я вынесу один.

Хит улыбнулся. Он не пожалел бы для них бочонка вина, как и его отец.

Но в конце лета Хит заметил перемену в отце. Алексис побледнел, потом у него пропал аппетит. Вызвали врача, который произнес слово «чахотка». Хиту никогда не приходило в голову, что отец может не поправиться. Но в середине той осени его отец умер.

Через неделю к ним переехал жить дядя Хэмиш, брат матери. Мир снова изменился.

Хит получил титул барона Квиллетт. Поскольку он ничего не смыслил в винном деле, дядя Хэмиш взял его в свои руки и стал хозяином дома.

Вся любовь и доброта исчезли из жизни Хита, за исключением Рошель. Лизбет любила его, но не могла выразить этого. Только Рошель дарила ему любовь в виде добрых слов. Она стала позволять ему приходить к ней в комнату по ночам, расчесать ее длинные волосы перед сном. Никто больше не знал, что они это делали, но он наслаждался временем, которое она ему уделяла.

Вдвоем они отпраздновали свой семнадцатый день рождения.

Карлотта еще не была замужем.

Неделю спустя, за ужином, дядя Хэмиш объявил, что Рошель достигла возраста, когда можно рассматривать предложения о замужестве. Хит вежливо извинился и вышел из-за стола. Не успел он выйти на улицу, как его вырвало.

После этого у Рошель оставалось еще меньше свободного времени.

Знатные семьи с неженатыми сыновьями приезжали в поместье с короткими «визитами», и каждый мужчина, который входил в дверь, женатый или нет, провожал Рошель взглядом. Предложения поступали, но Рошель каким-то образом всегда находила способ заставить дядю Хэмиша их отклонить.

Иногда она улыбалась и подтрунивала:

— Давайте подождем предложения от принца.

Казалось, это произвело желаемый эффект, и всем были отправлены вежливые отказы.

Однако череда отказов Рошель расстроила леди Хелену. Но хуже того, с каждым новым предложением уголки губ Карлотты опускались все ниже и ниже.

Несмотря на все это Хит жил в страхе, что Рошель выдадут замуж и увезут от него. Однажды днем он умолял ее покататься с ним верхом, всего пару часов, но она коснулась его лица и сказала, что у нее есть другие дела.

Разозлившись, Хит вышел из дома и быстрым шагом отправился на конюшню, забрался на сеновал и рухнул в сено. Если он не мог провести время с Рошель, то хотел побыть один.

В это время дня в конюшне было тихо и умиротворенно, и Хит почти задремал, когда услышал приглушенные голоса внизу.

— Сэмюэль, остановись. Мы не можем. Не здесь.

— Никто не увидит. Ну же. Вот хорошая девочка.

Хит перевернулся на бок и посмотрел вниз. Там он увидел одного из стражников дома, Сэмюэля, и хорошенькую кухарку. Хит не знал, как ее зовут. Сэмюэль опустился на колени, потянув девушку за собой и повалил ее на пол. Она отталкивала его, но не сопротивлялась и не кричала.

— Дай мне подняться. Нас поймают, и меня уволят.

— Никто нас не поймает. Я быстро.

Сэмюэль расстегнул верх белой блузки девушки и стянул ее, бросив на пол. Потом провел руками по обнаженной девичьей груди. Наконец, наклонив голову, Сэмюэль начал проделывать то же самое своим ртом.

Хит застыл, потрясенный таким унижением, но не мог отвести взгляд.

— Сэмюэль, остановись.

Девушка не сопротивлялась и не кричала, и хотя Хит не собирался раскрывать свое присутствие, он хотел, чтобы стражник прекратил делать то, что он делал. Это было так грязно и грубо... и это, должно быть, было ужасно для девочки.

Потом стало еще хуже. Сэмюэль задрал юбки девушки, обнажая остальную часть ее тела, и вошел в нее, тяжело дыша. Смятение Хита росло, пока он молча лежал и просто наблюдал. Это продолжалось какое-то время.

Хит знал принцип таких вещей... они происходили между мужчинами и женщинами. Умом он понимал, что его отец и мать совершали нечто подобное, чтобы зачать своих детей, но он никогда не представлял, что приходится переживать женщине. Явная животная природа этого наполняла юношу ужасом.

Внизу Сэмюэль судорожно вздохнул, а мгновение спустя скатился с девушки, оставив ее лежать с задранной на животе юбкой.

— Нам лучше убраться отсюда прямо сейчас, — сказал он.

Девушка оправила юбки, надела блузку и они ушли.

Хит сделал несколько неглубоких вдохов. Он до сих пор боялся... его ужасом был факт, что Рошель выдадут замуж и заберут из семьи. Но этот страх мерк по сравнению с тем, что он чувствовал сейчас. Если дядя Хэмиш выдаст ее замуж за одного из тех мужчин, которые провожали ее взглядами, ей придется пережить то, что только что пережила служанка.

Но Рошель не была служанкой. Она была хрупкой и невинной, и не смогла бы вынести такого обращения. Каким-то образом он должен был спасти ее.

***

Семнадцатый год жизни Хита и Рошель подошел к концу, а ей все еще удавалось избегать того, чтобы ее дядя принимал какие-либо предложения. Это принесло Хиту большое облегчение, но его беспокоило то, что несколько стражников поместья не переставали следить за Рошель глазами.

Один из них вызывал особое беспокойство. Это был новый человек, которого нанял Мэддокс, и звали его Кинан. Высокий, мускулистый, с красивым обветренным лицом. Рошель стала чаще ездить верхом и очень часто просила его оседлать для нее лошадь.

Хит сопровождал сестру, когда она позволяла, но ему не нравилось, как Кинан наблюдал за каждым движением Рошель. Прошло несколько недель, и она перестала ездить верхом. После этого, очень часто, даже в середине дня, Хит не мог ее разыскать.

Однажды ему стало так одиноко без сестры, что он отправился на ее поиски в заднюю часть поместья. Добравшись до угла здания, Хит услышал голос Кинана, доносившийся прямо из дома.

— Ты должна позволить мне поговорить с твоей матерью или дядей, — горячо говорил Кинан. — Я не могу больше ждать. Я люблю тебя, но это неправильно.

— Нет, еще нет. Отпусти меня.

Хит остановился. Второй голос принадлежал Рошель. Он рванулся с места, завернув за угол, и тут же резко остановился.

Кинан прижимал Рошель к стене. Ее волосы были растрепаны, а верхняя часть платья частично расшнурована.

Весь мир вокруг стал белым. Хит взревел и бросился на Кинана, оттолкнув его от сестры обеими руками с такой силой, что тот кувыркнулся назад. А Хит выдернул кинжал из ножен на запястье и инстинктивно выставил руку перед грудью, готовый нанести удар.

Глаза Кинана расширились.

— Хит, нет! — закричала Рошель, хватая его за руку. — Не надо. Капитан Мэддокс! — в отчаянии позвала она.

Хит посмотрел на ее руку, обхватившую его запястье и чуть не сбросил ее с себя. Он

хотел перерезать Кинану горло.

— Капитан Мэддокс! — снова закричала Рошель.

Послышались шаги обутых в сапоги ног, и из-за угла почти бегом выскочил Мэддокс. При виде открывшейся перед ним картины он замер.

— Что за?..

— Этот новый охранник, которого ты нанял, наложил лапу на Рошель! — прошипел Хит, все еще желая наброситься на стражника. — Посмотри на нее!

Когда Мэддокс взглянул на волосы и платье Рошель, на его лице застыло изумление:

— О... миледи.

Что-то в этом слегка успокоило Хита. Стражник дома, поднявший руку на одну из дворянок — серьезное дело.

Мэддокс в ярости повернулся к Кинану:

— Ты уволен без рекомендации. Я хочу, чтобы ты покинул казарму в течение часа.

— Сэр... — запинаясь, произнес Кинан. — Вы не понимаете. Она...

— Она что? — прорычал Мэддокс. — И тебе лучше быть осторожным. Если ты оклеветашь эту леди, тебе придется иметь дело не только с увольнением.

Кинан долго смотрел на Рошель, но так ничего и не сказал.

Мэддокс повернулся к Хиту:

— Я займусь этим делом. Отведи свою сестру в ее комнату, а потом позови мать. Рошель понадобится утешение других женщин.

Хит кивнул и почувствовал волну благодарности к Мэддоксу. Капитан вмешался и удержал Хита от убийства, что, вероятно, было хорошо. Теперь у парня было время подумать. Затем Мэддокс уволил провинившегося Кинана со службы, а теперь передал Рошель на попечение Хита.

Хит осторожно протянул руку сестре и повел ее по коридору. Бедняжка Рошель. Она понятия не имела, насколько близка была к настоящему шоку и страданию. Но она была спасена.

***

В дни, последовавшие за восемнадцатилетием Хита и Рошель, многое в поместье оставалось прежним, только более выраженным.

Леди Хелена все сильнее давила на лорда Хэмиша, чтобы он быстрее принимал предложение на руку Рошель. Карлотта становилась все более и более раздражительной, пока слуги не начали избегать ее. Лорд Хэмиш стал больше пить, пользуясь винными запасами, и несколько служанок обратились с жалобами на него. Лизбет становилась все более одинокой, но Хит был слишком поглощен собственными заботами, чтобы что-то с этим поделать.

Незаметно пролетели зима и весна.

Наконец летом вернулся Джейс и Мондьялитко. Но после первого же занятия Джейс сказал Хиту:

— Ты так хорошо обращаешься с кинжалом, что я мало чему могу тебя научить.

Но для Хита посещение табора было своеобразным утешением.

А... когда лето подошло к концу, Хит заметил дома странность, которая начала беспокоить его все больше и больше. Мэддокс вел себя не как обычно.

С момента своего прибытия в поместье он был единственным человеком, на которого Хит мог рассчитывать, что он будет относиться к Рошель с уважением, которого она

заслуживала. Он никогда не смотрел, как она идет через двор к конюшням, следя глазами за каждым ее шагом, как один из стражников дома. Он защищал ее и относился к ней как к одной из своих священных подопечных.

За последние несколько недель все изменилось. Теперь... всякий раз, когда Рошель входила в комнату, он тоже провожал ее взглядом. Он стал рассеянным и был на взводе, а в нескольких случаях, когда он был нужен, его нельзя было найти.

Все это разочаровало Хита и заставило его почувствовать себя еще более одиноким.

Однажды вечером Мэддокс опоздал на ужин, и к его приходу все уже сели за стол. Капитан сел на свое место и Хит заметил, что он чем-то встревожен.

— Налей вина капитану Мэддоксу, — приказал лорд Хэмиш слуге.

А в следующий миг Хита застигли врасплох.

Его дядя встал и поднял свой кубок, обращаясь к Рошель:

— Моя дорогая племянница. У нас с твоей матерью есть для тебя новости... новости для всей семьи. Мы ведем активные переговоры с домом Пален. Твоя сестра Карлотта получила сегодня утром письмо из замка Кимовеск, и теперь мы вступили в официальные переговоры о браке между тобой и принцем Дамеком... который, как мы все знаем, станет следующим великим принцем Древинки. Моя дорогая девочка... ты станешь великой принцессой нашего народа.

Хит неподвижно сидел в своем кресле. Принц Дамек из Кимовеска? Возможно, он неправильно расслышал.

Рошель уставилась на дядю, а затем опустила глаза в свою тарелку.

— Разве ты не счастлива, моя милая? — спросила леди Хелена. — Разве это не лучшая новость?

— Да, мама, — ответила Рошель. — Я счастлива.

— Ты говоришь это серьезно? — спросил Хит, поднимаясь на ноги и глядя на мать. — Дамек? Принц Дамек? Ты знаешь его репутацию.

Леди Хелена была так ошеломлена выступлением сына, что потеряла дар речи.

— *Сядь*, — приказала она, обретя, наконец, дар речи, — и веди себя за столом так, как подобает. У нас отличный повод для празднования, и ты выпьешь за предстоящее замужество сестры.

Хит сел и сделал большой глоток вина, но его уже до такой степени охватила паника, что он задумался, как долго сможет оставаться за столом.

Как Рошель сможет найти выход из *этого* положения?

***

После ужина Рошель отправилась в конюшню с капитаном Мэддоксом, чтобы он осмотрел ее кобылу, которая захромала. Хиту это не понравилось, он больше не доверял Мэддоксу. Хит отправился в комнату Карлотты. Постучал в дверь.

— Да, — отозвались изнутри.

Хит открыл дверь. Карлотта сидела за письменным столом. Она даже не потрудилась скрыть свое удивление. За восемнадцать лет жизни Хит ни разу не заходил в комнату старшей сестры. Когда она посмотрела на него, он попытался подавить отвращение. Блеклые волосы девушки выбились из тугого пучка, а все ее тело, казалось, источало запах злобы. Хит знал, что она считала, что мужчины отвергают ее из-за недостатка красоты, но он знал другую причину. Они отвергали ее, потому что ей не хватало способности смеяться и любить.

— Что? — спросила Карлотта.

Хит вошел и закрыл дверь:

— Ты должна найти способ прекратить переговоры о браке.

Карлотта опустила взгляд на письмо, которое писала, и сказала:

— Я ничего подобного не буду делать. Рошель выйдет замуж за принца Дамека.

— Но, несомненно, даже до тебя доходили слухи о нем, о том, как он жестоко обращается со своим народом. Я знаю, ты чувствуешь, что Рошель причинила тебе боль, но ты не можешь связать ее с таким человеком, как Дамек. Она слишком нежная. Представь, каким унижениям она подвергнется.

Карлотта подняла глаза. Разговор казался странным, потому что они никогда не говорили друг другу больше нескольких слов.

— Унижения? — повторила Карлотта и коротко рассмеялась. Судя по всему, она умела смеяться, но звук был отвратительным. — Почему бы тебе не попробовать проскользнуть в гостевые покои ранним вечером и не подслушать у нескольких дверей? Ты услышишь кое-какие звуки, которые покажут, насколько она *нежна*. Поверь мне, Рошель вполне сойдет для этого извращенного принца. А теперь убирайся. Мне нужно поработать. Я веду переговоры о ее приданом.

Когда Карлотта произнесла имя Рошель, в ее голосе ясно прозвучала ненависть. Хит знал, что Карлотта была озлоблена, но до сих пор не осознавал всей глубины ее ненависти к сестре.

Наклонившись, он положил руки на стол:

— Если хочешь тратить время на подслушивание у замочных скважин и придумывать ядовитые фантазии, это твое дело. Но я остановлю этот брак.

— Ты не сможешь. Ты здесь никто. У тебя даже нет права заказать на ужин рыбу вместо говядины. Отец направил тебя на этот путь, и ты ему позволил. Ты еще ребенок, Хит. А теперь, серьезно — убирайся.

Задетый ее словами, Хит повернулся и вышел из комнаты. Карлотта была права. Он остановит этот брак.

***

Однако шли дни, а Хит так и не смог придумать ничего, что могло бы помешать переговорам. Рошель проводила большую часть времени на примерках платьев, и он почти не видел ее.

Потом он случайно услышал, как мать упомянула о предстоящем семейном путешествии, и перебил ее:

— Прости, мама, что ты сказала? Мы отправляемся в путешествие?

Леди Хелена была взволнована:

— Да, все мы едем в Кимовеск. У Карлотты дела идут не так хорошо, как мы с твоим дядей надеялись, и мы подумали, что было бы неплохо для всех... встретиться и провести с принцем немного времени.

Хит выдохнул:

— Ты хочешь, чтобы Дамек увидел Рошель.

Впервые в жизни ему захотелось ударить собственную мать.

— Не говори со мной таким тоном! И не волнуйся насчет вещей. Я распоряжусь, чтобы их собрали за тебя.

Леди Хелена пронеслась прочь от него по коридору. Хит стоял на месте, пытаюсь

собраться с мыслями. Что, если все было не так уж плохо? Что, если мать, дядя и Карлотта увидят Дамека и поймут, что не смогут принести Рошель ему в жертву, как ненужную вещь? Но... что, если каким бы дикарем ни был принц, их это не остановит?

В этом случае Хиту нужно было оружие. Ему нужно было что-то, что он мог бы использовать против них.

Позже... может быть той же ночью, он не был уверен, когда именно, к нему пришел ответ... но это точно было ночью.

Мондьялитко.

***

На следующее утро Хит собрался, оседлал коня и поскакал на юг, к табору.

Джейс сидел у костра на корточках и издали заметил приближающегося парня.

— Все в порядке? — спросил он, когда Хит спешился. Парень никогда не приезжал в лагерь в это время дня.

— Нет, — ответил Хит. — Мне нужно поговорить с тобой наедине.

Джейс поднялся. Вдвоем они направились к ручью. Едва оказавшись вне пределов слышимости, Хит сказал:

— Мне нужна помощь.

— В чем?

— Мне нужно защитить Рошель.

Джейс покачал головой:

— Твою хорошенькую сестренку? Иди к Мэддоксу.

— Нет, он не может помочь. — Хит помолчал, раздумывая, как сказать о своей просьбе Джейсу. В течение довольно долгого времени он подозревал, что некоторые истории о заговорах и проклятиях, которые люди Джейса рассказывали у костра, могли быть правдой. — Мне нужно заклинание. Что-то, что убьет и что нельзя будет отследить... но что будет выглядеть именно как убийство. Мне нужно, чтобы это выглядело как убийство.

Джейс остановился как вкопанный:

— Нет.

— Нет- у тебя нет такого заклинания или нет- ты не поможешь мне?

— Просто — нет.

Хит собрался с духом. Он не хотел делать то, что собирался сейчас сделать, но его ничто уже не могло остановить.

— Моего отца нет почти два года, и я не думаю, что дядя Хэмиш знает о твоём существовании. Если ты мне не поможешь, я привлеку к тебе его внимание и скажу, что ты воровал вино с наших складов.

Хит содрогнулся как от боли, увидев в глазах Джейса обвинение в предательстве.

— Ты этого не сделаешь.

— Я не хочу этого делать! Но у меня нет выбора. — Во время своих последних посещений табора Хит заметил, что запасы продовольствия у цыган, похоже, были на исходе, а их лошади в последнее время сильно исхудали. Он подумал, что, скорее всего, зима и весна выдались для них трудными, но не стал спрашивать. Вместо этого Хит сунул руку в карман брюк и достал большую, украшенную драгоценными камнями булавку для плаща: — Джейс, посмотри на это. Она принадлежала моему отцу и перешла ко мне по наследству. Видишь, какие крупные камни? Их можно снять и продать отдельно. Если ты поможешь мне, я заплачу тебе этим.

Глаза Джейса заблестели, когда он взглянул на булавку. Семейная реликвия была усыпана рубинами и изумрудами. Она могла кормить его народ в течение долгих лет.

— А если я тебе не помогу, ты выдашь нас своему дяде и прикажешь изгнать отсюда?

Хит закрыл глаза:

— Я не хочу этого делать. Пожалуйста, не заставляй меня.

— Кого ты хочешь убить?

— Пока никого, но мы скоро уезжаем в Кимовеск, и мне нужно оружие.

Джейс снова взглянул на булавку для плаща, а затем отвернулся, окончательно сдавшись:

— Приходи вечером в мой фургон.

***

Когда той же ночью Хит вернулся в табор, он готов был увидеть какую-нибудь старую каргу, ожидающую внутри фургона Джейса. Вместо этого Джейс был один.

Сбитый с толку, даже немного обеспокоенный, Хит поинтересовался:

— Кто покажет мне, как использовать заклинание?

— Я, — голос Джейса звучал напряженно, даже сердито, однако, он жестом пригласил Хита войти и закрыл дверь. — Тебе понадобится огонь, когда ты будешь колдовать. Мы обязаны сохранять все это в тайне, поэтому я просто расскажу тебе, что делать.

Внутри фургона было довольно опрятно. В одной стене была встроенная кровать. Джейс расчистил место на полу и собрал небольшой набор предметов: железный крюк, маленький котелок, бутылку, острый на вид кинжал и кусок черного мела.

— Компоненты не сложны, но один из них получить может быть непросто.

Хит почувствовал, как в нем нарастает возбуждение. Когда он впервые задумался об этом, все происходящее показалось ему одной из историй, которые он придумывал и разыгрывал в уме каждую ночь. Но Джейс был серьезен. Ему нужна была драгоценная булавка для плаща, а еще он хотел сохранить место для своего народа на этой земле.

— Что мне делать? — спросил Хит.

— Сначала ты разведешь костер и дашь ему разгореться. Затем нарисуешь треугольник черным мелом, достаточно большой, чтобы в нем можно было сидеть, скрестив ноги.

Без лишних вопросов Хит нарисовал треугольник и сел внутри него.

— Ты должен поместить крюк над огнем, а на крюк повесить котел, — продолжал инструктировать Джейс, передавая Хиту бутылку. — Сначала налей вот это. Это очищенная вода. Нужно совсем немного, чтобы связать остальные компоненты друг с другом.

Хит играл роль. Он подтянул крюк поближе, над воображаемым огнем подвесил котел и налил в него немного воды:

— Этого достаточно?

— Да, — Джейс помедлил, но потом продолжил: — Следующий компонент — это твоя собственная кровь. Но не порежься сейчас, — предупредил он, передав парню кинжал. — Лучше всего для этой цели использовать предплечье. Потом его можно перевязать и носить рубашку с длинными рукавами, пока не заживет.

Завороженный, Хит смотрел на кинжал, представляя, как вонзает его в собственную руку.

Джейс присел на корточки рядом. На полу как раз хватало места для них обоих.

— Слова тоже простые, и ты должен произнести их прежде чем добавишь последний компонент.

— Какой именно?

— Волосы с головы твоей жертвы... а их не всегда легко достать.

Хита это обстоятельство не сильно волновало:

— Что за слова?

Что-то в происходящем все еще напоминало ему игры, в которые он играл с Рошель и Лизбет. Хиту казалось, что они с Джейсом разыгрывали пьесу.

Джейс снова помолчал:

— Прежде чем произносить заклинание, тебе нужно выбрать время... скажем, один час вперед, чтобы заклинание вступило в силу. Но слова ничего не значат без намерения... А намерение-это все. Произнося заклинание, тебе нужно сосредоточить всю свою волю на облике твоей цели и на значении слов настолько глубоко, насколько сможешь. Понимаешь?

— Да.

Повернувшись к котлу, Джейс сел, скрестив ноги, и закрыл глаза. Хит ждал, что произойдет дальше.

Джейс начал шептать:

— *Дыхание сиречь дыхание, больше не будет. Один час времени-это все, что у тебя есть. Дыхания жизни, сиречь дыхания жизни, больше не будет. Через час дыхание исчезнет.*

Хит тихо повторил про себя эти слова.

— Затем добавляешь пряди волос, — закончил Джейс. — Но, Хит... как только ты это сделаешь, если твое намерение было сильным и целенаправленным, остановить это будет невозможно. Пути назад нет.

Хит кивнул и взял бутылку с очищенной водой:

— Могу я взять это? Все остальное я могу собрать сам.

Отведя взгляд, Джейс кивнул. Хит достал украшенную драгоценными камнями булавку и положил ее на пол. Потом встал и направился к двери.

— Хит, — сказал у него за спиной Джейс, — не возвращайся сюда больше.

***

Во время путешествия в Кимовеск Хит начал носить под туникой черную шерстяную рубашку с длинными рукавами. Его матери это не понравилось, но он пожаловался, что ему холодно. Он хотел, чтобы все привыкли видеть его в рубашке.

После двухдневного путешествия они въехали во внутренний двор замка Кимовеск. Хозяин замка даже не вышел поприветствовать их. Вместо него гостей встретили отталкивающего вида капитан с длинными усами и странный коротышка с родимым пятном, представившийся мастером Лионелем. Сам замок был темным, унылым и неприступным, и Хит не мог представить, чтобы Рошель провела здесь хоть одну ночь, не говоря уже о том, чтобы ее продали в рабство в качестве хозяйки замка.

Их отвели в комнаты для гостей. У Хита, его дяди, матери и Карлотты были свои комнаты. Рошель и Лизбет должны были делить одну комнату на двоих, но это была обычная практика для молодых незамужних женщин. Возможно, то, что Карлотта была не замужем не имело никакого значения.

Прозвучал гонг к ужину. Входя в большой зал, Хит приготовился к худшему, но ничто не могло подготовить его к встрече с Дамеком... жестоким, порочным, эгоистичным человеком, от бледной кожи которого прямо таки исходил запах насилия.

Дамек не скрывал своего презрения к Карлотте, как не скрывал своего вожделения к

Рошель. Манеры у него были не лучше, чем у крестьянина. Хит взглянул на длинные темные волосы Дамека, на резкие черты его лица и почувствовал большое облегчение. Мать никогда не отдаст Рошель такому существу.

Но вот начался ужин, и все, за исключением Лизбет, вели себя так, словно это был приятный ужин знати, разговаривающей о налогах и погоде. К тому времени, когда все закончилось, все ощущение облегчения у Хита испарилось, а страх удвоился. Неужели его мать и дядя все еще обдумывали эту пародию на брак?

В тот вечер, когда Карлотта отправилась в личные покои Дамека, чтобы провести переговоры о приданом, Хит осознал всю истину происходящего. Ему захотелось выть от безысходности. Схватив свой плащ, Хит вышел во двор прогуляться в одиночестве, приготовиться к тому, что он должен был сделать.

Пока Карлотта все еще была занята с Дамеком, Хит поднялся в восточную башню и проскользнул в ее комнату. Щетка для волос лежала на маленьком туалетном столике. Он вытащил целую пригоршню жестких, темных с проседью волос и положил их в карман плаща. После этого Хит отправился в свою комнату.

На следующий день Дамек так и не появился на обеде и, казалось, вообще забыл о своих гостях, никак не позаботившись о том, чтобы им было чем заняться. Рошель старалась все делать как можно правильнее. Занимаясь вышивкой, она вела беседу с мамой, дядей Хэмишем, Карлоттой и Лизбет.

Хит объявил, что отправляется на прогулку, и никто не усомнился в его словах. Это было именно то, что он мог сделать. Лизбет попросила разрешения пойти с ним, но он любезно велел ей остаться. Хит начал поиски. Ему потребовалось два часа, чтобы найти дверь, ведущую вниз, прямо в караульное помещение старой тюрьмы, где был очаг.

Чуть больше чем за час до ужина Хит тихо принес туда коробку, которую сам же и упаковал. В ней был железный крюк, маленький котелок, бутылка очищенной воды и мел. Еще Хит принес бинты.

Разведя костер, он поставил котел и нарисовал на полу черный треугольник. Потом, чтобы не испачкать одежду кровью, снял тунику и рубашку. Налил немного воды в котел, и не дрогнув, порезал кинжалом собственное предплечье, позволив крови стекать прямо в котел. Достав из кармана волосы Карлотты Хит положил их рядом с собой. Закрыв глаза, он полностью сосредоточился на образе Карлотты и прошептал:

— Дыхание сиречь дыхание, больше не будет. Один час времени-это все, что у тебя есть. Дыхания жизни, сиречь дыхания жизни, больше не будет. Через час дыхание исчезнет.

Открыв глаза, Хит бросил волосы Карлотты в котел. Они зашипели, смешавшись с кровью и водой. После этого он туго перевязал руку и надел черную шерстяную рубашку на тот случай, если через нее просочится кровь. Поверх рубашки Хит натянул тунику, стер треугольник и спрятал бутылку, крючок и котелок за старым письменным столом.

Еще раз осмотрев все вокруг, парень поднялся наверх ужинать и наблюдать, как умирает Карлотта. Все выглядело так, как будто ее отравили. Чтобы подбросить эту идею всем остальным, Хит даже обвинил Дамека в том, что тот отравил его сестру.

После такого он ожидал, что мать скажет, что они уезжают, что не останутся в этом замке убийств. Но мать так ничего и не сказала. К его удивлению, следующий день прошел точно так же, как и предыдущий. Несколько ночей спустя он увидел, как дядя Хэмиш поднялся в одну из западных башен, чтобы возобновить переговоры с Дамеком.

Хит похолодел. Похоже, его мать нуждалась в дополнительных стимулах. Тогда это безумие прекратится, и они заберут Рошель домой.

Поздно ночью, после того, как Хэмиш вернулся в свою комнату, Хит тихо подошел к комнате дяди и проскользнул внутрь. Хэмиш спал... или, скорее, отключился, а рядом с ним на полу стоял полупустой кувшин с вином.

Вытащив кинжал, Хит наклонился и срезал прядь волос дяди.

Туман сгустился...

Глава 15

Когда Амели вынырнула из воспоминаний, она поняла, что смотрит прямо в лицо Хита, но его взгляд был отстраненным. Она не заметила к какой момент он убрал свою левую руку с ее плеча и теперь упирался ею в стену рядом с ее головой. В правой он по-прежнему сжимал кинжал.

Амели не колебалась. Изо всех сил оперевшись обеими руками в грудь Хита, она столкнула парня вниз по лестнице обратно в караульное помещение, надеясь, что он настолько дезориентирован, что упадет. Когда Хит попятился назад, она выхватила из ножен на правой руке острый как бритва кинжал и приготовилась защищаться.

Амели понимала, что не сможет по этой лестнице убежать от Хита.

Едва коснувшись ногами пола караульного помещения Хит пошатнулся, но ему удалось удержаться и не упасть. Взгляд парня прояснился, и он поднял голову.

— Ты... ты все это видела? — спросил он.

Она знала, что должна действовать быстро, что выживет только в том случае, если будет полагаться на элемент неожиданности, но в его истории все еще не хватало некоторых фрагментов.

— А как же Мэддокс? — чуть не плача спросила она. — Ты убил его?

Хит стоял неподвижно:

— Да.

— Почему?

— Я должен был, — светло-карие глаза парня потускнели. — Я застал капитана обыскивающим мою комнату, и понял, что он начал что-то подозревать... обо мне или, возможно, о Рошель, именно поэтому он не сбежал, а поднялся в наши комнаты, чтобы обыскать их. Мэддокс начал с моей, но ничего не нашел. Я храню вещи, которые мне.. нужны здесь, внизу. Но я видел, что он начал сомневаться. Когда я застал его в своей комнате, я был любезен с ним, я сказал ему, что понимаю, почему он забрал Рошель. Я сказал ему, что, если он пойдет со мной, я спрячу его в комнате матери, а потом схожу за ней и попрошу выслушать его версию похищения.

— И он согласился?

— Он казался благодарным... безмерно благодарным. К этому моменту он выглядел растерянным, потому что больше ничего не мог сделать. Я указал ему на дверь и когда он повернулся ко мне спиной, вытащил кинжал, а как только мы вместе вышли в коридор, я нанес удар... точно так, как учил меня Джейс, прямо в горло Мэддокса. Не думаю, что он что-то почувствовал, — тень сожаления промелькнула на лице Хита. — Я спустился вниз, не зная, что Лизбет спит в своей комнате. Я не хотел, чтобы она нашла его таким.

Со своего места на лестнице Амели смотрела на котел и длинные волосы рыжеватозолотистого цвета рядом с ним:

— Но почему ты не убил Дамека в самом начале? Это остановило бы брак.

— А где бы я взял волосы Дамека? — спросил уже более смело, более уверенно Хит, тоже посмотрев на ко-тел. — Я не хотел его убивать. Я хотел, чтобы он страдал из-за того, что наша семья разорвала помолвку. Я хотел, чтобы все узнали, что он настолько недостойный и порочный, чтобы даже самая захудалая семья не позволила бы своей дочери выйти за него замуж.

Амели указала на рыжевато-золотистые волосы:

— Ты бы убил Рошель?

— Я спасаю Рошель! После всего, что ты видела, ты все еще не понимаешь? Даже если я расторгну этот брак, мать только устроит другой. Теперь я в этом уверен. За последние дни я все больше и больше убеждаюсь в этом. Я должен спасти Рошель. Я не могу позволить ей страдать в постели такого мужчины, как Дамек. — Хит подошел на шаг ближе. — Мне жаль, Амели, но я должен спасти ее.

Он был безумен. Она не видела этого, читая его прошлое, и, возможно, он даже и не пытался скрыть свое безумие... возможно, оно проявлялось только в определенные моменты.

Амели покрепче сжала в руке кинжал:

— Пожалуйста, Хит, отпусти меня, и я никому не скажу, — на этот раз в голосе девушки слышались нотки страха.

Хит немного расслабился и покачал головой:

— Мне очень жаль. Но тебе не следовало спускаться сюда.

Он видел, что ее жизнь или смерть — это только его решение.

Амели бросилась прямо на него.

***

Селин шагнула к Саорис, сжимая в руке копьё. Саорис стояла перед котлом, закрыв глаза и погрузившись в транс. Ее губы шевелились. Она подняла руку над котлом.

— *Поверженный ниц... эрадо... Антон.*

В последний момент Селин увидела, что Саорис держала в руке три каштановых волос. Волосы Антона. Должно быть, она вырвала их, когда дотрагивалась до его лица.

Саорис разжала руку и волосы начали медленно падать прямо в котел. Селин понимала, что не успеет их поймать. С того места, где стояла, ударом ноги, она сбила котел вместе с железным крюком. Три волоса, безо всякого вреда, упали в пламя и мгновенно сгорели.

Саорис открыла глаза. Схватившись обеими руками за наконечник копьё, Селин взмахнула им и ударила женщину древком по лицу. От удара Саорис отлетела назад, ударившись об пол и выронив кинжал. Все еще находясь в сознании, она схватилась за лицо, дико озираясь по сторонам. Селин переместила копьё так, чтобы его острие оказалось внизу.

— Это была ты! — выдвинула она обвинение. — Ты убила Карлотту и Хэмиша. Почему?

Какая-то часть Селин не хотела верить в это, хотя доказательства были перед ней. А что насчет Мэддокса? Кто убил его?

— Нет... — попыталась сказать Саорис, держась за лицо, багровеющее под ее пальцами.

— Я слышала тебя! Ты собиралась сделать то же самое с Антоном!

Саорис попыталась сесть. С трудом, но у нее это получилось:

— Я не убивала ни Карлотту, ни лорда Хэмиша, — сейчас ее речь звучала более отчетливо.

— Тогда что это было? — Селин ткнула древком копьё в сторону упавшего котла. — Ты

расскажешь мне прямо сейчас, или, клянусь, я подойду к подножию этой лестницы и буду кричать до тех пор, пока не прибегут кухонные служанки. Я пошлю их за Дамеком, Антоном и леди Хеленой, и посмотрим, что они скажут, когда увидят, что ты делала.

Саорис на мгновение закрыла глаза, а затем снова открыла их:

— Если я скажу тебе, ты все равно выдашь меня.

Селин крепче сжала копьё:

— Не выдам, если ты еще никого не убила. Но мне нужна правда. Ты наложила на Антона заклятие, не так ли? Что-то, чтобы остановить его дыхание?

Саорис посмотрела на нее снизу вверх:

— Да, — сказала она наконец. — Я не знаю, кто убил остальных, и не знаю, что было использовано. Я просто использовала заклинание, которое бы по-своему действию было достаточно похоже на то, что случилось с Карлоттой и лордом Хэмишем, чтобы Антона считали третьей жертвой.

— Почему? Почему именно Антон?

— Как ты думаешь, почему? Ты видела его отношения с отцом. Ты видела отношение Ливена к Дамеку. Я знала, что Ливен в какой-то степени благоволит Антону... Но я понятия не имела, что до такой степени. — На лице Саорис снова отразился страх, тот же самый страх, который она выказала в большом зале. — Ливен... любит Антона, и едва заставляет себя заговорить с Дамеком. Я этого не знала.

Неожиданно Селин все поняла:

— Приход Дамека к власти — это и твой приход к власти.

Саорис ничего не ответила.

Селин лихорадочно соображала, что же ей делать. Разоблачение произошедшего здесь, внизу только усугубило бы ситуацию. Хотя она верила Саорис, но были и другие, кто не поверит. Если бы советника Дамека обвинили в убийстве нескольких членов семьи его невесты, свадьба, которая состоится завтра после полудня, показалась бы другим аристократам странной. Принц Ливен не захотел бы этого.

Присутствие Антона в замке Кимовеск заключалось в том, чтобы помочь браку Дамека и Рошель состояться. Но если Селин не привлечет Саорис к ответственности и не остановит ее, Антон окажется в опасности.

Сделав шаг ближе к сидящей на полу женщине, Селин понизила голос:

— Я не выдам тебя до тех пор, пока с Антоном все будет в порядке. Но если ты попробуешь сделать такое еще раз, — она указала на котел, — и он умрет, я пойду к принцу Ливену и расскажу ему все, что я здесь видела. Меня накажут за то, что я не рассказала раньше, но мне будет все равно. Тебе повезет, если Ливен только прикажет повесить тебя. Он может приговорить тебя к смерти как приговаривает предателей, и приказать вырезать тебе внутренности.

Саорисе молча смотрела на нее снизу вверх.

Селин повернулась, собираясь уйти, но остановилась:

— Более того, обо всем, что я здесь видела, я расскажу еще нескольким людям из своего окружения, чтобы я не была единственной, кто об этом знает, на случай, если ты решишь, что я твоя главная угроза. Если Антон умрет каким-либо подозрительным образом, я, или кто-то другой, кто знает о твоей попытке здесь, отправимся к принцу Ливену, и ты будешь приговорена к смертной казни. Так или иначе, я позабочусь об этом. — Селин замолчала, вспомнив о том, что Антон сказал Дамеку той ночью, когда прижимал своего брата к стене:

— Ты мне веришь?

С невозмутимым видом Саорис кивнула.

***

Амели застала Хита врасплох. Она надеялась добраться до него и вонзить ему кинжал между ребер.

В последнюю секунду ему удалось развернуться, и она, чуть споткнувшись, пронеслась мимо него, крутанулась и нанесла колющий удар, чтобы не дать ему схватить ее. Хит увернулся, избегая удара. Воспользовавшись этим, Амели проскочила мимо него и укрылась за задней стенкой стола. Парень развернулся к ней лицом.

Амели считала себя искусной в обращении с кинжалом, но по тому, как он двигался, как держал свой клинок, и по всем воспоминаниям, которые она видела о нем, она поняла, что не сможет одолеть его в бою на ножах.

— Хит, подожди, — Амели опустила руку с кинжалом за стол так, чтобы он не мог видеть.

Парень замешкался. Амели осторожно, не спуская глаз с парня, опустила кинжал на стул, стоявший рядом и осторожно вытащила отравленный стилет.

— Хватит убегать, — сказал он. — Перестань бороться со мной, и я обещаю сделать это быстро.

Амели ничего не ответила, оставаясь там, где стояла. Хит начал медленно двигаться, обходя стороной стол

— Я обещаю, — повторил он.

Когда он оказался в пределах досягаемости, она нанесла удар, рассекая его обнаженную грудь. Хит задохнулся и отскочил назад, его лицо превратилось в маску ярости. Амели выскочила из-за стола и бросилась к двери в задней части караульного помещения. Она слышала, как он идет следом, но ей удалось добраться до выхода. Амели выбежала наружу, захлопнув за собой дверь и для надежности продолжала удерживать ее, держась одной рукой за ручку. В другой она все еще сжимала стилет.

— Амели! — крикнул Хит по другую сторону двери, и она почувствовала, как та дернулась в ее руках, но она держала изо всех сил, не выпуская ручку.

Он прорычал что-то неразборчивое и снова дернул дверь... но на этот раз Амели было гораздо легче удержать ее. В третий раз дверь почти не дернулась.

— Амели? — голос Хита звучал так, словно он находился далеко от двери.

Через пару мгновений Амели приоткрыла дверь, осторожно заглянув внутрь. Хит стоял в центре караульного помещения, пошатываясь, и, казалось, ему было трудно дышать.

Когда он рухнул на колени, она вошла, все еще сжимая в руке стилет. Хит попытался вдохнуть, но безуспешно. А потом завалился навзничь на пол. Какой бы яд ни использовал на стилете Яромир, тот действовал быстро.

Амели подошла к Хиту, и он показался ей таким юным, как мальчик, играющий со своими сестрами в воображаемого героя. Он изумленно посмотрел на нее и его дыхание остановилось.

***

В большом зале, после довольно продолжительного обсуждения урожаев и налогов, Антон извинился и прервал разговор с отцом, когда понял, что не видит ни Селин, ни Амели.

В зале было много народа, и он отправился на поиски сестер. Он нигде не видел

отдыхающей Селин, как она ему говорила. Или она сказала, что идет к столу? Возможно, она собиралась отдохнуть наверху, в своей комнате. Но это было маловероятно, не сейчас, когда на них свалилось решение его отца перенести свадьбу на завтра. Тем не менее... она могла подняться наверх за чем-нибудь.

Повернувшись, Антон уже собирался направиться к восточной арке, когда увидел, как в зал входит Селин.

Девушка осмотрелась по сторонам и подошла к Антону.

— Все в порядке? — спросил он.

Она улыбнулась:

— Да, мне нужно было ненадолго отлучиться. — Селин осмотрела зал. — Где Амели?

— Я не знаю. В последний раз, когда я видел ее, она все еще сидела с Хитом, но это было некоторое время назад. Я был занят разговором с отцом.

На лице Селин появилась тревога. Она еще раз осмотрела зал:

— Я и Хита не вижу.

— Может, они пошли прогуляться во двор?

Не успел он закончить говорить, как, через восточную арку вошла Амели. Антон сразу увидел, что что-то было не так. Волосы девушки выбились из-под заколок, платье было растрепано, подол порван.

Антон подошел к ней, и наткнулся на мрачный взгляд.

— Тебе лучше пойти со мной, — тихо сказала она. — Возьми с собой Дамека, леди Хелену и Рошель, больше никого. Пусть Селин поднимется в комнату Лизбет и побудет с ней.

***

Очень скоро Антон оказался под землей, в старой тюрьме Кимовеска. Он не бывал здесь с тех пор, как был мальчиком.

Сейчас Антон смотрел на полуобнаженное, мертвое тело Хита и слушал, как Амели все рассказывала и рассказывала о том, что видела в прошлом парня.

Леди Хелена стояла потрясенная. Дамек осматривал содержимое котла. Рошель, опустившись на пол на колени рядом со своим братом, сжимала его мертвую руку. Никто не пытался остановить ее.

Едва они впятером вошли в караульное помещение, и Рошель, и Хелена назвали Амели лгуньей. Но потом та начала говорить.

Она не была прирожденной рассказчицей, не такой как Селин, что в каком-то смысле делало такие события, как это, более понятными. Амели не приукрашивала, не добавляла красок, не изменяла голос. Она начала рассказывать с того момента, когда Хиту было пятнадцать лет. Когда она описала несколько игр, в которые он играл на чердаке или в лесу с Рошель и Лизбет, Антон увидел, как обвиняющее выражение лица Рошель начало меняться.

К тому времени, как Амели добралась до Мэддокса, который пытался дать Хиту уроки владения мечом, леди Хелена побледнела. Обе женщины знали, что Амели говорила правду. Она знала детали, важные подробности, которые никто не мог знать, если не видел их собственными глазами в прошлом Хита.

Тем не менее, рассказ продолжался. Когда Амели рассказала о том, что Хит обратился к Джейсу за заклинанием, которое убивало на расстоянии и выглядело как заказное убийство, Дамек отвернулся от котла.

Амели закончила рассказ о смерти Мэддокса и показала на рыжевато-золотистые волосы, все еще лежащие на полу.

— Он собирался убить Рошель сегодня вечером. Он думал, что спасает ее.

Рошель закрыла лицо руками. Теперь никто не ругал Амели и ни в чем ее не обвинял.

Антон видел, что все ей поверили, но взгляд ее глаз по-прежнему был безутешным. Он не мог представить, через что ей пришлось пройти этой ночью. Сначала она увидела извращенную природу прошлого Хита, а затем ей пришлось убить его.

Неожиданно мысли Антона вернулись к истории, которую Селин рассказала небольшой толпе в гостинице. Он подумал обо всех проявлениях ревности и трагедиях, которые могут последовать в результате. Селин была права в том, что сказала той ночью. Между братьями и сестрами ревность была самой опасной эмоцией из всех, больше, чем ненависть, больше, чем страх.

Подойдя ближе, Дамек посмотрел на тело, потом поднял глаза на Антона:

— Значит, все кончено?

Антон оцепенел от потрясения:

— Да. Иди и скажи отцу.

Глава 16

На следующее утро, после почти бессонной ночи, Селин тихонько вылезла из постели. Амели еще спала.

Хельга подняла голову со своей подстилки на полу, но Селин приложила палец к ее губам. В шкафу висел шелковый халат со шнуровкой. У нее еще не было повода надеть его, но сейчас он показался ей наиболее подходящим предметом одежды. Селин накинула халат поверх сорочки и туго стянула шнуром на поясе. Потом взяла коробку с медицинскими принадлежностями.

Не говоря ни слова, Хельга встала, подошла к двери и открыла ее. Селин вышла из комнаты, поднялась на третий этаж башни и нашла дверь в комнату леди Хелены. Поставив коробку на пол, она постучала. Почти сразу же дверь открылась, и на пороге появилась Лизбет.

— О, Лизбет, — прошептала Селин. — Я пришла проведать твою мать.

Накануне вечером Селин дала леди Хелене еще одну ложку макового сиропа, чтобы помочь ей уснуть.

Лизбет отступила назад:

— Она все еще спит, но ты можешь ее проведать.

Потеряв горячо любимого брата, девушка казалась на удивление спокойной, но, возможно, она все еще находилась в шоке.

Селин проверила дыхание леди Хелены, но решила не будить ее. Она повернулась к Лизбет, раздумывая, как озвучить трудное предложение. Наконец Селин решилась:

— Лизбет... если тебе когда-нибудь понадобится помощь, ты ведь знаешь, что можешь обратиться к Антону, не так ли? Тебе нужно только послать весточку или приехать в Сеон самой.

Лизбет присела на край кровати:

— Спасибо. Хорошо, что ты это предложила, — она говорила так по-взрослому. — Но думаю, что сейчас я нужна маме. Вчера вечером, до того, как ты пришла дать ей маковый сироп, она пыталась поговорить с Рошель. Она спросила Рошель, не могли бы мы вдвоем переехать жить сюда, в Кимовеск. — Лизбет поморщилась. — Мне была ненавистна эта

идея, но я не ожидала, что Рошель окажется такой холодной. Она отказала маме, а потом сказала, что она должна будет уехать в Квиллетт на следующий день после свадьбы. Это было ужасно. Думаю, Рошель винит маму в смерти Хита, но еще я думаю, что мама не хочет возвращаться домой теперь, когда там будем только она и я.

Селин понятия не имела, что сказать. За очень короткое время эта семья потеряла троих членов из-за смерти, а теперь они теряли четвертого члена из-за брака. Они потеряли надежного капитана, который жил с ними последние три года. И теперь Хелена и Лизбет останутся одни в большом поместье.

— Я позабочусь о ней, — Лизбет дотронулась до руки матери.

— Ты всегда была лучшей из них, — сказала Селин, — лучше брата и сестер. Я надеюсь, ты это знаешь.

Лицо Лизбет было таким серьезным.

— Рошель все еще должна выйти замуж за Дамека? Я имею в виду... если бы она сказала «нет», после всего, что случилось, смогла бы она вернуться домой вместе с нами?

— Я думаю, это не в нашей власти, — ответила Селин, но вопрос заставил ее задуматься. Она встала и коснулась плеча Лизбет: — Я вернусь через некоторое время.

Выскользнув из комнаты, девушка несколько мгновений постояла в коридоре, а затем подошла к двери комнаты Рошель и постучала.

— Войдите.

Она открыла дверь. Рошель сидела за туалетным столиком и расчесывала волосы.

Взгляды девушек встретились в зеркале, и Рошель обернулась:

— Да?

Селин вошла. Она не знала, что сказать, но, несмотря на цель их приезда в Кимовеск, несмотря на их долг помочь скрепить этот брак, она не могла молчать.

— После всего, что произошло, — начала она, — если ты хочешь избежать сегодняшней свадьбы, никто не станет винить тебя за то, что ты ее отменишь. Ты могла бы сослаться на горе из-за смерти брата, и могла бы уехать с леди Хеленой и Лизбет, а потом, позже, спокойно покончить со всем. Твоя мать не стала бы возражать.

Рошель задумчиво посмотрела на Селин:

— Мисс Селин, пожалуйста, позвольте мне прояснить две вещи. Во-первых, сегодня днем я выхожу замуж за принца Дамека, и ничто меня не остановит. Во-вторых, я любила брата. Я люблю Лизбет, но Хит был единственным существом в этом мире, которое я действительно любила.

Я собираюсь стать великой принцессой Древинки, и я бы удержала его рядом с собой и дала ему власть. — Глаза Рошель сузились: — Что бы ни говорила твоя сестра, он никогда бы не причинил мне никакого вреда, а она убила его. Я никогда этого не забуду. Никогда. — Она снова повернулась к зеркалу. — А теперь покиньте мою комнату.

Не сказав больше ни слова, Селин вышла.

***

В то утро, после короткого разговора с отцом, Антон поднялся в комнату сестер и постучал в дверь.

Ему открыла Хельга.

Антон с облегчением увидел в комнате Амели и Селин. Обе были одеты в простые шерстяные платья и еще даже не начали готовиться к свадьбе.

Он застыл в дверях, а все три женщины с любопытством наблюдали за ним.

— В чем дело? — спросила Хельга, и запоздало добавила: — Милорд.

Антон глубоко вздохнул:

— Я только что разговаривал со своим отцом, и он сказал мне, что в награду за наш успех здесь нам разрешат пропустить церемонию, и мы сможем уехать, как только соберем вещи. Отец сказал, что он выступит в качестве свидетеля Дамека, а я могу быть свободен, если захочу.

— Что? — спросила Амели. — Тебе это не кажется... странным? Твой брат женится сегодня днем. Как это будет выглядеть, если мы не останемся даже на несколько часов?

— Думаю, что мы с Дамеком уже давно перестали демонстрировать ложные проявления братской поддержки.

— Что ты собираешься делать? — спросила Селин.

— Я подумал, что должен спросить тебя.

— Правда? Ты действительно не будешь возражать, если мы уедем прямо сейчас? — спросила она.

— Я сделаю все, что ты пожелаешь.

Селин опустила на кровать:

— Ох, Антон, отвези нас домой.

Глава 17

Полтора дня спустя небольшой отряд пересек открытое поле, и Селин увидела вдали замок Сеон.

Сидя на скамейке фургона, Хельга большую часть пути критиковала вождение сержанта Базина. Амели пустила своего маленького черного мерина рысью рядом с фургоном, привлекая к себе внимание Хельги и пытаясь хоть как-то облегчить положение бедного Базина.

Перед отъездом из Кимовеска Антон раздобыл Джоанне лошадь, и теперь она ехала рядом с Рюриком. Антон даже не стал расспрашивать Селин, когда она сказала ему, что молодой женщине нужен новый дом и работа.

Погода была прохладной, но дождя не было, и даже через прореху в облаках над головой проникал поток солнечного света.

По дороге домой у Селин было много времени для размышлений, и ей не давало покоя растущее беспокойство, что она не настолько контролирует свою способность видеть будущее, как считала раньше. Во время этого расследования туман показал ей фрагменты будущего Лизбет и Мэддокса, но этого было недостаточно, чтобы она могла изменить ход событий.

Хуже того, когда она читала «Леди Саорис», туман показал ей сцены из двухлетнего будущего и не показал сцену, в которой Саорис пытается убить Антона. Поразмыслив, Селин решила, что теперь понимает почему. Во время чтения она сосредоточила всю свою энергию на том, чтобы узнать о возможной причастности Саорис к смерти Карлотты и лорда Хэмиша. Туман показал ей сцены, которые должны были ответить на этот вопрос... сцены, которые показывали, что Саорис вложила деньги в брак и, таким образом, получалось маловероятным, что она была убийцей.

Селин задала конкретный вопрос, и на этот вопрос был дан конкретный ответ. Как ей научиться заставлять туман показывать то, что ей больше всего хотелось увидеть? В ближайшие дни она должна будет изучить этот вопрос.

К счастью, они почти уже были дома.

Лошадь Антона остановилась рядом с лошадью Селин. Антон молча смотрел на нее сверху вниз, и она сразу поняла, что что-то не так.

— Селин, — начал принц, — мы почти добрались до Сеона. В этом путешествии мы все позволили себе некоторые вольности по отношению друг к другу... промахи. Я был худшим виновником из всех нас, но вернувшись домой, нам нужно будет вернуться к прежним отношениям.

— Ты имеешь в виду, что мне придется называть тебя «милорд» каждый раз, когда я обращаюсь к тебе в присутствии кого-то другого? — Селин старалась говорить беззаботно, но понимала, что это ей не совсем удалось. За последнюю неделю они через многое прошли вместе.

Часть затаенного одиночества вернулась в глаза Антона:

— Да, — он смотрел прямо перед собой. — Я ценю все, что ты для меня делаешь, и мне бы не хотелось так много от тебя требовать. Я бы хотел... Я бы хотел... — он не смог закончить фразу.

— У меня тоже есть желание, — сказала Селин. — Ты думал о том, как мы могли бы их осуществить?

— Я еще не придумал ответа, — он сделал паузу. — А ты?

— Нет, но, возможно, мы что-нибудь придумаем.

Снова взглянув на нее сверху вниз, Антон кивнул:

— Возможно, придумаем.

***

Когда Амели и Селин наконец вошли в дверь своего дома, «Бетони и Бук», до наступления вечера оставалось около часа. Амели окинула взглядом привычную обстановку. Оливер поприветствовал их широким зевком и начал тереться о ноги Селин. У входной двери стояла миска со свежим молоком.

— Мне нужно будет послать Эрин подарок за то, что она присматривала за ним, — сказала Селин.

— Да, — рассеянно кивнула Амели.

Хотя по большей части ей удавалось вести себя как обычно, она не могла забыть о Кимовеске, как ни старалась. Девушка все еще ощущала запах затхлого воздуха замка Дамека. Всякий раз, когда Амели закрывала глаза, ей чудился Хит, лежащий мертвым на полу, или она вспоминала то, что видела в его прошлом. Амели надеялась, что как только переступит порог своего дома — то сможет все забыть, но этого не произошло, по крайней мере, пока.

Селин наблюдала за ней.

— Почему бы тебе не прогуляться по деревне? — спросила она. — Тебе пойдет на пользу снова оказаться на улице, среди рыночных прилавков Сеона.

Хотя Амели не была уверена, что это поможет, но на данный момент это звучало лучше, чем оставаться здесь. Ей даже не хотелось переодеться, менять шерстяное платье на брюки, а это уже о чем-то говорило.

— Ты точно не против?

— Нет, конечно, нет. Иди, прогуляйся.

Повернувшись, Амели вышла за дверь. Для осени погода была просто прекрасная. Амели повернула в сторону рынка. Но внезапно остановилась. Навстречу ей по дороге шел высокий мужчина с козлиной бородкой, одетый в коричневый табард. Он остановился в

нескольких шагах от девушки.

— Яромир.

— Я знаю, ты только что вернулась домой, но это была самая длинная неделя в моей жизни. Я убедился, что принц в безопасности, и пришел повидаться с тобой.

Амели ничего не ответила. Он был таким открытым. Таким честным. Она скучала по нему.

— У меня есть приглашение, — продолжил Яромир. — Прибыла группа менестрелей, и этим вечером они выступают на рынке. Вся деревня в предвкушении. Мастер Эрншоу из кондитерской весь день готовил засахаренные яблоки.

— Засахаренные яблоки?

Яромир подбросил монетку в воздух и одарил Амели ухмылкой:

— Я угощу тебя двумя.

Что-то внутри нее растаяло. Девушка знала, что должна быть осторожна рядом с ним. У нее не было намерения становиться еще одной в длинной череде его любовниц, но в этот момент не было ничего в мире, что она хотела бы сделать охотнее, чем пойти с ним на рынок Сеона, послушать музыку и съесть засахаренные яблоки.

Он протянул руку.

Она приняла ее.

Продолжение следует...